

Лариса Петровичева

Принцесса без короны. Отбор не по правилам

Глава 1

Принцесса без короны

– Развод? Как такое возможно?

Дайна чувствовала, как пол уходит из-под ног, и молилась лишь о том, чтобы не упасть. Не рухнуть на ковер к остроносым туфелькам свекрови. Золотой свиток с алыми печатями Святого престола, который госпожа Амин держала в руках, пламенел, словно солнце.

Свекрови, конечно, понравилось бы это падение. Госпожа Амин всегда ловила малейший промах невестки, и именно поэтому Дайна сейчас поклялась, что устоит на ногах. Умрет, но не упадет.

– Да, – с торжествующим удовлетворением повторила свекровь. – Да, развод. Я как мать и глава своего дома после болезни государя послала прошение Святому престолу, и оно было принято.

Развод, развод, развод. Страшное слово грохотало в ушах, и сквозь этот грохот Дайна слышала, как суетятся слуги, собирая ее жалкие пожитки. За год в браке с принцем Кендриком Дайна почти ничего не нажила. Может, и свадебные подарки у нее отберут.

Да что подарки! У нее отняли жизнь, а Дайна едва успела привыкнуть к тому, что все наладилось, и мир наконец-то обрел устойчивость.

– Но... почему, госпожа Амин? – прошептала Дайна, глядя в сухое лицо свекрови. Сытая довольная улыбка разрезала его алой трещиной: свекровь ненавидела Дайну с того самого дня, как та появилась во дворце, и теперь светилась от счастья.

– И ты еще спрашиваешь почему? За год жизни с моим сыном ты так и не забеременела! – воскликнула свекровь.

Дайна услышала быстрые шаги за дверями, далекие голоса слуг, суету. Да, ее и в самом деле выгоняют, она пыталась хоть как-то взять себя в руки и не могла.

В день свадьбы она надеялась, что наконец-то нашла дом. Что годы скитаний и тоскливой жизни в приживалках закончены, она подарит принцу Кендрику детей, и жить они будут долго и счастливо до самой старости.

Сквозь растерянность прорвался гнев, и Дайна выкрикнула свекрови в лицо:

– Да потому я не забеременела, что ваш сын не захотел разделить со мной ложе! Так как он предпочитает мужчин! И брак нужен был вам ради того, чтобы развеять слухи о нем и утвердить его право занимать трон!

Да, по старым традициям Абсалона трон страны мог занять только наследник правящей семьи, который состоит в браке или был в нем. Дайна хотела сказать еще что-то, но госпожа Амин оборвала ее ударом по щеке – таким сильным, что Дайна все-таки упала. Какое-то время сквозь пелену боли и слез она видела лишь золотые цветы, вышитые на туфельках свекрови... уже бывшей свекрови.

Ударит? Не ударит? С госпожи Амин станется.

– Я написала Святому престолу, что ты строптива и предпочла оставаться нетронутый, – услышала Дайна. – Разумеется, брак расторгнут. Мой сын свободен, и ты можешь отправляться прочь из моего дома.

В ушах шумела кровь. Весь этот год Дайна отчаянно пыталась понравиться мужу и свекрови. Она была очаровательной и милой, она угождала, она старалась оставаться спокойной и уступчивой и не упрекала мужа, когда он в который раз проходил мимо ее спальни в компании очередного приятеля. Просто терпеливо ждала, молилась и надеялась, что однажды все изменится.

Да, Кендрика хватало лишь на то, чтобы стоять рядом с Дайной на праздниках и приемах и сидеть за одним столом. Его душа была с другими, и Дайна ничего не могла с этим поделать.

– Ты ничтожество, – услышала она голос свекрови с невообразимой высоты. – Знаешь, как тебя называют? Принцесса-побирушка! Принцесса-нищенка! Принцесса-попрошайка! Ты сделала то, что от тебя требовалось, Кендрик был женат, и этого достаточно. Теперь убирайся отсюда. Хватит мозолить мне глаза!

«Да, – только и смогла подумать Дайна. – Да, все это так». Ее отец умер, не оставив наследников мужского пола, а женщина не имеет права занимать престол. Совет крупнейших дворянских семей Абсалона и Святой престол выбрали нового владыку, а Дайна лишилась дома.

Она провела детство и юность в скитаниях – гостила то у одного дальнего родственника, то у другого. Тетка Амалия, у которой Дайна жила перед свадьбой, так искренне радовалась тому, что принцесса-побирушка больше не будет есть ее хлеб...

А госпожа Амин ненавидела ее. Искренне, всеми силами души. Просто потому, что Дайна жила на свете, потому, что на законных основаниях вошла в дом госпожи Амин, который мог бы сейчас принадлежать Дайне, если бы у нее был брат-король.

Теперь следовало подняться – и Дайна поднялась. Смахнула слезы, посмотрела свекрови в лицо – дерзко, так, как хотела всегда. В девушке заговорила кровь прежней династии – и ни одна женщина в ней никогда не стояла на коленях. И госпожа Амин на мгновение осеклась, потому что жертва не имеет права так смотреть на победительницу.

– Да, я знаю, как меня называют, – ответила Дайна, радуясь, что голос не дрожит. – А как называют вашего сына? Принц-содомит? Принц-мужелюб? Ему все же следовало разделить со мной ложе. Наши дети объединили бы обе династии, прежнюю и нынешнюю. Но у вас не хватило ума, чтобы это понять, вам надо было лишь унижить меня еще раз...

Рот свекрови медленно открывался, становясь похожим на алую букву «О». От рабской покорности не осталось и следа – Дайна никогда не чувствовала себя так. Кровь наполняла жгучие пузырьки восторга и ненависти, и принцессе казалось, что сейчас она взлетит.

Но свекровь почти сразу же совладала с собой. Схватив Дайну за рукав, она выволокла ее из зала и толкнула на лестницу. Служанки, которые подслушивали под дверями, так и брызнули в разные стороны с испуганными возгласами. Дайна скользнула по мраморным ступенькам, ударилась коленом, но все-таки успела ухватиться за перила и удержалась от падения.

– Вон! – прогреготал голос госпожи Амин. Она выставила свиток от Святого престола так, словно тот был щитом, способным заслонить ее от бывшей невестки. – Вон отсюда!

– Как называют вашего сына? – повторила Дайна, задыхаясь от восторга, гнева и боли. – Принц-содомит? Принц-мужелюб?

Теперь ее слова разнесут по всему дворцу и дальше. Конечно, кто-то скажет, что принцесса-попрошайка просто хотела напоследок очернить супруга. А кто-то и задумается.

– Вон! – На мгновение госпожа Амин из владычицы стала разъяренной бабой.

Свиток полетел в сторону Дайны и скользнул по мрамору.

«...посему брак подлежит расторжению», – прочла Дайна и, поднявшись, медленно пошла вниз по лестнице.

Кендрик не придет с ней проститься. Он спрятался от постылой жены в объятиях очередного дружка.

Ну и дьявол с ним. Дайне надо было решить, что делать дальше.

На ступенях дворца уже стоял слуга с небольшим дорожным сундучком, из-под крышки которого выглядывал рукав поспешно брошенного платья – любимого, нежно-зеленого. Что еще там внутри? Единственная память о матери – игрушечный вытертый медвежонок, которого Дайна хранила как святыню; скомканное нижнее белье; простое голубое платье почти без отделки, в нем она в первый раз приехала к принцу? Что там внутри – ее жизнь, выброшенная, ненужная?

Дайна сделала еще несколько шагов, поняла, что задыхается, и остановилась.

Ее выгнали. Выкинули прочь, решив, что она сыграла свою роль. Возможно, уже сегодня все газеты будут захлебываться в язвительных обвинениях, говоря, что прежняя династия оказалась по-настоящему бесплодной? Сплетничали же о незаконных детях, которые якобы родились от Кендрика – и заговорили о них несколько месяцев назад, госпожа Амин явно готовила почву для обвинения и изгнания...

Дайна слепо смотрела, как впереди, у деревьев стоят придворные и с нескрываемым любопытством смотрят в ее сторону – говорят, смеются, обсуждают, задаются вопросом, у кого принцесса-попрошайка теперь будет просить милостыню на пропитание. Дайна испугалась, что сейчас окончательно лишится чувств и это будет достойный финал ее убогой семейной жизни.

Куда теперь идти? Что делать? Она может, конечно, продать драгоценности, например, это кольцо с холодными голубыми топазами и южными сапфирами, которое госпожа Амин, по счастью, не

додумалась сорвать. Этого хватит, чтобы купить маленькую квартирку где-нибудь в Северных садах, и у нее есть еще кольца и тоненькие браслеты, но что будет потом?

«Пойду в няньки, – растерянно подумала Дайна. – Или в гувернантки».

И кто ее возьмет?

Ей хотелось расплакаться, но сейчас, когда на нее смотрели сотни глаз, Дайна не могла позволить себе подобную роскошь. Даже изгнанная и опозоренная, она оставалась принцессой.

А принцессы не плачут.

– Ваше высочество, – услышала она и обернулась.

Баэрн, гранд-мастер инквизиции, всегда казался Дайне холодным и отстраненным. Когда он появлялся при дворе, говорил, шутил, даже танцевал с фрейлинами госпожи Амин, Дайне все равно казалось, будто этот высокий черноволосый мужчина с острым скуластым лицом всеми мыслями находится где-то в другом месте. Вот и сейчас он смотрел на нее и в то же время видел кого-то другого, Дайна чувствовала это.

– Гранд-мастер Баэрн, – кивнула Дайна, и мужчина неожиданно протянул ей руку.

– Пойдемте прогуляемся, если вы никуда не спешите, – предложил он.

Это оказалось настолько неожиданно и настолько кстати, что Дайна все-таки не сдержала слез – предательские слезинки сбежали по щекам. Она оперлась на руку гранд-мастера, и они неторопливо пошли по дорожке прочь от дворца так, словно не было никакого скандала и изгнания, словно никто не смотрел на них из окон, словно все еще было хорошо и мир Дайны не рухнул в очередной раз.

На мгновение, обжигающее и горькое, она вновь почувствовала себя принцессой, а не попрошайкой, которой снова предстоит искать приют и покровителя.

– Нет, – едва слышно ответила Дайна, чувствуя, что готова разрыдаться в голос. – Нет, гранд-мастер, я уже никуда не спешу.

Слуга с сундучком поплелся за ними. Когда Баэрн и принцесса прошли мимо скамеечки, на которой сидели фрейлины в компании каких-то приятелей принца, Дайна с удовольствием заметила, как смолк их шепот. Девушки во все глаза смотрели на изгнанницу, и она с грустью подумала, что когда-то надеялась подружиться с ними.

Никому не нужна ее дружба. И сама она тоже никому не нужна.

– Куда вы сейчас? – спросил Баэрн, и Дайна лишь пожала плечами.

Не плакать, ни в коем случае не плакать, надо сдерживать слезы, которые уже катятся по щекам. Но вот впереди показались ворота дворца, и караул собирается открывать их, выпуская изгнанницу.

– Не знаю, – только и смогла прошептать Дайна.

Когда придворные остались позади, Баэрн вдруг остановился и очень заботливо коснулся кончиками пальцев ее щек, стирая слезы. Отстраненный, какой-то мертвый взгляд при этом оставался прежним, смотрящим сквозь Дайну, и ее пробрал озноб, несмотря на жаркий день.

– Ну, ну, – мягко произнес гранд-мастер. – Не надо так плакать, ваше высочество.

– Постараюсь, – всхлипнула Дайна, и ее вдруг повело в сторону так, что она уткнулась лбом в грудь Баэрна и разрыдалась. Никакая она не принцесса – просто побирушка, ветошь, которую можно взять и вышвырнуть.

Гранд-мастер мягко приобнял ее за плечи, погладил по голове и сказал:

– Это ничего, ваше высочество. Это пройдет, можете мне поверить. Мой брат живет в Пригорье, он настоятель монастыря Святого Фомы. У него есть пустующий дом, в котором вы сможете жить со всеми удобствами. Столько, сколько захотите.

Принцесса удивленно взглянула на гранд-мастера. Он улыбнулся и наконец-то посмотрел на нее прямо.

– Благодарю вас, вы очень добры, – выдохнула Дайна. – Чем я обязана такой доброте?

Улыбка, скользнувшая по губам Баэрна, была тонкой и острой, и Дайне почему-то подумалось, что

госпожа Амин упала бы в обморок от страха, если бы увидела ее.

– Ничем, – беспечно ответил гранд-мастер. – Что может быть лучше для души, чем вовремя сделанное доброе дело?

– Спасибо, – прошептала Дайна, и они пошли к воротам. Ей казалось, что бывшая свекровь сейчас буравит взглядом их спины, глядя в окно и пытаясь понять, что именно затеял гранд-мастер Баэрн и почему это принцесса-побирушка рыдает у него на груди.

Вот и ворота, вот и стража, которая старательно смотрит куда-то поверх головы Дайны. Вот и экипаж гранд-мастера, только у него такие красивые черные кони. Слуга убрал сундучок с пожитками, перед Дайной открыли двери, и, обернувшись к Баэрну, она сказала:

– Пусть Господь наградит вас за вашу доброту... – Горло снова сжало спазмом от горя и слез, и изгнанница больше не смогла вымолвить ни слова.

– Доброго пути. – Баэрн едва заметно улыбнулся, закрыл за Дайной дверцу, и экипаж покати по проспекту в сторону Большого тракта.

И девушка не увидела, как гранд-мастер вынул из кармана крошечный листок бумаги, дунул на него, и листок, поднявшись в воздухе над ладонью Баэрна, затрепетал, складываясь в птичку.

– Я все проверил, – произнес Баэрн, и по птичке побежали чернильные завитки букв. – У нее действительно есть дар, пусть и слабый. Его пробудила сегодняшняя боль. Можешь встречать ее на тракте по дороге в Пригорье.

Закончив диктовать, гранд-мастер снова дунул на бумажную птичку, и, раскрыв крылья, она поднялась над городом, поймала солнечный луч и скользнула по нему на север.

Когда столица осталась позади, Дайна почувствовала, что успокаивается.

Это было для нее привычным: куда-то ехать, устраиваться на новом месте, знакомиться с новыми людьми, привыкать... Чем дальше уезжал экипаж, тем сильнее семейная жизнь казалась Дайне похожей на сон.

А снам свойственно заканчиваться.

Она взяла письмо Святого престола, прочла его еще раз и хотела, было, разорвать, но передумала. Документы следует беречь, даже настолько гадкие. Заглянула в сундучок – кроме нескольких платьев, белья и домашних туфель, расшитых бисером, в него положили старый затертый томик Писания и шкатулку с украшениями. Увидев их, Дайна вздохнула с облегчением. Значит, у нее есть на что жить.

Медведь, завернутый в носовой платок, обнаружился на самом дне сундучка. Дайна прижала его к себе и, глядя в окошко на желтеющие поля и еще зеленый гребень дальнего леса, поклялась, что больше не будет плакать. Надо не тратить силы на слезы, а решать, как жить дальше.

Предложение гранд-мастера Баэрна было действительно спасительным. Но Дайна понимала, что у таких людей лучше не гостить дольше недели. Несмотря на доброту, Баэрн казался ей опасным, и принцесса решила не злоупотреблять гостеприимством его брата.

Продать драгоценности. Купить квартиру или небольшой дом. Искать работу.

Экипаж проехал по лесной дороге среди высоких сосен с золотыми стволами и оказался в Холмах. Дайна посмотрела в окно – зеленые спины холмов казались спящими животными, на которых беспечные люди построили дома.

Когда эти дома и сады, кудрявая зелень, рыжие крыши вдруг поплыли куда-то в сторону и завертелись пестрой каруселью, Дайна даже не успела испугаться. Ее подбросило на скамье, ударило о стенку экипажа, швырнуло в сторону, потом очередной бросок приложил девушку виском о край скамьи, и она потеряла сознание.

Очнулась Дайна от густого тяжелого фыркания.

Перед лицом была трава. Принцесса шевельнулась, попробовала приподняться на локтях и увидела деревянное крошево, которое осталось от экипажа. Чуть поодаль лежали мертвые лошади – сейчас они показались игрушечными, ненастоящими. Из-под бока одной из лошадей торчал сапог возницы.

Кто-то сильный протянул руку, схватил экипаж и, сжав в ладони, швырнул на землю.

Во рту была кровь, перед глазами то и дело начинало клубиться серое марево обморока. Земля содрогнулась, и Дайне показалось, что ее подбросило на траве.

Бум-м! Бум-м! Сзади двигалось что-то огромное, его густая темная тень упала на траву, и день померк. «Это оно фыркало», – подумала Дайна, вдруг увидев своего медвежонка – грязного, запачканного кровью.

В ту же минуту ее подхватили, подбросили в воздух и перевернули.

Дайна захотела закричать, но не смогла. Хотела зажмуриться – и не смогла тоже. Над ней нависала чудовищная громадина оскаленной драконьей морды, и Дайна видела: золотые чешуйки убегают от носа ко лбу, в глубоко посаженных глазах плавают алые искры, в раззявленной пасти теснятся изогнутые зубы в несколько рядов.

Возле плеча Дайны пролетела тяжелая капля слюны.

«А что драконы делают с принцессами, нянюшка?» – вдруг вспомнила она свое детство, старенькую няню, которая рассказывала самые страшные и захватывающие истории на свете, и свой восторженный ужас.

«Жрут, миленькая моя, – отвечала нянюшка, и спицы в ее руках принимались стучать быстро и весело, и розовая душегрейка для Дайны все росла и росла. – Это их природа такова, чтобы только мясом благородной девы насыщаться. От нас, крестьянок, сытость им не та. Они, грят, лучше одну принцессу сожрут, чем тысячу простых баб. Но ты не бойся, миленькая, не бойся! Их уже, почитай, лет сорок никто не видывал!»

Дайна смотрела на дракона, не в силах отвести взгляда. «Я сплю, – только и могла она думать, беспомощно болтаясь в драконьих когтях. – Я сплю, и все это сон, и я сейчас проснусь...»

Дракон фыркнул, и Дайну обдало такой невыносимой вонью, что в глазах потемнело снова. Из чешуйчатых ноздрей поднялись струйки пара, и принцесса поняла, что сейчас будет. Нянюшкины сказки поведали обо всех жутких подробностях.

Ондохнет огнем, поджарит добычу и проглотит.

В следующий миг Дайна уже летела к земле – удар почти вышиб из нее дух, и сквозь вату, что словно заполнила уши, она с трудом расслышала чей-то голос, уверенный и властный.

Голос приказывал оставить добычу и улетать отсюда.

Дракон зарычал.

Приподнявшись на локтях, Дайна увидела свет – белый, искрящийся, он ударил прямо в драконью морду, прямо в зубастую раззявленную пасть. Дракон вскинул голову, взревел, и широкий луч полоснул его по шее, а второй ударил по когтистым передним лапам.

– Прочь! – услышала Дайна. – Прочь отсюда, тварь!

Она готова была поклясться, что дракон стал меньше. Он уже не заслонял собой половину неба, он пятился от белых лучей, и сквозь его рев отчетливо проступали скулящие нотки. Девушка обернулась и увидела человека в темном плаще мага.

– Прочь! – раскатилось над холмами, и драконьи крылья развернулись с влажным треском. Земля снова содрогнулась, дракон взлетел и, тяжело взмахивая крыльями, направился на север.

Дайна обмякла на траве. Над ней висел легкомысленный синий купол неба с завитками облаков, и какое же это было блаженство – просто смотреть на небо без драконьих крыльев, быть живой, дышать... Даже легкая боль, что царапалась в груди, не мешала. Боль пройдет – Дайна в этом не сомневалась.

Послышался шелест одежды, и маг, который прогнал дракона, склонился над девушкой. Она увидела темный капюшон, бледный полумесяц маски, длинные белые волосы – и тотчас же вскочила, пытаясь совладать с нахлынувшим страхом.

Это был Валентин, верховный волшебник Абсолона. Ректор академии магии, он никогда не открывал своего лица, пряча его под маской. Смелчаки отваживались шепотом и с оглядкой заводить разговоры о невероятном уродстве господина ректора. Говорили, что в него плюнула огнем саламандра. Другие уверяли, что когти оборотня вырвали у Валентина половину щеки. Или утверждали, что он был бы очень хорош собой, если бы не глубокие незаживающие язвы, оставленные проклятием древнего божества.

Дайна смотрела, не в силах отвести глаз, и не знала, кто страшнее – Валентин или дракон.

– Все в порядке? – поинтересовался маг. Откинул капюшон плаща, полностью открыв маску – уродливую, клювастую. Из тьмы прорезей сверкал острый ироничный взгляд, и почему-то Дайна успокоилась.

Она жива. Это главное. Не спасал же ее ректор для того, чтобы убить.

Да и зачем ему убивать принцессу-побирушку? Не будет же он варить из нее зелья, как рассказывали дворцовые служанки.

– Благодарю вас, милорд, – ответила она, стараясь говорить спокойно и ровно, но голос все-таки задрожал. – Вы... вы спасли мне жизнь.

Судя по голосу, осанке и рукам, Валентин был молод, и Дайна невольно задалась вопросом: что же все-таки случилось с его лицом? Волшебник подошел ближе, и она уловила его запах – от плаща Валентина веяло сухими травами и чем-то еще, непонятным, но влекущим, заставляющим смотреть.

– Что-то болит? – уточнил он и добавил: – Вас потрепало, как я вижу.

Дайна вдруг поняла, что после пребывания в драконьих когтях выглядит действительно ужасно. Левый рукав почти оторвался, платье приобрело незапланированный разрез сбоку почти по пояса, и ветерок играл с грязной тканью, бессовестно обнажая ногу. Девушка дотронулась до лица и увидела на пальцах кровь.

– Немного давит в груди, – откликнулась Дайна. – Но это пустяки, пройдет. Еще раз благодарю вас, милорд.

Ей показалось, что человек в маске улыбнулся в ответ. И Дайна готова была поклясться, что у него очень приятная, располагающая улыбка.

– Что ж, тогда поедem отсюда. – Валентин мягко провел рукой по воздуху и обломки экипажа, мертвых лошадей и погибшего возницу вдруг затянуло вуалью тумана. Когда туман рассеялся, то на дороге остался лишь разбитый сундучок с разбросанными пожитками.

Движение руки мага было спокойным и легким – повинаясь ему, вещи Дайны вдруг принялись прыгать и сворачиваться, словно ими занялись невидимые слуги. Стенки и крышка сундучка заплясали на земле. Спустя несколько мгновений одежда принцессы улеглась в целый и невредимый сундук. Последним в него запрыгнул медвежонок, на котором теперь не было ни пятнышка.

– А... куда мы? – спросила Дайна и ахнула, увидев, как из пушистых нитей золотого тумана прямо перед ней появляется новый экипаж. Валентин открыл дверцу и ответил:

– Здесь неподалеку есть очень красивый городок, а там гостиница с ресторанчиком. Отличное место для неторопливого и важного разговора.

Дайна сказала себе, что не будет удивляться. За сегодняшний день уже хватило поводов для удивления.

– А у нас важный разговор? – поинтересовалась она.

На руку волшебника пришлось опереться, и принцесса почувствовала, как по пальцам пробежали колючие искры. Сильная и холеная рука человека, который никогда не сталкивался с тяжелой работой. Дайне почудилось, что это мимолетное прикосновение что-то пробудило в ее душе. Что-то очень трепетное, значимое.

– Очень важный, ваше высочество, – ответил Валентин, устроившись на соседнем сиденье. – Такой, который все изменит.

Дайна однажды уже встречалась с Валентином – в самом начале ее супружеской жизни, когда ей и Кендрику представляли самых значительных людей страны. Она помнила, каким ужасом тогда ее обдало: беловолосый человек в уродливой маске поклонился, легко дотронулся до ее протянутой руки и мягко провел по ладони указательным пальцем – словно печать поставил.

Говорили, что Валентин способен отнять жизнь одним прикосновением, и Дайна испугалась, что это было именно оно. Но потом на нее снова нахлынули запахи, звуки, краски, и девушка поняла, что может дышать.

Она не умерла.

О господине ректоре ходило множество пугающих слухов. Дайна старалась не обращать внимания

на страшные рассказы о том, как Валентин поднимает гнилых гончих из подземных глубин и отправляет по следам своих врагов. Но сейчас, когда экипаж въехал на широкую улицу незнакомого городка, прогрохотал по брусчатке мостовой и остановился возле гостиницы, Дайна снова почувствовала, что ее охватывает вязкая слабость, как в тот далекий день в тронном зале.

– Здесь красиво, – заметила принцесса, когда Валентин помог ей покинуть экипаж. Городок действительно был очень мил, он словно сошел с открытки: красные черепичные крыши, сады, фонтаны – на всем лежала печать беззаботного веселья.

– Я не позволил бы себе привезти леди в канаву, – усмехнулся Валентин.

Гостиничный слуга, который подбежал к экипажу за багажом, уставился на Дайну, разинув рот от удивления. Должно быть, не каждый день сюда привозили девушек с окровавленными лицами и в разорванных платьях.

– Мне нужно привести себя в порядок, – сказала Дайна.

Только сейчас она поняла, насколько устала. День клонился к вечеру, и чего в нем только не было – внезапный развод, потеря дома, нападение дракона... Что еще этот день готовит ей в качестве вишенки на торте?

– Разумеется. – Валентин кивнул и, вновь предложив Дайне руку, повел ее в гостиницу.

Их номер был на втором этаже. Дайна сначала испугалась, что Валентин останется с ней, но, к ее невероятному облегчению, господин ректор вышел. Умывшись в крошечной ванной, примыкавшей к комнате, Дайна посмотрела на себя в зеркало и подумала, что выглядит ужасно. Лицо осунулось, под глазами залегли тени, даже волосы, кажется, потемнели.

Что сейчас делает Кендрик? Чем занята свекровь? Радуются, что принцесса-попрошайка наконец-то сделала свое дело и они избавились от ее надоедливого присутствия?

Возможно, они даже устроили праздник по этому поводу.

Глаза заблестели, Дайна зажмурилась и похлопала себя по щекам. Не плакать, ни в коем случае не плакать! Валентин не должен увидеть ее слез – да больше ни одна живая душа их не увидит.

И однажды она вернется, чтобы говорить с бывшим мужем и свекровью уже с позиции силы. Сейчас, стоя в маленькой ванной с обколотой плиткой на стенах и глядя в потемневшее от времени зеркало, Дайна была в этом уверена.

Она вернется и заставит их пожалеть о том, как с ней поступили. Она слишком долго была милой и покорной. Сейчас ей хотелось мстить.

Переодевшись в скромное темно-синее платье, Дайна заплела волосы в косу и вышла из номера, чувствуя, что идет в новую жизнь – вот так, просто, налегке. Портье на первом этаже поклонился ей и сообщил, что господин ректор ожидает ее высочество в ресторане на улице.

Дайна вдруг подумала, что ужасно проголодалась.

Валентин занял столик в углу веранды – оттуда был виден большой фонтан на площади и гуляющие парочки. Музыканты расставляли стулья и вынимали инструменты из футляров: скоро заиграет музыка и начнутся танцы.

Валентин сменил свою клювастую маску на другую – она открывала крупный, четко очерченный рот и острый подбородок с широким рубцом шрама, убежавшего под воротник. Опустившись на стул, проворно подставленный официантом, Дайна неожиданно поняла, что господин ректор уже не внушает ей страха. Да, могущественный волшебник, который по какой-то причине скрывает лицо, но пока девушка не видела от него ничего, кроме добра.

– Добрый вечер, милорд.

– Добрый вечер, ваше высочество.

Двое официантов принесли большую темную доску – над ней на сверкающих металлических пиках была закреплена запеченная свиная рулька. Компанию ей составляли светлые клубни вареной картошки, полдюжины мисочек с соленьями и разноцветные соусы, от аромата которых начинала кружиться голова, а рот наполнялся слюной.

– Конечно, это не те деликатесы, которые подают при дворе, – заметил Валентин, вооружившись длинным острым ножом, – но мне нравится. Ничего нет лучше простой крестьянской пищи.

– Еда замечательная, – с улыбкой ответила Дайна.

Некоторое время они ели молча. Когда тарелки опустели, а официанты принесли маленькие чашки с кофе и поднос с дынными пирожными, Дайна спросила:

– Так о чем же вы хотели поговорить со мной, милорд?

Губы Валентина дрогнули в улыбке. Он сделал глоток из чашки, и принцессе почему-то показалось, что он поморщился.

– Что вы собираетесь делать, ваше высочество? – спросил ректор. – Теперь, после развода?

– Вести привычную жизнь принцессы-попрошайки, – ответила Дайна и сама удивилась тому, насколько равнодушно, спокойно и страшно из-за этого спокойного равнодушия сейчас прозвучали ее слова. – Я ехала в Пригорье. Гранд-мастер Баэри сказал, что его брат меня приютит.

Валентин понимающе кивнул. Глаза мягко блеснули в прорезях маски, и Дайне хотелось верить, что он смотрит на нее с сочувствием.

– Никогда больше так себя не называйте, – сказал он. – Договорились?

Дайна кивнула. Уже в который раз за сегодняшний день ей стало страшно.

– Как ваша боль в груди? – поинтересовался Валентин.

Принцесса машинально подняла руку к кружевной отделке по вырезу платья и тотчас же опустила.

– Прошла. Благодарю вас.

– Зачем вам это Пригорье? – усмехнулся Валентин. – Кормить комаров в гостях у святоши – это скучно, на мой взгляд.

Дайна почувствовала, как в груди что-то неприятно царапнуло – не то кашель, не то дурное предчувствие.

– У меня нет другого выхода, – ответила она. – Мне нужно зацепиться хоть где-нибудь.

– Планируете работать? – осведомился Валентин, равнодушно ковырнув полупрозрачный золотистый бок пирожного.

Оркестр начал играть, и первые, самые нетерпеливые парочки закружились в танце. Дайна вспомнила, как танцевала с Кендриком на балах и как одобрительно смотрел на нее король – больной, тощий, он едва мог сидеть и, должно быть, сразу же забывал всех, кого видел. Но Дайна чувствовала его любовь – тихую, бессмысленную.

Расскажет ли Кендрик отцу о своем разводе? Или пожалеет старика?

– Разумеется. Мармелад еще не растет на деревьях, а я его люблю.

– Похвально.

Официант поставил перед Дайной креманку с многослойным цветным мармеладом: каждый брусочек украшали мелкие ягоды звончака, кисло-сладкие и бодрящие. Дайна невольно улыбнулась.

– Благодарю вас, милорд. Вы очень добры.

– Я приглашаю вас в мою академию, – вдруг произнес Валентин. Дайна посмотрела на него с искренним удивлением. Ей учиться в академии магии? При полном отсутствии магических способностей?

– Я... право же, милорд... – Принцесса совершенно растерялась. – Это неожиданно. И у меня нет магического дара, никакого. Я даже не могу найти спрятанный предмет с помощью рамки.

На мгновение ей показалось, что взгляд Валентина сделался пронзительным и цепким – от него стало холодно.

– И все же я приглашаю вас в мою академию, – повторил Валентин. – Вам будет где жить, у моих студентов прекрасные условия. Вы получите работу, которая возвысит вас... и поможет отомстить. Вы ведь хотите отомстить?

Какая-то из девушек на площади заливисто рассмеялась над шуткой кавалера. Сумерки становились все гуще, их пыльно-золотой цвет постепенно обретал сиреневый оттенок. Дайна неожиданно подумала, что в их номере всего одна кровать и ей, по всей вероятности, придется

провести эту ночь вместе с господином ректором.

– Да, я хочу отомстить, – ответила она. – Но что вы попросите у меня за вашу доброту?

Валентин усмехнулся.

– Я не могу быть добрым просто так? – поинтересовался он.

– Не можете, – отрезала Дайна. – Я успела понять, что никто не бывает добрым без выгоды.

Валентин повернул голову в сторону площади и какое-то время смотрел на танцующие пары. Дайне подумалось, что он не хочет говорить о том, что у него на уме.

– А о чем мужчина может попросить женщину? – наконец, полюбопытствовал Валентин.

На мгновение сквозь страх Дайны пробилась тоскливая брезгливость. «Он спас тебя от дракона, – тотчас же ожил внутренний голос. – Если бы не он, тебя бы уже сожрали и не подавились. Чем еще ты можешь отблагодарить его, принцесса-попрошайка?»

– Я думала, вы предложите что-то более интересное, – сухо ответила Дайна. – Впрочем, я согласна.

Острый блеск глаз Валентина смягчился. «Интересно, – подумала принцесса, – он заставит меня расплатиться сегодня?»

Ей сделалось тоскливо и горько. Кажется, никогда она не чувствовала своего одиночества настолько остро. Потом сквозь горечь проступил тот кураж, который всегда поддерживал Дайну и не позволял ей сдаваться. Муж день за днем избегает ее спальни? Пустяки, все еще будет хорошо! Свекровь поджигает губы, видя Дайну? Пустяки, она найдет способ ей понравиться!

– Если вы предпочитаете более интересное, ваше высочество, – произнес Валентин, – то вот что я вам предложу. Вы можете разделить со мной ложе этой ночью. Допьем кофе и не будем тратить времени даром. Или же однажды вы выполните мою просьбу. Я не знаю, какой она будет. Но даю вам слово – в ней не будет ничего предосудительного.

Дайне казалось, что невидимый камень, который лежал на ее плечах с того момента, как она покинула дворец, стал еще тяжелее.

– Я разделю с вами ложе, милорд, – ответила она, понимая, что своим согласием обрубает все связи с прошлым. Та Дайна, которая сегодня утром проснулась в королевской опочивальне, никогда не поступила бы так.

Ей хотелось расстаться со своим прошлым. Выбросить прочь все, что напоминало о том фарсе, которым был ее брак. Измениться.

Муж отказался сделать их брак настоящим, а не фиктивным? Ну что ж, это сделает другой человек, который к тому же спас ее от мучительной смерти в драконьей пасти.

Дайна решила, что сейчас именно это ей и нужно. Отомстить Кендрику – пусть даже он не узнает о ее мести. Девушка чувствовала, что это поможет ей успокоиться и окончательно оставить все позади.

– Неожиданно, – усмехнулся Валентин. – Почему не просьба?

– Потому что я понимаю, как это бывает на ложе, – ответила Дайна. – А вот какой будет ваша просьба – это еще неизвестно. Я выберу то, о чем знаю, пусть и из рассказов фрейлин.

Некоторое время Валентин молчал, а потом заметил:

– Вы умны, Дайна. Я подозревал, что вы лишь милая и угодливая кокетка.

Принцесса усмехнулась. Да, такой ей и следовало быть. Милой, угодливой, послушной. И к чему это привело?

– Не пойму, – сказала Дайна, – вы хотите оскорбить меня или сделать мне комплимент?

Валентин улыбнулся. Осторожно, словно боялся спугнуть, взял Дайну за руку и уже знакомым жестом провел пальцем по ее ладони. Прикосновение окатило Дайну огнем и заставило задрожать от нарастающего ужаса.

– Не старайтесь казаться циничнее, чем вы есть, – мягко произнес Валентин и негромко добавил: – Идем.

В номере оказалось темно. Дайна не думала, что тут царит такой глубокий мрак – когда они уходили из ресторанчика, на улице было еще светло.

Или это Валентин что-то сделал со светом?

– Магическая завеса, – ответил господин ректор на ее незаданный вопрос. – Я всегда окружаю ей те места, где буду жить. Если это не академия, конечно.

Валентин звонко щелкнул пальцами, и по воздуху поплыли золотые светлячки, деловито работая крылышками и рассыпая во все стороны сверкающую пыльцу. Комнату озарил мягкий теплый свет, Валентин открыл окно, и светлячки с негромким гудением вылетели в гостиничный сад.

Дайна вдруг подумала, что совершила ошибку. Очень большую ошибку. Господи, еще утром она была женой принца Кендрика, планировала какие-то дела и заботы вроде пошива нового платья и посещения детского дома, который опекали их высочества. Она даже предположить не могла, что будет встречать ночь в гостинице маленького городка в компании самого могущественного волшебника Абсолона.

А потом пришла свекровь с бумагами Святого престола. И все рухнуло.

– Не надо так дрожать, – негромко посоветовал Валентин. – Я не собираюсь ничем вас обижать.

Дайна не знала, можно ли этому верить.

– Мне нужно умыться, – прошептала она, чувствуя, как немеют губы.

Валентин лишь кивнул.

Подхватив ночную сорочку из сундучка, Дайна ушла в ванную, быстро переоделась и, завязывая тонкие шнурки у ворота, поняла, что ее знобит. Кажется, в когтях дракона не было так страшно – то густое, глубокое чувство, что сейчас охватило ее, было болезненным и язвющим.

Валентин стоял спиной к окну. Он успел снять мантию и положить ее в кресло и сейчас в тонкой белой рубашке и узких темных штанах выглядел самым обычным человеком. Возможно, он как-то умел контролировать чужие чувства, но Дайна неожиданно поняла, что сейчас господин ректор больше не пугает ее. Девушка нырнула под одеяло, свернулась клубочком, и сверкающая пыльца, оставленная светлячками, стала меркнуть.

Да и стоит ли бояться того, кто спас тебя от дракона?

Комната погрузилась во мрак – настолько густой, что на мгновение Дайна испугалась, что ослепла.

– Вообще-то драконы нападают не на всех принцесс, – сообщил Валентин, и Дайна услышала шелест одежды: ректор снял рубашку. Что-то с сухим костяным стуком легло на прикроватный столик, и девушка поняла – это была маска.

Ей стало жутко, и она даже какое-то мгновение не могла дышать.

– Им нужны только те благородные девы, в которых есть магия. – Валентин сел на кровать, потом лег. Дайна закусила костяшку указательного пальца, почти не слыша, о чем он говорит.

Ей вдруг сделалось очень жарко. Щеки опалило пламя, глаза стало жечь. Что-то похожее принцесса испытывала в первую брачную ночь, когда ждала прихода Кендрика.

Он не пришел. От костра в ее душе остался лишь пепел.

– Я помню тот прием, – продолжал Валентин. – Тогда в вас не было ни капли волшебства. Самая обычная девушка, которая очень хочет быть милой и доброй, стремится всем понравиться и стать хорошей. Что на самом деле у нее в душе? Бог весть. Никому это не интересно.

Дайна всхлипнула. Слезы появились сами. Все было напрасно, все ее мечты и надежды, все рухнуло в один день. Ее просто использовали те, кого она искренне считала близкими людьми, и они радовались, когда принцесса-попрошайка навсегда ушла из их жизни.

– Не бойтесь. Я не ваш муж и не ваша свекровь, чтобы причинять вам боль.

Тяжелое давящее чувство, что окутало Дайну, растаяло – она вдруг поняла, о чем именно говорил Валентин. Поняла и от удивления даже села в кровати.

– Подождите, вы считаете, во мне есть магия?

Ей казалось, что скрипучая и неудобная гостиничная кровать плывет в океане мрака. Откуда-то издалека доносились голоса и негромкая музыка. Силуэт человека на кровати был непроницаемо черным, но Дайна почувствовала, что Валентин улыбается. Она ощутила эту улыбку, словно прикосновение пальцев к щеке.

– Да, – ответил он. – Теперь есть. Гранд-мастер Баэрт дал мне об этом знать, как и полагается по нашему протоколу. А я предположил, что там, где есть принцесса-волшебница, обязательно появится и дракон. И мне почему-то захотелось, чтобы он остался без обеда.

– Магия... – прошептала Дайна. Дотронулась до груди и почувствовала, как что-то дрогнуло и запульсировало под кожей. – Но почему? Откуда она взялась?

Минутная растерянность отступила. Дайна поняла, что теперь действительно может учиться в академии, а потом, набравшись опыта и сил, вернется в столицу.

Вернется и раздвинет землю под дворцом, чтобы Кендрик с его мамашей рухнули в пропасть.

– Иногда магию пробуждает сильное душевное потрясение, – ответил Валентин. – Его, видимо, вызвала новость о вашем разводе. Вы вышли из дворца уже волшебницей. Слабенькой, маленькой... и только от вас зависит, станете ли вы сильны и насколько. И да, кстати, предупреждая ваши вопросы о моей доброте: не со всякой магией берут в академию.

Дайна представила пропасть на месте дворца и как Кендрик падает неуклюже размахивая руками, и негромко рассмеялась. Скрипнула кровать – Валентин сел, и Дайна почувствовала, как от него веет теплом.

– Подумали о чем-то приятном? – поинтересовался господин ректор.

– Да, представила тут кое-что. – Принцесса улыбнулась и добавила: – Я очень вам благодарна, Валентин. Вы спасли мне жизнь.

Она запоздало поняла, что назвала ректора академии по имени, и ей сделалось не по себе.

– Вы станете волшебницей, Дайна, – услышала она. – Вы сможете добиться всего, что пожелаете. Знаете для чего?

Некоторое время девушка молчала. Музыка на улице стихла, а тьма, казалось, сделалась еще глубже и гуще. Был ли в ней еще кто-то, кроме нее?

Ей вдруг захотелось протянуть руку и дотронуться до Валентина. Просто для того, чтобы почувствовать себя живой – живой и неодинокой.

– Чтобы отомстить, – выдохнула Дайна. Когда Валентин осторожно прикоснулся к ее пальцам, она вздрогнула, но не убрала руку. Острый страх, который сейчас клубился в груди, приобретала какие-то странные, влекущие нотки.

Господи, да что это с ней! Это так пробуждается и крепнет ее волшебство или это Валентин так играет с человеком, который не способен сопротивляться?

– Нет, – откликнулся Валентин, и в его голосе Дайна услышала вкрадчивые теплые оттенки. – Это для того, чтобы вы наконец-то стали той, кто вы есть на самом деле. И жили счастливо.

Поцелуй обжег губы – Дайна пропустила тот момент, когда Валентин приблизился к ней. Вот он был в стороне – а вот уже рядом, и она тонет в его тепле, в запахе сухих трав, в прикосновении губ. На миг все тело Дайны стало туго натянутой струной – неосторожно дотронешься и лопнет со стоном. Она сама не поняла, как ее ладонь легла на чужое плечо, как приоткрылись губы, откликаясь на поцелуй, как в висках запульсировала боль.

Дайне сделалось стыдно – до нервно сбившегося ритма сердца, до ослабевших ног, до заledenевших рук. «Это сон, – мелькнула запоздалая мысль. – Я сплю, я ведь не могла на это согласиться...» Пальцы ректора мягко скользнули по ее шее, очертили ключицы, и девушка почувствовала, как сорочка, ее единственная защита, вдруг растаяла – Дайна почти увидела, как ткань растеклась белыми нитями тумана, оставив ее обнаженной и беспомощной.

Ее бросило в стужу – и тотчас же окатило жаркой волной. Пальцы Валентина были сухими и холодными, а губы обжигали, принцесса вдруг услышала сдавленный полувсхлип-полувздых и с удивлением узнала свой голос. Губы ректора спустились от шеи Дайны ниже, язык скользнул по соску, и, почувствовав легкий укус, она почти перестала дышать.

Сладко.

Мучительно.

Это заставляло выгибаться в чужих объятиях, задыхаться от огня, который медленно растекался по телу, умолять о том, чтобы это не прекращалось.

То, что она ощущала, было безумием. Опаляющим безумием, которое почти подавляло сознание. По краю памяти мелькнул год, который прошел в тумане фальшивого брака – мелькнул и растаял. Его испепелило пламя, что сейчас пульсировало огненным сгустком внизу живота.

– По...жалуйста... – выдохнула Дайна куда-то во тьму. – Пожалуйста...

Она не понимала до конца, о чем просит. Зато Валентин понял – мягко приподнял ее бедра, и Дайна почувствовала сначала осторожное прикосновение, а затем резкий толчок – туда, в пылающую точку между ее ног.

На несколько секунд ей стало больно. Потом Валентин начал двигаться, и от каждого его движения по телу плыла волна густого сладкого удовольствия. Кровать под ними скрипела и ходила ходуном, и Дайна внезапно поняла, что подается навстречу чужой плоти, заполнившей ее до краешка.

Это сводило с ума.

Прикосновения, плавные и неторопливые, стали резкими, нервными, рваными.

Поцелуи, осторожно-изучающие поначалу, сделались беспорядочными, даже грубыми, почти укусами.

Ритм, в котором они двигались вдвоем, превратил их в единый организм, в одно существо.

Это было безумие, и Дайне хотелось утонуть в нем.

А потом огненная точка взорвалась, и принцесса забыла обо всем. Чуть позже она почувствовала, как в ней пульсирует горячее семя, и вскоре Валентин со вздохом уткнулся влажным лбом в ее плечо.

Дайна опомнилась через несколько минут, когда сладкое марево истомы отступило, позволяя ей дышать. Валентин осторожно обнимал ее, неспешно поглаживая по бедру, и это прикосновение словно говорило: ты другая. Ты теперь совсем другая.

– Я не знала, что это... вот так, – выдохнула она. Пальцы невидимого в темноте мужчины пробежались по ее плечу, и Дайна почувствовала, как проваливается в сон.

– Да, – усмехнулся Валентин. – Это вот так.

Сквозь мрак проступали очертания предметов. Где-то вдали всхлипнула музыка и стихла.

Мир возвращался к себе, вновь становился устойчивым и привычным.

«Не влюбляться в него, – подумала Дайна. – Господи, пожалуйста. Не дай мне в него влюбиться».

Глава 2

Человек в серебряной маске

Это было просто.

Отработано. Привычно.

Плавно провести рукой по воздуху, а потом смотреть в зеркало на то, как скорлупа маски стирает его лицо. Сегодня в ней было серебро – оно позволяло успокоиться. Наложить на себя привычные оковы равнодушия и провести еще один день.

По давней привычке Валентин поднялся в пять утра. Принцесса спала на животе, уткнувшись лицом в подушку, и ее обнаженная спина казалась высеченной из розового валийского мрамора. Какое-то время маг любовался тем, как она спит, потом отправил заклинание, и вокруг Дайны закружились белые нити тумана, собираясь в ночную сорочку.

Та магия, что сейчас наполняла Дайну, была особого рода. Закрепить ее в человеке могли только разнонаправленные чувства. Если эту магию пробудили боль, обида и ненависть, то закрепить и усилить могли только любовь и нежность, и действовать следовало незамедлительно. А что повлияет на девушку сильнее, чем искренняя страсть? Сейчас, глядя на Дайну, Валентин понимал, что все сделано правильно. Все шло так, как нужно.

Он предложил Дайне выбор, как того требовал магический обряд. Она выбрала правильно.

Валентин запоздало подумал, что можно было бы прикоснуться к девушке еще раз. Просто дотронуться, почувствовать живое. Потом он решил, что у них сегодня еще много дел, поднялся и пошел в ванную.

Повинуясь движению его руки, стены скользнули в стороны, а ванна подпрыгнула на кривых металлических ножках и превратилась в бассейн, полный шипящей минеральной воды. Валентин опустился в него и почувствовал, как на какое-то мгновение все тело пронзили тысячи острых соленых игл.

Это бодрило. Это помогало не вспоминать о минувшей ночи. Это помогало думать, что он просто сделал необходимое и очень важное дело – это однажды спасет тех, кому понадобится спасение.

Воздух наполнился негромким треском, и над бассейном поплыли облака, темнея с каждой минутой. Валентин лениво подумал, что его величество Леон, владыка Саалии, всегда выбирает самое неподходящее время для беседы. Облака налились грозовой тяжестью и тьмой, и над бассейном повис лик короля.

Валентин невольно отметил, что его величество выглядит неважно. С момента их последней встречи мясистое лицо короля обрело неприятный багровый оттенок. Надо бы государю прекращать такое тесное общение с сухими и крепкими винами, но маг решил, что ничего не будет говорить по этому поводу.

Здесь все взрослые люди. Каждый сам решает, каким именно способом себя убивать.

– Снова в маске, – произнес Леон.

Валентин пожал плечами. Бросил заклинание – по воде поплыли белые облака душистой мыльной пены.

– Как всегда.

– Ты помнишь, о чем мы договаривались.

– Помню.

Интересная манера у его величества: задавать вопросы с утвердительной интонацией. Когда-то она забавляла Валентина – когда-то давно, в те дни, когда не было ни масок, ни магии.

Он почти забыл о тех временах.

– Кто в комнате? – поинтересовался Леон.

Валентин одарил его величество обаятельной улыбкой и запоздало подумал, что король ее не увидит из-под маски.

– Никого-то от вас не утаишь, ваше величество, – ответил он.

Лицо короля обрело то выражение, которое Валентин видел много лет назад и тогда, в прошлом, назвал сочувствием и пониманием. Признанием чужой боли.

Леон вообще был неплохим человеком. Душевным. Особенно тогда, когда чувствовал свою вину.

– Я рад за тебя, – сказал король. – Хотя ты в это и не веришь. Но я правда рад.

Тучи сгустились, окутывая венценосный лик, и почти сразу же растаяли. Разговор закончился – Леон всегда оставлял за собой последнее слово. А Валентин с ним не спорил.

Он полежал в бассейне еще пару минут и вышел из воды.

Девушка еще спала. Ее лицо в рассветных лучах было расслабленным и тихим. Валентин присел на кровать рядом, погладил Дайну по щеке согнутым указательным пальцем. Она не проснется – будет спокойно спать, пока Валентин не разбудит.

Сейчас, сидя рядом со спящей Дайной, маг наконец-то чувствовал себя живым. Не чудовищем в маске, от одного вида которого немеют и студенты академии, и владыки сопредельных стран, что уж говорить о податных сословиях.

Просто живым человеком.

Она понравилась ему еще тогда, на приеме во дворце. В тот день Дайна была похожа на солнечный луч, который пронзил запыленный воздух комнаты. После приема был бал и танцы, и Валентин смотрел, как она кружится в объятиях Кендрика – воздушная, легкая, нежная – и невольно ловил себя на зависти к чужому счастью. В тот день Дайна выглядела счастливой, и Валентин тогда не знал, что в венценосной семье нет ни намека на любовь.

Но она понравилась ему. Маг отложил воспоминание о том дне в дальние глубины души, и оно ожило, когда прилетела записка Баэрна.

Валентин вспомнил обряд, который провел в самом начале лета после короткого разговора с Леоном. Тогда маг сделал то, что всегда вызывало в нем неприязнь и трепет: пришел в Тайный зал академии и встал перед зеркалом пророчеств.

«Тебе понадобится некромантка, – откликнулось зеркало в тот момент, когда он уже устал надеяться на ответ. – Она придет в последние дни лета. Она спасет многих, если ты отправишь ее и будешь хранить и оберегать. Некромантка – вот твоя надежда, вот новая жизнь для всех».

Дайна шевельнулась на смятых простынях, вздохнула во сне.

Валентин поднялся с кровати и стал одеваться. Все намного проще: у него давно никого не было. Очень давно. Вот и все. Вот и вся причина его нынешнего душевного волнения.

Ему вдруг вспомнилось призрачное, далекое. Земля, которую потихоньку сковывали осторожные утренние морозы. Леса – раньше они казались яркими зелеными шевелюрами великанов, а потом плеснули на себя золотисто-алым пламенем и сбросили листву, потемнели. Осень – лучшая охотничья пора: со всех сторон тогда доносился веселый лай старфалийских гончих, чуть приглушенный вуалью тумана.

Девичье лицо, безжизненно запрокинутое к низкому серому небу, казалось маской. Изящной маской, которую надела девушка – ну вот пришла такая блажь. Красоту маски портили ягодные брызги – сейчас, издалека, и не поймешь, клюква это или кровь.

В ушах звенело так, что Валентин не слышал ни голосов, ни лая собак, ни дыхания. Кажется, Леон – потрясенный, в охотничьей куртке нараспашку, с маленьким ружьем в руке – что-то говорил ему. Пальцы правой руки девушки царапали землю, загребали черную мякоть и пожухлые травинки.

Сама она была уже мертва.

Застегнув последнюю пуговицу и набросив на плечи мантию, Валентин провел ладонью над спящей, и Дайна открыла глаза. Какое-то время ее лицо хранило бессмысленно-ласковое выражение, но потом все, что случилось вчера, вернулось, и лицо закаменело. Лишь глаза остались живыми – яркими, страдающими.

– Доброе утро, Дайна, – сказал Валентин так дружелюбно, как только мог. Услышали бы его сейчас студенты – не поверили бы, что это он.

Девушка приподнялась на локте и, пристально глядя ему в глаза, промолвила:

– Вы вчера сказали, что не со всякой магией принимают в академию. То есть...

Она не договорила. «То есть, вы просто сволочь, которая затащила меня в постель?» – так, видимо, ей хотелось спросить сейчас, когда очарование ночи ушло от них.

– Верно, – кивнул Валентин. – С вашей магией не принимают в академию. С вашей магией убивают.

Дайна села в постели. Удивленно посмотрела на себя, обнаружив сорочку. Нахмурилась.

– Вы способны поднимать мертвых, – сказал Валентин. Вгляделся в то облако, что окутывало каждого мага, увидел в нем множество темно-синих и сиреневых нитей, которые заметил еще вчера, а потом так старательно закрепил. Удовлетворенно кивнул. – Так что забирая вас в академию, а не отдавая гранд-мастеру Базрну, я действительно делаю доброе дело.

– Почему он не заметил? – спросила Дайна.

– Все окончательно проявилось после дракона. Иначе вы уже были бы не в такой приятной компании, как моя, – произнес Валентин.

Ему вдруг захотелось, чтобы она улыбнулась – просто потому что ей шла улыбка. Тогда, в тронном зале рядом с муженьком-содомитом принцесса улыбалась, и на щеках ее мягко прорисовывались ямочки. «Ангел дотронулся пальцем», так когда-то говорили в Саалии.

Такие же ямочки были на лице той, лежащей в лесу с простреленной головой.

– Полагаю, я расплатилась за вашу доброту? – поинтересовалась Дайна.

В ней сейчас бил ключом тот самый веселый цинизм, который Валентин не раз видел в своих первокурсниках. Полезная, в общем-то, вещь – помогает не сойти с ума, особенно если раньше тебе не приходилось торговать своим телом.

– Не будьте циничнее, чем вы есть, Дайна, – сказал Валентин. – Вам это не идет.

Девушка усмехнулась. Кажется, она не знала, что лучше: влюбиться в него или начать презирать всем сердцем.

Что там обычно выбирают молоденькие принцессы после ночи любви?

Он не знал.

Он давно все забыл.

Так было проще.

Валентин любил отправляться в путешествие утром.

Вся земля еще была окутана легкой дымкой тумана. Мир казался воздушным, хрупким, золотым. В воздухе, прозрачном и чистом, звуки разносились далеко, и Валентину иногда казалось, он может услышать даже то, что происходит на другом краю света.

Дайна сидела рядом, сосредоточенно смотрела куда-то влево, сжав руки в замок, как и полагается благовоспитанной девушке. Валентин откинулся на мягкую спинку сиденья и подумал, что со спутницей надо бы заговорить.

О чем? Он понятия не имел.

Не обсуждать же с ней минувшую ночь. Маг покосился в сторону Дайны: вчера на ее щеках не было этого румянца. И глаза сверкали, но немного иначе, не так живо.

Сейчас она еще сильнее напоминала ту, другую.

– Не передумали отомстить? – поинтересовался Валентин.

Некоторое время Дайна молчала, с преувеличенным вниманием глядя, как бабы стирают в озере белье, а затем ответила:

– Нет.

Она снова сделала паузу. Валентину подумалось, что сейчас она настоящая. Не та милая девушка, которая должна улыбаться всем и каждому, старательно пряча свои подлинные чувства, а упругая тростинка, что треплет ветер, но не может сломать.

– Я собираюсь хорошо учиться. Потом вернусь в столицу, и...

Валентин представил, как королева-мать и принц Кендрик вылетают из дворца с такой скоростью, словно ими выстрелили из пушки, и не сдержал улыбки.

Драконья тень скользнула над ними как раз тогда, когда экипаж отъехал от очередного поселка и углубился в поля. Повеяло резким запахом дикого животного, кони захрипели и шарахнулись было в сторону, и возница, которого Валентин когда-то очеловечил из большой крысы, испуганно пропищал что-то неразборчивое, но определенно бранное.

Девичьи пальцы стиснули запястье Валентина. Экипаж трянуло на дороге, он остановился, и пыль поднялась столбом. Сквозь нее летели густые струи пара, доносилось фыркание и низкое бурчание, словно заработал какой-то огромный механизм.

– Господи боже... – прошептала Дайна. – Дракон...

Пыль развеялась, и первым, что увидел Валентин, была драконья морда – дружелюбная, насколько он мог судить. Дайна качнулась – Валентин опустил руку на ее предплечье, чтобы удержать, и негромко произнес:

– Не шевелитесь.

Кажется, она окаменела. Дышать перестала.

Дракон фыркнул, и экипаж окутало облаком пара. Огромная голова, украшенная золотыми чешуйками, приблизилась, в темных глазах проплыли алые искры. Дракон был молодой – поднялся на крыло лет десять назад, не больше. И он, конечно, еще не ел принцесс – обходился дикими животными. Сейчас Валентин рассмотрел его во всех подробностях.

– Не бойтесь, – прошептал ректор, сомневаясь, что Дайна слышит его. – Он вас не тронет.

Дракон забормотал – низко, неразборчиво, ласково – и с невероятной для такой громадины осторожностью толкнул Дайну носом в плечо. Отстранился, посмотрел так, словно приглашал поиграть.

– Дотроньтесь до него, – посоветовал Валентин. – Не бойтесь. Вон там, где золото.

Дотронуться? Дайна шевельнуться не могла – лишь все сильнее сжимала пальцы на запястье Валентина. Вздохнув, он взял ее за руку и медленно-медленно поднес к драконьей морде.

Когда девичья ладонь опустилась на прохладные сверкающие чешуйки, дракон довольно зафырчал, а Дайна ахнула. Наконец выпустила руку Валентина и потянулась к огромному ящеру так, словно боялась спугнуть.

– У-ру-ру, – замурлыкал дракон. Сейчас он был похож не на смерть, неотвратимую и неминуемую, что падает с неба, а на домашнего питомца, который невероятно счастлив, потому что сумел наконец найти хозяина. Дайна гладила драконью морду; она, кажется, совсем забыла о своем страхе и радовалась, как ребенок, которому родители после бесчисленных просьб разрешили завести собаку.

– На гербе моей матери был дракон, – прошептала Дайна так, словно вдруг вспомнила, что у нее, принцессы-побирушки, тоже когда-то был великий род, честь, гербы...

– Говорят, если у дракона отнять его добычу, то он за ней вернется, – произнес Валентин. – Но не для того, чтобы съесть, а затем, чтобы любить и служить ей. Хотите, он вас покатает?

Дракон перевалился с ноги на ногу, словно идея покатасть принцессу пришла ему по душе. Хвост ударил по траве, земля содрогнулась.

– Покатает? – переспросила Дайна. На мгновение в ее глазах засветилось счастливое безумие. Сестра на дракона и лететь – не важно куда. Просто лететь.

– Подсадить вас? – спросил Валентин. Крылатый ящер весело мотнул головой и с грохотом опустился на землю, положив лапу так, чтобы по ней можно было забраться на его спину и сестра. – Вон там, между гребней.

– Нет, – прошептала Дайна. – То есть... да. Да.

Они вышли из экипажа – возница смотрел на Дайну, как на сумасшедшую. «Бывший крыс прав, – подумал Валентин. – Лезть на дракона может только безумец».

Он не ожидал, что у Дайны хватит смелости. Но она подхватила подол платья, и Валентин помог ей забраться на дракона. Тот снова фыркнул, словно хотел именно этого: летать и играть, кого-то катать на спине, радоваться ветру и солнцу.

Дайна сидела на драконьей спине, словно на троне. Когда принцесса в последний раз летала на драконе? Об этом и памяти не осталось, лишь дальние отголоски звенели в мифах и песнях. Дракон осторожно поднялся, переступил с ноги на ногу, и Дайна ахнула и обеими руками схватилась за гребень.

– Как вы? – спросил Валентин. Ему вдруг подумалось, что он давно не видел ничего такого удивительного и красивого. Огромный зверь и девушка – маленькая, хрупкая.

Вместо ответа Дайна рассмеялась – так, как, должно быть, не смеялась никогда в жизни. И дракон оттолкнулся от земли и с невероятной воздушной грацией поднялся в небо. Какое-то время маг еще слышал смех девушки, а потом до него донесся восторженный вопль:

– Лечу! Лечу-у!

– Держитесь крепче! – прокричал Валентин, запрокинув голову к небу.

Возница смотрел на дракона и всадницу, открывая и закрывая рот. Лошади тряслись от страха, и, не глядя, Валентин бросил в их сторону заклинание умиротворения. Дракон не поднимался высоко – просто кружил над полем, то спускаясь пониже, то вновь поднимаясь в небо. Светлая фигурка девушки на грациозной спине казалась призраком, акварельным наброском.

Валентин смотрел на нее не отрывая глаз.

Думал о минувшей ночи. Называл все, что было, просто важной работой, которую он сделал так хорошо, как только смог.

Дракон мягко закладывал круги над полем. Девушка уже не кричала – просто сидела между гребней, раскинув руки и подставив лицо ветру и солнцу.

«Господи, – вдруг подумал Валентин, хотя не молился уже много лет – со дня лесной охоты, когда никто не откликнулся на его молитву. – Не дай мне влюбиться в нее. Только не это».

Он уже знал, к чему может привести его любовь.

Он не хотел, чтобы все снова кончилось так же.

Дракон приземлился рядом с экипажем, и Дайна почти без чувств сползла с его спины в руки мага. Окоченевшая, счастливая, она уткнулась лицом в грудь Валентина, и он услышал:

– Я сплю.

– Не спите. – Он не мог сдержать улыбки. Напомнил себе, что под маской может делать все что угодно – хоть улыбаться, хоть корчить рожи, все равно никто не заметит. – Как вам дракон?

Дайна обернулась крылатому зверю, который тотчас же потянулся к ней, и ласково дотронулась до морды. Не окажись Валентин вчера рядом, дракон бы пообедал этой девушкой, а не подружился с ней.

– Он... невероятный! – воскликнула Дайна. – Он потрясающий! Боже мой, я летала...

Дракон фыркнул и с уже знакомой осторожностью толкнул ее носом в плечо, словно хотел сказать: да, летала и еще не раз полетишь. Дайна погладила его и вдруг спросила:

– Но он ведь не сможет отправиться со мной в академию?

Валентин усмехнулся.

– Нет. Боюсь, мы его не прокормим. Пусть живет в своем гнезде, но прилетает к вам. Договорились?

Дайна кивнула, и дракон, которому понравилось решение Валентина, отстранился, присел и взмыл в небо. В ту же минуту мимо них просвистела орочья стрела – черная, с красным оперением – и недовольный молодой голос воскликнул:

– Эх, мимо!

Валентин обернулся и увидел целую компанию.

Первым был Кристиан – сильный и опытный маг, который возглавлял отделение боевой магии в академии. Со временем Валентин собирался сделать его своим заместителем и преемником. Человек с твердым характером, приправленным цинизмом и стойкостью убеждений в сочетании с

невероятными знаниями и волшебства, и людской натуры, Кристиан прекрасно умел справляться и со студентами, и с чиновниками из министерств образования и магии.

Валентин любил его. Кристиан был одним из тех немногих людей, кому стоило доверять. Конечно, не настолько, чтобы снимать маску, но все же.

Двое молодых людей, его спутников, составляли самую невероятную пару. Один из них был оркувеном, проще говоря, орком. Одетый в черный шелковый халат, расшитый красными и золотыми пионами, с аккуратно уложенной в пучок косицей, обвитой алой лентой, молодой орк был как минимум из княжеской семьи – только князья Застепья могут позволить себе такую одежду и украшенную золотом сбрую на приземистой черной лошадке. В руке орк держал лук и разочарованно смотрел вслед дракону.

От орка веяло боевой магией. Очень редкий случай – в оркувенах почти нет волшебства.

Второй – высокий, узкоплечий, светловолосый, наряженный так, словно сошел с картинки модного журнала и даже припудренный – был из властвующей династии королевства Шанно. Только там мужчины с удовольствием носят сюртуки цвета пыльной розы и подводят глаза и губы. Блондин то и дело смотрел на орка с неприятным удивлением, словно никак не мог взять в толк, почему этот долговязый бледнокожий степняк смеет находиться в его компании. Изящная длинноногая лошадка блондина с таким же забавным изумлением смотрела на свою вороную соседку.

– О, дорогой друг! – воскликнул Кристиан. – Доброе утро! Везете в академию молодого бойца?

– Это был ваш дракон? – спросил орк и тотчас же, покосившись на Кристиана, смущенно опустил глаза. Должно быть, в Застепье ему не разрешалось высказываться прежде старших. Орк говорил на всеобщем языке с мягким, едва заметным акцентом; Валентин сразу же подумал о гэрах – высоких алых юртах Застепья, табунах вороных коней, чае с молоком и солью.

– Да, это был дракон ее высочества, – ответил Валентин. Орк показался ему забавным. – Зачем вы стреляли, юноша? А если бы промахнулись и попали в девушку?

На бледных щеках орка сразу же вспыхнули пионы румянца.

– Я не промахнулся бы! – воскликнул он и со вздохом добавил: – Конечно, если бы дракон не взлетел. Я испугался, что он съест девицу.

– Хотите сказать, что ваша стрелочка пробила бы драконий панцирь? – скептически осведомился шаннийский принц.

Кристиан посмотрел на него, потом на орка, усмехнулся и выразительно завел глаза к небу.

– Не панцирь, – с достоинством ответил орк. – Я целился в место соединения чешуй. Хороший обед у нас бы получился...

– Обед? – воскликнула Дайна. – Вы хотите сказать, что драконы съедобны?

– Разумеется, ваше высочество, – кивнул орк и представился: – Гровир, молодая кровь клана Бхаур. К вашим услугам.

Клан Бхаур был одним из самых больших и могущественных в Застепье. Валентин подумал, что прежде орки не посылали своих сыновей, молодую кровь, на учебу в Большой мир. Шанниец выехал вперед, с очаровательной бесцеремонностью оттеснив орка, и с изящным поклоном сообщил:

– Аделард, младший сын владыки Шанно, к вашим услугам. Там нас догоняет мой обоз, приглашаю вас разделить со мной второй завтрак.

Валентин с усмешкой подумал, что орк и шанниец похожи на задиристых петушков, которые красуются, распушив перья. А ведь и он когда-то был таким же – молодым, дерзким, готовым сжать весь мир в ладонях.

И все оборвалось. Рассыпалось кровавой клюквой по черной земле.

Он обернулся и увидел, что их действительно нагоняет добрая дюжина экипажей с золотым гербовым орлом Шанно на дверях. Похоже, принц решил перевезти в академию весь свой дворец. Двое орков на вороных лошатках, которые везли тюки Гровира, казались бродягами рядом с пышным сопровождением Аделарда. Гровир поймал взгляд Валентина и с достоинством произнес:

– Благородный муж довольствуется необходимым, не доводя до избыточного.

Валентин вздохнул и сказал:

- В самом деле, не перекусить ли нам?

Спустя четверть часа на лугу все было готово для завтрака. Слуги Аделарда быстро поставили шатер, накрыли на стол, и Валентин, сев рядом с Кристианом, подумал, что все повторяется. Год за годом в академию приезжают молодые маги, веселятся, устраивают дуэли, живут...

Ему захотелось рассмеяться. Он был на каких-то десять лет старше орка и шаннийского принца, но в свои двадцать девять рассуждал, словно старик или мертвец.

«Ты и стал мертвецом, - заметил внутренний голос. - Хорошо, что ты это понимаешь».

Валентин пригубил вина - хотелось отвлечься. Впервые за долгое время он не мог понять, что с ним происходит и откуда взялась эта нервная струна в его душе.

- Некромантка, - заметил Кристиан. - Неожиданно.

Валентин неопределенно пожал плечами.

- Бывает, - сказал он. Кристиан ничего не знал, и пока ректор ничего не собирался ему говорить. - Нитей в ауре все больше и больше.

Они помолчали, отдавая должное закускам.

- Теперь у нас не будет недостатка в орочьей поэзии, - произнес Кристиан, кладя на свою тарелку очередной розовый ломтик соленой рыбы.

Маленькое заклинание позволяло ректору и преподавателю говорить так, чтобы их не слышали остальные.

- Даже не знаю. - Валентин пожал плечами. - Орки больше нравятся мне воинами, а не поэтами. Скоро все мы узнаем, как благородному мужу положено себя вести. Причем из нерифмованных пятистиший.

Несмотря на все разговоры о том, что орки - дикари без малейшего налета воспитания, Гровир ел очень аккуратно, легко и быстро орудуя ножом и вилкой. Кристиан некоторое время отдавал должное телятине под брусничным соусом, а затем сказал:

- Орки всегда были поэтами. Даже тогда, когда гоняли свои кланы по всему Застепью. Это сейчас они присмирели, разжирили и сели в теньке с чашкой зеленого чая... Даже магию в себе нашли. Этот парень отличный боец, кстати. Да вот...

Он не договорил. Валентин не прислушивался разговору молодых людей и поэтому не понял, почему Аделард вдруг подхватил миниатюрный нож из фруктовницы с персиками и вонзил его в стол, так что лезвие вошло между указательным и средним пальцем орка, не причинив ему, впрочем, вреда.

Валентин ждал, что орк сейчас бросится на Аделарда и придушит его голыми руками. Он даже начал плести сетку умиротворяющего заклинания, чтобы бросить на парней. Но Гровир рассмеялся, и напряжение, зазвеневшее было над столом, исчезло. Валентин заметил, что Дайна улыбается с облегчением. Она вообще стала живой и веселой - компания молодых людей пошла ей на пользу, принесла румянец на лицо и теплый блеск в глаза.

На какое-то время она забыла о желании мести. Вот и замечательно.

- Ловко для стрекозы, признаю, - засмеялся Гровир. - Но как насчет настоящего меча, а не пилки для ногтей?

Аделард одарил его презрительной усмешкой.

- Я к вашим услугам хоть сейчас.

Гровир промокнул губы салфеткой и поднялся из-за стола.

- Что получит победитель? - осведомился он.

Аделард на мгновение задумался и ответил:

- Ее высочество Дайна будет ехать рядом с ним до самой академии. Вы ведь не против, Дайна?

Кристиан хохотал так, что Валентин невольно подумал, не надорвал бы он живот от такого веселья.

Хотя зрелище, которое они наблюдали несколько минут назад, не каждый день увидишь.

Тут грешно не смеяться, тут стоило наслаждаться каждым мгновением. Один из слуг Аделарда поднес было стакан воды, но Кристиан лишь махнул рукой, довольно вытирая глаза.

Аделард лежал на спешно приготовленной для него походной кровати и стонал на всю округу. Кто-то из слуг хлопотал, готовя лекарства и примочки, шаннийский принц закатывал глаза и всеми силами показывал, насколько он несчастен и унижен. Дайна стояла рядом, смотрела испуганно и не знала, что делать.

– Ну это, конечно, надо было додуматься! – воскликнул Кристиан, насмеявшись досыта. – С кинжалами против длинного орочьего меча!

Когда противники вышли на поле, то Гровир сбросил халат, взял меч и в буквальном смысле слова отлупил Аделарда. Валентин невольно пожалел о том, что таким благородным клинком орудуют плашмя, как дубинкой, – орк старался лупить соперника исключительно пониже спины и, конечно, даже не позволял ему приблизиться к себе. Фамильные кинжалы оказались совершенно бесполезны.

Дайна волновалась совершенно искренне, ахала и вскрикивала, и Валентин подумал, что молодые люди всегда устраивают драки и дуэли, показывая красавицам свою удаль и отвагу. Но никто никогда не сражался ради Дайны, пытаясь добиться ее расположения. Никто никогда не старался понравиться принцессе-побирушке. Для небогатых дворян она, дева из прежней владыческой династии, была птицей слишком высокого полета, пусть даже у нее не было ни гроша за душой. Богатые же смотрели на выгоды и видели только отсутствие приданого.

Для нее за эти два дня слишком многое было в первый раз.

– Я сражался честно, – с достоинством заявил Гровир. – Выбор оружия остается за бойцом и...

– Хорошо! – воскликнул Аделард, приподнявшись со своего ложа. – Требую возмещения по дуэльному кодексу! У меня кинжалы, у вас – пустые руки!

– Идет! – согласился орк, энергично сверкнув глазами, и Дайна, искренне испугавшись за шаннийца, воскликнула:

– Нет-нет, довольно! Не надо больше драться!

Сейчас, взволнованная, раздумывавшаяся, она была действительно очаровательной. «Дурак же твой бывший муженек! – подумал Валентин. – И с политической точки зрения, и с мужской».

Девушка понравилась ему – маг это признал. Оставалось решить, что делать с этим дальше, до того, как эти молодые бойцовые петушки начнут его раздражать.

– Милорд, вы выиграли, – сказала Дайна, глядя на орка. – И я хочу, чтобы вы сейчас помирились и больше не ссорились.

Гровир кивнул, соглашаясь. Бледное лицо орка снова зарозовело румянцем.

– Благородную жену и ветер слушается, – произнес он и, подойдя к Аделарду, протянул ему руку: – Помиримся!

Шаннийский принц выразительно засопел, но руку все же протянул.

– Дети, – негромко заметил Кристиан. – Хорошие, честные, добрые дети. Что-то с ними будет дальше...

Валентин усмехнулся.

– Если бы ты сошелся в бою с этими детьми, то пожалел бы об этом через секунду, – сказал он. – Шанниец далеко не такой заносчивый прыщ, каким хочет казаться. Ловкий парень.

– Сам вижу, – согласился Кристиан.

Валентин невольно удивился тому, что его обычно хмурый и ворчливый коллега сегодня вдруг впал в мечтательное ностальгическое настроение.

Вскоре Аделард решил, что пришел в себя, и компания продолжила путешествие. Кристиан с удовольствием занял место в экипаже Валентина и, глядя, как Дайна едет впереди рядом с Гровиром, задумчиво произнес:

– Мне она не нравится.

– Почему же? – удивился Валентин. Словно почувствовав, что речь идет о ней, Дайна обернулась на них и улыбнулась так светло и искренне, как может улыбаться только та девушка, у которой все хорошо.

– Нити, – коротко ответил Кристиан. – Сам посмотри.

Валентин всмотрелся в ауру Дайны – да, нитей стало намного больше. Теперь по их густой синеве пробегали золотые искры.

– С ним что-то случится, – заметил Кристиан. – Напрасно они едут рядом.

Валентин невольно поежился. Да, такие искры в ауре некроманта означают скорую смерть. Если принц Застепись умрет в этих землях, то это означает только войну. Оркувены тотчас же сбросят сонную лень, и их летучие отряды наводнят города, сжигая дома и увозя рабов в степи. Никакая политика тогда не поможет.

– Умрет, – кивнул Валентин.

Кристиан задумчиво принялся рассматривать переливы алого в рубине своего перстня.

– Это война, – ответил он. – Неминуемая.

– Она не сможет его оживить, – мрачно проговорил Валентин. Дайна легко держалась в седле – должно быть, во время верховых прогулок ею любовались все, кроме собственного мужа. – У нее нет ни опыта, ни сил.

– А если бы были? – хмыкнул Кристиан. – Действующая некромантка! Инквизиция нас тогда...

Валентин понимающе кивнул. Меньше всего ему бы хотелось общаться с гранд-мастером Баэрном в допросной. Гранд-мастер мог казаться кем угодно: славным парнем, дамским угодником, даже заботливым другом, но все это было лишь маской, под которой прятался зверь.

И хотел он лишь одного: вонзить зубы в человека. Дайне очень повезло, что она успела уехать.

– Я брошу защитное заклинание, – сказал Валентин. – Будем надеяться, что оно поможет.

Скатав в пальцах невидимый шарик, он покачал его в ладонях и швырнул в спину Гровира. Орк поежился, обернулся и, неопределенно пожав плечами, о чем-то спросил Дайну. Она посмотрела на его спину, и Валентин услышал:

– Нет, там ничего нет.

– Комарик укусил, – прокомментировал Кристиан и добавил тише: – Все-таки я чувствую, что нам грозит какая-то дрянь.

– Давно? – уточнил Валентин, вслушиваясь в движение магических потоков. Нет, ничего особенного. Все тихо и мирно. Кроме...

Кристиан не успел ответить.

Земля вздрогнула, словно пыталась что-то с себя стряхнуть.

Мир соскользнул во тьму.

Когда земля ушла из-под копыт лошади, Валентин успел сгруппироваться, покатился по траве и тотчас же поднялся на ноги, разбрасывая во все стороны обережные заклинания – потом посмотрим, что случилось, сейчас надо защититься. Накроить Дайну и орка, накрыть шаннийского щеголя и его несчастных слуг, постараться удержать...

На какое-то время он ослеп от золотого сияния. Гигантский огненный столб, что возник перед ними, с ревом бил в небо. Когда зрение вернулось, Валентин увидел, что в золотом пламени трепетало и извивалось бесчисленное множество хвостов, щупалец, когтистых лап. Тысячи глаз открывались и закрывались, тысячи клыкастых пастей распахивались и захлопывались. Воздух наполнила нестерпимая вонь, крики, истошное ржание перепуганных лошадей.

Краем глаза Валентин увидел, как Кристиан раскинул руки, создавая магический полог, и тотчас же бросил в серебристую защитную сеть несколько поддерживающих заклинаний. Дайна безжизненно лежала на земле, оркувен закрывал ее собой от одного из щупалец, которое лупило по траве. От вороной степной лошади остался лишь обгорелый скелет – над костями роилась золотая пыль, поднималась вверх, втягивалась в столб. Скоро от несчастного животного останется только выгоревшая трава.

Валентин провел руками по воздуху и поставил еще один щит – ему казалось, что он не сможет выстроить защиту так близко к ревущим тварям. Но щит рухнул, отсек всех от огненного столба, и Валентин уловил прохладное прикосновение свежего воздуха.

В последний миг щупальце все-таки ударило Гровира по спине, и шелковый халат задымился. Не брось маг в орка заклинание несколько минут назад, от парня остался бы только пепел.

– Не шевелиться! – прокричал Валентин, усиливая защиту. – Не двигайтесь!

Проявление Мировой нити было самым опасным явлением, и Валентин знал, что однажды неминуемо наткнется на эту дрянь. Все обитаемые миры натянуты на божественную нить, как бусины в ожерелье. Иногда она проявляется в одном из обитаемых миров – и те чудовищные силы, которые ее наполняют, уничтожают все, что встречается у них на пути.

Миры соединяет не только золото добра, но и чудовища ненависти и злобы.

И самым плохим было то, что Проявление нельзя почувствовать или предсказать.

Магические щиты наливались прохладным серебром. Над землей летел едва слышный звон: заклинания работали, отделяя и защищая людей. Теперь оставалось лишь надеяться, что провал скоро затянется и нить исчезнет. Что щиты, которые они выстроили, смогут всех спасти. Что Дайна жива, и Гровир тоже. Валентин шептал заклинания, укрепляя защиту, в ушах стоял рев монстров, и на какое-то мгновение в мире не стало ничего, кроме золотой пыли.

Потом он все-таки не удержался на ногах и рухнул на землю. Последним, что увидел обессиленный маг, была Мировая нить, оторвавшаяся и уходившая в облака. Воздух светлел, золотая пыль оседала на траве, руках, маске.

Все кончилось.

Валентин устало вздохнул и закрыл глаза.

Глава 3

Брат моей крови

Когда земля раскололась и прямо перед мордой лошади Дайны вздыбилась огненная колонна, грохочущая, ревущая, воющая, Гровир среагировал молниеносно – взметнулся в седле, прыгнул в сторону девушки и, сбив ее на землю, закрыл собой.

В следующий миг принцесса увидела, как в огне распахнулась пасть и схватила ее лошадь. Послышался рыдающий визг умирающего животного, хруст, и Дайну оглушило запахом крови.

Кажется, ее начало трясти. Кажется, она тихонько заскулила от страха, вцепившись пальцами в плечи Гровира.

– Тихо, – едва слышно произнес Гровир ей на ухо. – Тихо, не шевелись. Оно чувствует.

Трава под ними начала дымиться. Кругом мела золотая метель: Дайна видела, как сверкающие пылинки оседают на земле, на черной косице Гровира, на обгорелом скелете, что остался от его лошади. Принцесса окаменела, заледенела – сможет ли она когда-нибудь сделать вдох, заговорить, жить без страха? Сможет ли она вообще жить, если в мире бывает такое?

Над ними грохотало и ревело, хлопали огненные кожистые крылья, извивались бесчисленные хвосты и лапы, жадно чавкали кривозубые рты. Еще недавно Дайне казалось, что ничего не может быть страшнее дракона, – и теперь она видела то, что испепеляло ее душу. Жар, исходивший от золотого столба, плавил весь мир, и в огне мелькала вся жизнь Дайны. Вот дом с лимонным деревом, где жил ее учитель, вот улочка, петляющая по склону горы, вот сама Дайна бежит по дороге, озаренная летним южным солнцем крошечного приморского городка, и еще не знает, что однажды она будет гореть в аду заживо...

Это был ад. Это не могло быть что-то другое.

– Не шевелиться! – услышала Дайна крик Валентина и обрадовалась. Значит, он здесь, он жив, он сможет их защитить! – Не шевелиться!

И сразу же стало прохладнее. Огненный столб по-прежнему с оглушающим грохотом поднимался в небо, но теперь Дайну и Гровира от него отделяла серебряная завеса, которая с каждой секундой становилась все плотнее и гуще. Прикосновение ветра к обожженному лицу было таким успокаивающим и ласковым, что девушка не сдержала слез.

– Тихо... – прошептал Гровир и вдруг обмяк, уткнувшись лицом в землю. Дайна зажмурилась, потом открыла глаза и с ужасом поняла, что орк умер.

Она не знала, откуда вдруг появилось это понимание. Она, конечно, видела мертвых – но вот так, твердо знать, что этот парень умер сейчас, на ее глазах... Дайна всхлипнула, выбралась из-под отяжелевшего, неповоротливого тела и с трудом перевернула Гровира на спину.

Да, он умер. Дайна посмотрела по сторонам, не до конца понимая, что видит. Все казалось ей уродливыми декорациями к страшному спектаклю. За ее спиной стихал рев чудовищ – огненный столб оторвался от земли и уходил в небо. Ад закрывал ворота. От серебряной завесы тянуло вечерней прохладой и легким запахом моря. Шелковый халат Гровира дымился, темные глаза орка смотрели в небо.

Мертв. Дайна поняла, что его зацепило одно из огненных чудовищ.

В стороне принцесса заметила груды темной одежды, растрепанные белые волосы. Валентин. Чуть поодаль лежал Кристиан. Обоз Аделарда разметало, словно все повозки и лошади были игрушечными и ребенок, балуясь, разбросал их по комнате.

– Гровир... – позвала Дайна.

Он не откликнулся. На его бледное лицо упала капля, девушка провела рукой по еще теплой щеке и поняла, что это ее слеза. Она плачет.

Он закрыл ее собой от огненной смерти и умер сам.

Это было настолько несправедливо и неправильно, это настолько не укладывалось в сердце Дайны, что она снова дотронулась до щеки Гровира и сказала:

– Вставай. Вставай, ну что ты?

Ей вдруг привиделась степь – бескрайнее море от горизонта до горизонта, в котором плещутся все

оттенки зеленого. Солнце висит в дымке белых перистых облаков золотой монетой, и сквозь невесомую пелену на горизонте проступает синева далеких гор Анхт-Антмаар, и пластинками лазурита лежат озера с чистой водой, и рассыпаются стада, белые буквы на зеленой бумаге. Где-то там, за горами, был золотой престол Всевечного Отца, и алые юрты, и края славной охоты и богатой добычи. Дайна увидела всадника на вороной лошади – Гровир ехал к озерам, и навстречу ему выходило бесчисленное конное воинство, души его предков.

И это так потрясло душу Дайны – ударом молнии, пронзившим всю ее суть, что она закричала:

– Нет! Не смей! – И рванула всадника на себя. Не руками – чем-то огромным и властным, что вдруг поднялось из нее и обхватило Гровира.

Этот молодой степняк был одним из немногих людей на пути Дайны, которые помогали ей. И она не могла допустить, чтобы он расплатился за эту помощь своей жизнью.

Нет. Не сейчас.

Дайну отшвырнуло в сторону, и степь растаяла. Исчезли всадники в белых одеждах, растворились озеро и далекие горы. Она прокатилась по земле и, приподнявшись на локтях, увидела, как губы Гровира дрогнули. Густой запах крови, который плавал в воздухе, растаял, словно его и не было.

Орк сразу же сел – прижал руку к груди, жадно хватая воздух, словно только что вынырнул из воды. Принцесса тотчас же бросилась к нему – живой! Все хорошо! Может быть, ей показалось, что он умер?

«Нет, – тотчас же ответила себе Дайна. – Не показалось. Он действительно был мертв. Я вернула его».

Вспомнилось утро в гостиничном номере и слова Валентина: «С вашей магией не принимают в академию. С вашей магией убивают».

– Гровир? Как ты? – окликнула Дайна, сама не замечая, что невольно перешла на «ты». Парень провел ладонью по груди и, глядя на Дайну, но не видя ее, ответил:

– Я был в небесной степи, вечном доме мертвых. Видел предков, которые вышли встречать меня. Деда Уштара видел... – Орк повернул голову к Дайне и сказал: – А потом услышал, как ты кричишь. И очнулся уже здесь.

Дайна шмыгнула носом, и Гровир обнял ее и добавил:

– Ты меня оттуда вытащила. Ты спасла мне жизнь.

Так они сидели – долго-долго, целую минуту, а потом Дайна сказала:

– Нет. Это ты меня спас. Когда столкнул с лошади и закрыл от столба, помнишь?

От одной из перевернутых повозок поднялась человеческая фигурка. Слуга Аделарда сделал несколько неловких шагов и сел в траву. Ветер играл белыми волосами Валентина, и Дайна видела руку ректора – ладонь раскрылась, и на ней таяли золотые песчинки.

Больше никто не умер. Сейчас она знала это совершенно точно. Смерть ушла отсюда.

Перед глазами мелькала какая-то фиолетовая нитка. Дайна хотела было поднять руку, чтобы отогнать ее, но не могла.

– Мы теперь как брат и сестра, – произнес Гровир. – В кланах Застепья так принято... если люди спасают друг друга, то они должны породниться.

Дайна вдруг поняла, что до сих пор плачет – от страха, от усталости, от всего того, что в себя вместили эти два дня. У нее почти не осталось сил. Если бы Гровир сейчас не обнимал ее за плечи, то она упала бы в траву и не поднялась.

Некромантия. Страшное магическое искусство, за которое существует лишь одна награда – казнь на костре.

Потому что мертвые не должны возвращаться к живым.

Потому что это неправильно и грешно.

– У меня не было братьев, – негромко откликнулась Дайна. Гровир рассмеялся, погладил ее по голове каким-то простецким, домашним жестом.

– А у меня три сестры, – ответил он и добавил: – И ты. Теперь ты, Дайна Девлет, сестра моей крови.

Дайна сжала его руку и сказала:

– А ты, Гровир из клана Бхаур, брат моей крови.

Она помолчала и добавила:

– Я рада. Я очень рада.

Издалека прилетел степной ветер, принес запах сухих трав и солнца.

Дайна закрыла глаза.

– Нет. Простите меня, господин ректор, но я не позволю. Не заберет ее никакая инквизиция.

Голос Гровира выплывал из темноты, как волны, которые набегали на серый берег. То громче, отдаваясь в висках грохочущим набатом, то совсем тихо, неразлично. Дайна лежала на берегу, чувствовала, как над головой парит что-то давящее, сиреневое.

Берег качался под ней. Берег был неустойчив. Кажется, он двигался и куда-то уносил Дайну.

– Она спасла меня, – твердо произнес Гровир. Дайна вспомнила, что о степняках обычно говорили, будто они невероятно упрямы и всегда стоят на своем. – Теперь она сестра моей крови. Я не позволю ее обидеть.

Вспомнилась степь, туманные горы на горизонте. Вспомнилось то чувство дома, которого у принцессы никогда не было. Ей захотелось заплакать, но глаза остались сухими.

– И что вы скажете инквизиции? – услышала Дайна голос ректора и снова обрадовалась.

Валентин был жив, он рядом. Конечно, минувшая ночь не должна ничего значить ни для нее, ни для него, но Дайне хотелось думать о ней. Хотелось тянуться к живому теплу. Кожа еще хранила отпечатки пальцев Валентина – золотые, обжигающие.

Как хорошо, что этого больше не повторится, она ведь расплатилась с ним за его доброту.

Хорошо ли?

– Ничего! – беспечно ответил Гровир. – Я закрыл собой ее высочество, ударился, когда падал. Потом поднялся, когда заклинания защиты иссякли, вот и все. Я не вернувшийся мертвец.

Он помолчал и добавил:

– Почему мы вообще должны объясняться с инквизицией?

– Он прав, – сказал Кристиан. Дайне вдруг захотелось открыть глаза. Посмотреть на них, убедиться, что все они живы и все хорошо. – Нам лучше сделать вид, что ничего не произошло. Не из гроба же она его подняла.

Темные волны отхлынули, и Дайна увидела высокий белый полог одной из повозок Аделардова обоза. Она лежала на походной кровати, Валентин сидел справа, и почему-то принцесса почувствовала, что он взволнован. Она сама не знала, как смогла это понять. Лицо Валентина было по-прежнему закрыто маской, белые волосы приведены в порядок, и все выглядело так, словно ничего не случилось.

– О, пришла в себя наша некромантка! – услышала она Кристиана. Дайна повернула голову: Кристиан и Гровир сидели чуть поодаль и не сводили с нее глаз. – Рассказывайте, как вам это удалось?

– Что именно? – хрипло осведомилась Дайна.

Валентин поднес к ее губам серебряный стакан с трубочкой, и глоток ледяной воды с едва заметным травяным привкусом оживил и взбодрил. Голова сделалась свежей и легкой, и на мгновение девушке показалось, что она готова взлететь.

Дайна осадила себя. Заставила улечься ту прохладную волну счастья, что вдруг наполнила душу.

Она предчувствовала неприятности.

– Оживить вашего однокурсника, – ответил Кристиан. – Мы осмотрели его, на спине такая рана,

с какой не живут. А ведь надо же! И живой, и рана зарубцевалась.

Гровир смотрел на Дайну с благодарностью и любовью. Бледное лицо орка было осунувшимся и усталым, но глаза блестели энергично и весело. Все, что случилось, представлялось ему просто опасным приключением.

– Я не знаю, – искренне ответила принцесса. – Я не могла... не хотела, чтобы он умер. Гровир спас мне жизнь...

– Благородный муж не оставляет ближнего перед лицом опасности, – важно заметил Гровир. Валентин усмехнулся.

– Магия пробудилась в вас только вчера. – Его голос прошелестел из-под маски сухо, словно осенние листья, подхваченные ветром. – А сегодня вы уже подняли мертвого. Я такого не видел. Никогда.

По голове Дайны мазнуло холодком. Вспомнились страшные сказки о некромантах, которые рассказывала нянюшка. Вспомнилось и то, что делали с некромантами, если умудрялись их поймать. От этого стало еще холоднее.

– И что надо было делать? – спросила Дайна, чувствуя, как в ней поднимается гнев. – Позволить ему умереть? Я могла помочь и помогла.

– Мы ее не остановили, – подал голос Кристиан. – Хотя должны были это сделать. Поэтому будем молчать обо всем, что случилось, иначе академия останется без ректора и главного специалиста по боевой магии.

– Хорошо, – согласился Валентин. – Как там наш младший принц?

– Надо посмотреть, – ответил Кристиан и поднялся. Гровир тотчас же последовал его примеру, поняв, что разговор окончен. – Его крепко ударило, когда повозки разлетелись.

Они вышли, а Валентин какое-то время молчал, и Дайна всем телом чувствовала его оценивающий взгляд. Ни тепла, ни доброты – так ученый смотрит в лупу на незнакомое насекомое, прикидывая, как растут его ножки и крылышки и что будет, если отсечь, допустим, вот этот усик.

– Все плохо, да? – спросила Дайна.

Валентин неопределенно пожал плечами.

– Вы некромант, ваше высочество, – ответил он. – Некромантов убивают даже до того, как они начинают поднимать мертвых. Когда приедем в академию, я укрою вас маскировочным заклинанием.

Дайна попробовала сесть – Валентин поддержал ее под руку, подложил подушку под спину, и на мгновение девушке захотелось, чтобы он остался с ней. Просто посидел бы рядом, не уходил.

Он ведь уйдет. Что ему тут делать? Сейчас все опомнятся, окончательно придут в себя, и путь в академию продолжится.

– Никому не говорите о том, что оживили этого парня, – посоветовал Валентин уже мягче. Дайна кивнула.

– Вы защищаете меня, – сказала она. – Почему?

Она снова почувствовала, как Валентин улыбается.

– Потому что хочу сделать доброе дело, – искренне ответил он и, помолчав, добавил уже серьезнее и горше: – Однажды я не смог спасти одну девушку. Сейчас хочу спасти другую. Вас. Вот и все.

Значит, все дело в его прошлом. Может быть, именно поэтому он и прячет лицо под маской – впрочем, Дайна не осмелилась бы спросить об этом.

Но Валентин любил ту девушку. Наверняка любил, иначе не говорил бы об этом с такой затаенной тоской. Может, Дайна похожа на нее – поэтому он и провел с ней ночь.

Что с ней случилось, с той девушкой? Погибла ли она по вине Валентина?

Вопросов было много. Вопросы так и рвались с языка, но Дайна сказала:

– Что ж... спасибо вам, милорд. Я вам очень благодарна, правда.

Валентин кивнул, и блеск глаз в прорезях его маски померк.

– Тогда отдыхайте, – велел он. – После таких всплесков магии надо лежать и не шевелиться.

– Посидите со мной, – попросила Дайна, вдруг почувствовав себя совсем маленькой и слабой.

Повозку мягко качнуло и повлекло вперед – обоз шаннийского принца продолжил путь в академию. Валентин слегка усмехнулся и погладил принцессу по руке.

Вспомнил ли он в этот момент ту, далекую, потерянную навсегда?

Дайна сказала себе, что это не имеет значения. Она не должна думать о таком – не хватало ей еще влюбиться в придачу ко всем остальным неприятностям.

– Посижу, конечно, – мягко ответил Валентин и провел над Дайной ладонью. – Спите, ваше высочество. Все будет хорошо.

Они приехали в академию вечером. К тому времени Дайна проснулась, свежая и полная сил, и, выглянув из повозки, увидела, как обоз поднимается по дороге к замку. Белокаменный, вырезанный прямо в скале, он гордо вскидывал пальцы башен в закатное небо, и Дайне казалось, что она едет в картинку в книге со сказками. Там были такие замки, и башни, и алые флаги.

Сказки про некромантов всегда заканчивались плохо. Принцессе хотелось надеяться, что в ее случае все-таки будет иначе.

Что у нее оставалось, кроме надежды?

Во дворе к повозкам сразу же бросились слуги. Всмотревшись в одного, который проворно поволок ее сундучок, уцелевший во всех приключениях, Дайна удивленно ахнула: слуга был самой настоящей крысой, конечно, если бывают крысы ростом по пояс человеку, которые носят красные сюртучки и украшают хвосты алыми лентами.

Валентин помог Дайне выйти из повозки, и, опираясь на его руку, девушка с неожиданным сожалением подумала, что с каждой секундой они становятся все дальше и дальше друг от друга. Теперь Валентин – ректор, хозяин этого замка, а она всего лишь одна из студенток. Между ними ничего не может быть – ни дружбы, ни привязанности, ни любви.

– Вы бледны, – негромко заметил Валентин.

«Между нами и не может быть любви, – сердито подумала Дайна. – Я не должна к нему привязываться. Мы просто провели вместе ночь, вот и все. Совершенный пустяк, если послушать фрейлин моей бывшей свекрови».

Она почувствовала, как на щеках выступает румянец. Сердце забилось быстрее. Дайна изо всех сил старалась держаться свободнее и твердила, что ничего особенного не произошло – но душа горела, душа рвалась куда-то прочь, и девушка не находила себе места.

Она старалась, но не могла успокоиться.

Неужели ей хочется любви этого пугающего человека в маске? Нет. Это невозможно.

Не стоит и думать о таком.

– Голова немного кружится, – ответила Дайна с той улыбкой, с которой говорила с придворными в столице. – Пустяки, пройдет.

Из повозок вышли Гровир и Аделард – шаннийского принца заметно покачивало, глаза его блестели, словно во хмелю. Кажется, они успели скрасить дорогу выпивкой. Дайна хотела было заговорить с ними, но не успела – к ним быстрым шагом приблизился здоровенный черный крыс. Судя по лоснящейся шерсти и золотой отделке сюртука, он был непростым слугой.

– Господин ректор, добрый вечер. – Он поклонился Валентину и, обернувшись к Дайне, Гровиру и Аделарду, сказал: – Я Шайло – распорядитель академии. Пожалуйста, идемте со мной.

Дайна обернулась было к Валентину, но он уже стоял к ней спиной, а из повозки спускался Кристиан с такой миной, словно его всю дорогу потчевали чем-то исключительно неприятным. Что ж, вот и кончилось их путешествие. Впереди новая жизнь.

Шайло отвел их компанию в ту часть замка, что служила общежитием. Здесь былолюдно и шумно: молодые люди и девушки гуляли по коридору, сидели прямо на подоконниках с какими-то

лакомствами в руках, хохотали, обсуждая учебу и преподавателей. Когда Шайло появился в коридоре, то один из студентов, долговязый щеголь с выражением пресыщенной скуки на лице, звонко воскликнул:

– О, первокурсники! Это кто, орк? Вроде в замок не пропускают грязь!

Кто-то из студентов угодливо хихикнул. Остальные умолкли и устались на новых обитателей замка в ожидании забавного представления.

– А это кто? – не унимался щеголь, скользнув презрительным взглядом по Дайне. – Что за Баронесса Рваного Платья?

В следующий миг Гровир скользнул молниеносной тенью в сторону говоруна, и в коридоре сверкнуло лезвие обнаженного меча. Аделард ахнул, встал так, чтобы прикрыть Дайну. Зеваки отступили, чтобы не попасть под раздачу.

– Не орк, а оркувен, – сурово поправил Гровир. – И ты говоришь о сестре моей крови. Говори с уважением.

Щеголь заохал и карикатурно вскинул руки. Кажется, он не верил, что Гровир способен пустить свое оружие в ход.

– Ах, помогите, помогите мне! Орки... ах, прошу прощения, оркувены защищают честь своих степных шлюх!

– Она не шлюха, – тотчас же добавила черноволосая красавица, которая грызла яблоко чуть поодаль. – Она бывшая жена принца Кендрика, я ее узнала. Она так и не разделила с ним ложе за год брака, в газете сегодня про это было.

Шайло, громогласно призывая всех успокоиться, попытался было скользнуть под мечом Гровира, но в ту же минуту лезвие засверкало в воздухе, и щеголь ахнул уже не карикатурно. По коридору полетели обрезки одежды, и щеголь съежился, прикрывая пах.

Дайна рассмеялась. Остальные студенты тоже расхохотались – девушка, которая знала историю Дайны, даже выронила яблоко. Гровир умудрился несколькими движениями меча разрезать одежду и полностью обнажить задиру.

– Советую Барону Рваного Платья получше прикрыть свой тощий зад и скудный уд, – с достоинством посоветовал Гровир и добавил уже холоднее и злее: – Еще раз раскроешь рот на сестру моей крови – и я тебя зарежу. Понял?

– Понял, понял... – мрачно пробормотал щеголь, и Шайло наконец-то смог оттеснить Гровира в сторону.

– Ну что вы за народ такой, орки... оркувены! – воскликнул он с досадой. – Всегда так! Где вы, там скандалы да поножовщина, как так можно-то вообще, а?

Гровир не стал спорить, лишь смиренно поинтересовался:

– Добрый господин, а почему вы не делаете замечаний тому юноше? Он обозвал меня и сестру моей крови самыми недостойными словами.

Аделард презрительно фыркнул и решительно поддержал Гровира:

– Действительно, недостойное поведение, – и добавил так, что разнеслось по всему коридору: – Порядочные люди так себя не ведут!

Шайло выразительно поднял глаза к потолку. Видимо, он не ожидал, что орк и шаннийский принц выступят единым фронтом.

– Идите уже... – сказал он и открыл одну из дверей. – Миледи, ваша комната.

Комната оказалась маленькой, но уютной. Дайна прошла к окну, забранному витой решеткой, и увидела гору, далекий лес, закатное небо. Что ж, вполне приятное место – принцесса села на край кровати, заправленной простым бледно-голубым покрывалом, и подумала, что нашла дом, пусть и всего на несколько лет учебы.

В комнате стоял маленький шкаф – в приоткрытую дверцу Дайна увидела, что весь ее немногочисленный багаж уже разложили по полкам. Медведь тоже там был, смотрел старыми глазами-пуговками. Принцесса вытащила его, обняла и едва не расплакалась от внезапно нахлынувшей тоски.

Чего только не было за эти два дня! А что еще будет? Вот в академии уже знают, кто такая Дайна Девлет, как она рассталась с мужем и почему. Наверняка тот задира надел портки и уже сплетничает о новой студентке, а его чернокудрая подруга добавляет жареных фактов о семейной жизни Дайны, наполовину вычитанных с газет, которые наверняка всю трубят о разводе принца Кендрика, наполовину выдуманных.

В дверь негромко постучали. Дождавшись разрешения войти, в комнату заглянул серый крыс и сказал:

– Миледи, господин ректор приглашает вас к себе.

Покои ректора занимали целый этаж в западной части замка. Сначала Дайна в сопровождении крысы прошла через огромную оранжерею, полную цветочных запахов и криков больших кривоносых попугаев. Здесь царил таинственный полумрак, было душно, откуда-то доносилось мерное капанье воды, и алые плетистые розы рассыпали лепестки на головы идущим. На мгновение Дайне показалось, что рядом с ними мелькнул силуэт вандорского оленя с короной рогов.

Потом они миновали лабораторию с высокими окнами, где на стеллажах до потолка теснились коробки, книги, ящики, груды драгоценных камней, костей и цветной пыли. В отдельном шкафу стояли бесчисленные банки и пузырьки с зельями и впечатляющими бумажными наклейками с черепом. Дайна предположила, что это были яды.

Затем они оказались в том, что принцесса назвала музеем редкостей из-за прозрачных стеклянных емкостей, в которых плавали змеи, насекомые, пугающие многоголовые животные, погруженные в зеленоватую жидкость. Дайне показалось, что одна из змей шевельнулась и приоткрыла рот.

Затем они прошли через библиотеку. На дюжине столов лежали одинаковые тетради и стояли новенькие сверкающие чернильницы, возможно, ректор проводил здесь лекции или принимал экзамены. Дайна невольно залюбовалась книгами – она любила читать. Может быть, Валентин разрешит ей приходить сюда, брать очередной пухлый том...

В какой-то момент Дайна даже испугалась, что не сможет найти дорогу обратно. Но наконец перед ними возникла высокая дверь из темного дерева, крыс осторожно постучал, и Дайна услышала:

– Входите!

Провожатый открыл дверь, пропуская принцессу.

Зал по красоте и богатству отделки ничем не уступал дворцу принца Кендрика. Дайна прошла к камину, в котором весело потрескивало пламя, устроилась в мягком кресле и с любопытством стала рассматривать картины в тяжелых старинных рамах. На одной из них был полководец на коне – властная осанка, тяжелый взгляд, саалийский флаг, который развевался над ним, как крылья. На втором полотне было море, написанное так ярко, живо и легко, что Дайне послышался шум волн и запах соли, водорослей, рыб.

– Нравится?

Валентин подошел неслышно, протянул Дайне бокал с водой, сел в кресло напротив. Он поменял маску – новая была белой, полностью закрывающей лицо, с золотыми тенями на щеках и лбу.

– Очень. – Дайна искренне улыбнулась. – Я когда-то давно жила у моря. В детстве.

Она осеклась, понимая, что это совершенно неинтересно. Кто захочет знать, в каких краях обитала принцесса-побирушка до того, как до нее снизошел принц Кендрик?

Молчать и слушать – вот все, что ей следует делать.

– Вам нравилось море? – спросил Валентин так, словно это имело значение. Дайна почувствовала, как все в ней вздрогнуло.

– Да, – ответила она тише, чем собиралась. – Очень. Я хотела съездить на море с Кендриком, но свекровь запретила.

Дайне стало холодно. Еще вчера утром Кендрик был ее мужем, и она привычно надеялась, что их брак все-таки не будет фиктивным. Девушке показалось, что во взгляде Валентина мелькнуло сочувствие. Возможно, действительно показалось. Что там можно разглядеть в прорези маски?

– Выпейте, – посоветовал Валентин. – Это поможет мне настроить вашу защиту.

Дайна послушно осушила бокал и почувствовала, как немеют ноги. Камин, кресла, картины – все

поплыло куда-то в сторону, все сделалось вязким и призрачным. Валентин протянул к ней руку – принцессе почудилось, что у него шесть пальцев и один из них покрыт золотыми чешуйками.

– Вставайте! – приказал он.

Дайна поднялась из кресла и едва не упала на ковер. Ноги были непослушными, голова кружилась. Валентин удержал ее, но девушка все же не устояла на ватных ногах и уткнулась лбом в его грудь.

Ее обожгло. Ощущение было таким, словно прикосновение вызвало огненную волну – она прокатилась по телу Дайны, почти выбивая дух. Издалека доносилось мерное биение чужого сердца, ладони Валентина тяжело и властно лежали на плечах, и девушка чувствовала себя мошкой, которая вязнет в густом сладком сиропе.

– Больно... – выдохнула она в темный шелк плаща.

– Так и должно быть, – откликнулся Валентин. – Потерпи еще немного. Сейчас тебя окончательно укроет, и станет легче.

«Я расплатилась за его доброту, – напонила себе Дайна. – Иначе он уже сдал бы некромантку инквизиции». Ей хотелось быть циничной, но сейчас, окутанная теплом Валентина, она не могла.

Постепенно предательская слабость в ногах отступила. Сквозь нее проявилось новое чувство – Дайне казалось, что легкое перышко щекошет ее шею. Потом оно ушло, Валентин осторожно отстранил принцессу от себя и, подцепив ее подбородок кончиками пальцев, посмотрел в лицо и спросил:

– Легче?

– Да, – прошептала Дайна, не сводя взгляда с прорезей его маски. – Благодарю вас, милорд.

Он не выпускал ее, и девушка, понимая, что ей следует отступить, мысленно просила, чтобы это странное полуобъятие не разрывалось. Еще немного, секунду, еще одну.

Пока объятие длилось, она чувствовала себя нужной. Хотя кому-то. Хотя так – Дайна понимала, что Валентин сейчас смотрит на нее и видит ту девушку, которую не смог спасти.

Не важно. Совсем не важно.

Всю свою жизнь Дайна не видела от других ничего, кроме равнодушия и презрения. Принц Кендрик хотел ее использовать и смог замаскировать это желание. Валентин спасал ее, искупая вину перед своим прошлым – девушка прекрасно это понимала.

Но он все-таки видел в ней живого человека. Не вещь.

– Сядь, – сказал Валентин.

И Дайна вдруг поняла, что объятие разорвано и она уже сидит в кресле. В бокале снова была вода. Принцесса машинально взяла его – просто для того, чтобы занять руки.

– Выпей.

Она послушно сделала глоток – простая вода без каких-либо примесей. Валентин сбросил плащ прямо на ковер и усталое опустился в кресло. Дайне подумалось, что у них обоих был очень длинный день.

– Что там был за скандал? – поинтересовался ректор, мягко махнув рукой в сторону камина. Пламя разгорелось с новой силой, на маску и белые волосы легли мягкие золотые мазки огня.

– Какой-то юноша стал обзывать нас, – ответила Дайна. Почему-то от воды ей сделалось так весело и тепло, словно она выпила вина. – Удивился, что орк делает в академии. Назвал меня степной шлюхой, но его сразу же поправили. Тут, оказывается, уже знают, кто я.

Ей сделалось горько. Она будет учиться, ходить по коридорам и лестницам, сидеть в библиотеке, и на нее станут смотреть, показывать пальцем и говорить: вот она, та самая Дайна, с которой законный супруг не стал ложиться в постель.

Кем лучше быть, шлюхой или женой, которая так и осталась невинной? Что не так смешно и нелепо выглядит?

– А, Базиль. – Валентин понимающе кивнул. – И с ним Клера. Они всегда всех задирают.

– Он назвал меня Баронессой Рваного Платья, – ответила Дайна и только теперь поняла, что так и

не успела переодеться и на ней то же самое платье, в котором она валялась в траве, когда в двух шагах от нее ревел огненный столб. – Я не жалуюсь, не подумайте.

Валентин усмехнулся.

– Я сам об этом спросил.

Дайне подумалось, что он уже должен отправить ее обратно в комнату. Неужели не хочет, чтобы она уходила?

– Когда начнутся занятия? – спросила Дайна.

– Уже завтра. У первокурсников весь день уйдет на основы магической практики, – ответил Валентин и пояснил: – Это индивидуальное занятие с куратором.

Дайна понимающе кивнула.

– А кто будет моим куратором? – Сердце вдруг забилося часто-часто. Валентин пожал плечами.

– Не знаю. Магическое поле замка само распределит.

– Хорошо бы оно распределило к вам... – проговорила Дайна словно не по своей воле. Опомившись, она едва не вскочила из кресла, с трудом подавив в себе желание зажать рот ладонями, чтобы больше не сказать никакой неподобающей чуши.

Дура, дура, дура!

Но Валентин лишь кивнул – по маске снова скользнули золотые блики.

– Да, – согласился он. – Хорошо бы.

– Мне, наверно, пора, – прошептала Дайна.

Губы немели, делаясь какими-то чужими, в животе становилось горячо и больно. Валентин снова кивнул.

– Да, пожалуй. Иди все время прямо, не заблудишься.

– Доброй ночи, милорд, – выдохнула Дайна и пошла к дверям, не чувствуя пола под ногами.

– Доброй ночи, – скользнуло по ее затылку.

Хлопнула дверь, отсекая зал с камином. Заскользили мимо книжные полки, маленькие яблоки фонариков подсветки, которые бросали рыжие блики на позолоту старых томов. Проплыл зал диковин и редкостей – шербатые пасти невиданного чудовища нестрашно оскалились из-за стекла; скелет двухголового человека медленно поднял и опустил руку.

Бежать. Бежать. Скрыться от самой себя, от того, что сейчас наполняло и рвало душу.

Дайна опомнилась лишь в оранжерее – вдруг поняла, что наступила ночь, что среди высоких древесных стволов царит таинственный синий сумрак, что она пришла в себя и трепет, который пульсировал в ней, растворился. Принцесса устало привалилась к столбу фонаря, который, покачиваясь, рассыпал во все стороны пригоршни света, и несколько минут стояла просто так, выравнивая дыхание.

Влюбляться – это слишком большая роскошь в ее положении. Влюбляться в героя, который спас ее от дракона, в человека, который закрывал ее заклинаниями от монстров и спасал от инквизиции – нет, она не может себе этого позволить.

Она расплатилась за его доброту кровью своей невинности – Дайна сердито напомнила себе об этом.

Незачем мечтать о глупом и невозможном. Она приехала сюда, чтобы учиться, а не влюбляться в того, кто скрывает свое лицо.

Невидимые пальцы скользнули по шее, задержались на позвонке, едва уловимо прошли по плечу. Дайна вскрикнула, шарахнулась в сторону, обернулась – никого. С дерева упал длинный красно-золотой листок, потом еще один. Вдали медленно капала вода, среди ветвей негромко шелестели птичьи голоса.

Дайна была одна в оранжерее.

– Все, – сказала она вслух. – Все, хватит.

И быстрым шагом направилась к двери – почти бегом.

Первокурсников было шестеро. Войдя в малый зал академии в компании Гровира и Аделарда, Дайна увидела двух девушек, судя по румяным лицам и длинным золотистым косам, крестьянского сословия. Компанию им составлял молодой человек с горделивой осанкой дворянина. Все трое были разодеты в пух и прах, все отчаянно нервничали. Аделард едва заметно дотронулся до накрашенной ресницы кончиком пальца и негромко заметил:

– Анфалийское княжество. Просвещение туда еще не пришло, вы только посмотрите на их тряпье!

Гровир выразительно взглянул на него и так же негромко произнес:

– Благородный муж уважает других за красоту и чистоту души, а не за модное платье.

Аделард лишь выразительно закатил глаза, видимо, понял, что магия привела его в самое странное и дикое общество, какое только можно вообразить. Впрочем, все сразу же перезнакомились, и напряжение, которое так и искрилось в воздухе, начало спадать. Девушек звали Кьяра и Карин – сестры, бывшие крепостные семьи молодого дворянина Петера, они по-прежнему смотрели на него снизу вверх.

– Я хотел пойти по военной части, – признался Петер. – А потом проснулась магия, и вот... Батюшка так расстроился, даже выпорол меня.

Аделард вопросительно поднял идеально подведенную бровь.

– Хотел, что ли, вбить магию обратно? – поинтересовался он.

Кьяра и Карин одарили его хмурыми взглядами исподлобья. Гровир уважительно качнул головой.

– В Застестье ценят боевую магию, – сообщил он. – И благородный муж никогда не боится идти по той дороге, которую проложила судьба.

Петер лишь вздохнул.

– Батюшку это не устроило. Он хотел генерала в семье, а не мага. Это вот девицам в радость...

Кьяра и Карин дружно кивнули.

– Да! – радостно воскликнула Кьяра. – Нам сразу вольную дали, будем учиться, потом родителей выкупим.

– А вы? – спросил Петер, с интересом глядя на Дайну. – Мне кажется знакомым ваше лицо, но я не помню, где вас видел.

– В газетах, – беспечно ответила девушка. В конце концов, ей нечего было стесняться и стыдиться. – Я Дайна Девлет, бывшая жена принца Кендрика.

Девушки ахнули и поклонились Дайне в пояс. Петер тоже отвесил поклон.

– Ваше высочество, – прошептали все трое, и вот тогда принцессе стало страшно неловко: и от этих поклонов, и от испуганно-уважительных взглядов.

– Пустяки, – сказала она. – Здесь это не имеет значения, мы все равны перед магией. Я забыла о том, что я принцесса, и вы тоже забудьте.

Гровир выразительно посмотрел на Аделарда и негромко произнес:

– Вот что значит действительно благородная жена!

Напряжение окончательно спало, когда Гровир стал рассказывать о большом конном празднике в Застестье – все кланы собирались у озера Бахнут-ун, и начиналось соревнование: молодые воины скакали на лошадях, стреляли из луков и боролись. Он говорил так горячо и искренне, что все заулыбались, а Дайна почти увидела, как мчатся по степи белые кони с всадниками в алых одеждах, как танцуют девушки – легкие, чернокосые, похожие на невесомых бабочек в своих синих и алых шелковых платьях, как льется в пиалы зеленый чай и рокочуще звучат бубны...

Все так заслушались, что даже не заметили, как открылась дверь, и в малый зал вошли преподаватели во главе с Валентином.

– Как интересно, – уважительно заметил Валентин. – Вас даже жалко прерывать.

Гровир тотчас же умолк и поклонился преподавателям. Дайне вдруг сделалось жарко, в горле пересохло. Сейчас первокурсников распределят по кураторам, начнется новая жизнь... Что, если ее куратором будет Валентин?

«Нет! – мысленно воскликнула она. – Нет, только не это!»

А душа сразу же взмолилась, не слушая разум: «Пожалуйста, пусть это будет он!»

– Итак, первый курс, я рад приветствовать вас в академии, – прошепел голос из-под маски. – Во всех вас проснулась магия, такова воля судьбы. То, как вы этой магией распорядитесь, насколько усилите и улучшите свой дар – уже ваша воля. Я надеюсь, что вы не утратите его.

Кьяра и Карин смотрели на ректора с искренним ужасом. Кажется, они даже дышать забыли от страха. Дайна вдруг подумала, что она одна из немногих, кто видел Валентина другим – живым, чувствующим, настоящим. Человеком, способным любить искренне и безоглядно.

– Сейчас магическая сеть, которая окутывает этот зал, выберет вам куратора, – произнес Валентин, и воздух наполнило серебристое свечение и едва уловимый аромат ландыша. – Куратор станет вашим главным спутником и наставником на все годы учебы. Он поможет вам решить все проблемы и ответит на все вопросы. Сразу предупреждаю: никаких авантюр без обсуждения с ним. А то магия иногда плохо влияет на неокрепшие умы.

Аделард прикрыл глаза, он хорохорился, но принцесса чувствовала, что ему страшно. Гровир держался спокойно. А в Дайне все звенело и дрожало, но теперь это был не страх, а какое-то обжигающее предвкушение чуда.

– Кьяра Шу, – произнес Валентин. – Выйдите вперед.

Кьяра послушно шагнула к нему, зажмурилась, и ее губы зашевелились в молитве. Серебристое свечение стало гуще, и в воздухе вдруг вспыхнул огонек и поплыл к голове Кьяры. Карин восторженно ахнула, не сводя взгляда с сестры. Послышался легкий треск, и второй огонек вспыхнул над головой чопорной дамы в темно-синей мантии, которая стояла рядом с Валентином.

– Отлично! – произнес ректор. – Быстрый выбор. Кьяра, ваш куратор – госпожа Эмилия. Сейчас вы пойдете с ней.

Госпожа Эмилия благосклонно улыбнулась и протянула Кьяре сухую руку, унизанную тонкими кольцами браслетов.

– Идемте, милочка, – сказала дама.

Когда они покинули зал, Валентин вызвал вперед Аделарда. Его куратором стал низкорослый толстячок, который больше был похож на кондитера, чем на мага.

Следующей была Дайна. Она вышла вперед и, бросив быстрый взгляд в сторону Валентина, подумала: «Только не он». И в тот же миг второй огонек вспыхнул над головой высокого молодого мужчины, который держался позади остальных преподавателей.

– Прекрасно, – сказал Валентин. – Дайна, ваш куратор господин Александр. Сейчас вы пойдете с ним.

Александр одарил Дайну широкой белозубой улыбкой, и она пошла к нему, не зная, радоваться ли тому, что ее молитва услышана, или грустить по тому же поводу. Ее куратор выглядел очень довольным, и, спускаясь за ним по лестнице, Дайна думала о том, сколько времени они проведут вместе на занятиях.

Валентин будет лишь ректором академии, а Дайна – обычной студенткой, каких тут много. Лучше забыть ту ночь и никогда не воскрешать ее в памяти. Так и правда будет лучше.

– Вы моя третья студентка, – весело признался Александр и продемонстрировал правую руку, украшенную тремя браслетами. – Будете стараться – подниметесь очень высоко. Две мои выпускницы уже купили дома в столице и имеют большую практику.

Лестница вывела их к классам; Александр открыл дверь, пропустил Дайну в класс и спросил:

– Головные боли бывают? Спонтанные вспышки агрессии?

Он был каким-то легким и очень непринужденным, и девушке тоже сделалось легко. Впрочем, она прекрасно понимала, что не воспринимать этого человека всерьез – одна из самых больших ошибок, которые только можно совершить.

– Позавчера утром я хотела придушить свою свекровь, – призналась Дайна. – Не знаю, можно ли это

считать вспышкой агрессии. Но в основном я спокойна и миролюбива.

Александр рассмеялся так, словно Дайна сказала особенно удачную шутку. Принцесса подумала, что он ей нравится. Этот высокий улыбчивый мужчина с добродушным круглым лицом и каштановыми растрепанными волосами, которые никак не желали укладываться в прическу, невольно располагал к себе.

– Нет, вы определенно мне нравитесь, – сообщил Александр и добавил уже серьезнее: – Учитесь прилежно, Дайна. Старайтесь. У меня есть выход на министерство магии. Если все пойдет хорошо, я смогу вас туда провести.

Дайна хотела было спросить, чем ей придется расплатиться за такую доброту, но не стала.

– Это было бы замечательно, – с улыбкой сказала она. – Я буду рада.

Валентин решил, что ему повезло: распределение не дало ему нового подопечного, и он этому обрадовался. У ректора академии и без того хватает работы.

Когда первокурсники и кураторы разошлись, Валентин спустился в ректорат и посвятил два с половиной часа банальной бюрократии: проверил все документы первокурсников, отправил сообщения в инквизицию и получил желтые листки регистрации новых волшебников. Потом принесли банковские выписки и счета, потом приходил Шайло и жаловался на то, что студенты третьего курса устроили пирушку в Звездной башне, потом...

Ректор и сам не заметил, как зазвенели часы – подошло обеденное время. Он набросил на свой письменный стол пелену невидимости, скрывая бумаги от посторонних любопытных глаз, и прошел в другую часть кабинета.

Его величество Леон уже гневно сверкал глазами из дымной тучи. Валентин закрыл за собой дверь, и государь тотчас же приказал тем тоном, после которого не хочется спорить:

– Сними эту дрянь.

Валентин устало вздохнул и провел ладонью по воздуху. Маска рассеялась, серебристые брызги упали на голубой мрамор пола. Леон устало посмотрел на мага, словно никак не мог понять, почему Валентин до сих пор закрывается от него.

С трагедии в лесу прошло десять лет. Пора уже все забыть.

Валентин забыл. Прошлое стало картиной в раме – проходишь мимо, и там, в груди, где, говорят, живет душа, уже ничего не болит.

Он даже смог простить. Но маску так и не снял.

– Как твоя дама? – осведомился Леон.

Валентин пожал плечами. Позволил себе усмехнуться.

Вчера он хотел оставить Дайну у себя. Валентин старался быть честным с собой. Да, она понравилась ему намного больше, чем он мог позволить.

Но маг не хотел погубить эту несчастную девочку. Его любовь никогда не приводила к хорошему – значит, надо от нее отказаться. Взять себя в руки и вести привычную жизнь.

Да и, в конце концов, преподаватели не спят со студентками. Дайна разделила с ним ложе еще до появления в академии и не потому, что тешила его похоть.

Он сделал то, что должен был сделать, вот и все.

– Никак, – ответил Валентин. – Ничего серьезного.

Леон вздохнул.

– Жаль. А то я уже успел за тебя порадоваться.

– Вы здесь из-за этого, ваше величество? – осведомился Валентин с самым невинным видом. – А то я планировал пообедать. И вечером преподавательский совет, надо готовиться.

Леон скривился. Валентин в очередной раз захотел напомнить государю о том, что необходимо воздерживаться от крепких напитков. Так он уйдет с трона раньше, чем планирует.

– Тогда я сегодня же отправляю мой указ в академию, – произнес король. – Надеюсь, ты не выкинешь чего-то... в своем роде, когда придет Эжен.

Валентин подумал, что десять лет назад ему захотелось бы закричать. Но сейчас он лишь улыбнулся. Прошлое умерло. Надо было позаботиться о будущем – и не только своем.

– Ни в коем случае, – сказал Валентин. – Завтра я соберу студенток, и мы начнем.

– Вот и славно, – вздохнул Леон. – И знаешь... Впрочем, нет. Всего доброго.

Грозовые тучи рассеялись, открывая Валентину окно и вид на горы. Первый день осени был солнечным и мягким – у студентов закончились занятия, и сейчас они пообедают и отправятся на прогулку. Что сидеть в комнатах? Успеют еще – скоро осень, зарядят дожди, и на горы ляжет серое покрывало тумана.

С Леоном все было как всегда. Он начинал говорить откровенно – и тотчас же пугался того, что откровенность делает его слабым, и незамедлительно сворачивал разговор. Валентин провел рукой по воздуху, возвращая маску на место, и пошел в столовую.

Обед первого учебного дня был торжественным и изысканным. Крысы расстарались, приготовив и креветок, обертнутых в бекон, и дынное суфле, и рыбу, запеченную в фольге с лимоном и розмарином, и много, много других яств. Глядя на пиршественное изобилие, Валентин подумал, что крысам надо объявить благодарность и выразить ее деньгами.

Он сел за преподавательский стол, обменялся приветствиями с коллегами и, когда крыс поставил перед ним огромную тарелку с мясным рулетом и овощами, поинтересовался:

– Ну как вам первый курс?

– О, у меня просто прелестная девочка! – Госпожа Эмилия довольно рассмеялась. На ее тарелке была лишь куриная грудка, ломтики огурца и несколько перышек зелени – волшебница строго следила за фигурой. – Очень вежливая, очень внимательная, каждое слово ловит. Отзанимались успешно. Из нее выйдет толк, определено.

Хасимин, молодая преподавательница, которая начала работу в академии всего год назад, вздохнула:

– А я не знаю, что делать с моим Петером. Он хотел в военные, что по нему и видно. Все на «раз-два, левой-правой», и доходит примерно так же.

Кристиан, которому достался первый орк в истории академии, выглядел довольным и кратко сказал:

– Отличный боец. Оставлю его на кафедре, если он согласится, конечно.

Валентин бросил взгляд в сторону студентов. Дайна сидела рядом с Гровиром и Аделардом, внимательно слушала Петера, который расположился напротив, и улыбалась так светло и мягко, что Валентину вдруг подумалось: нет, надо было оставить ее у себя. И плевать на все, на все правила и принципы. Неужели обычное человеческое тепло и счастье – это так много?

– А ваша подопечная, Александр? – осведомился Валентин.

Александр, который до этого расправлялся со свиной рулькой уверенными движениями ножа и вилки, широко улыбнулся и произнес:

– Умница! Очень энергичная, трудолюбивая. Если так пойдет и дальше, я проведу ее в министерство магии.

Его лицо обрело мечтательное выражение. Судя по красноречивым взглядам второкурсниц, у которых Александр вел основы предсказаний будущего, молодой преподаватель с удовольствием устраивал и свою, и чужую личную жизнь после занятий.

«Гладко стелет, – мысленно усмехнулся Валентин. – Как бы не пришлось жестко спать».

Он позволил себе еще раз посмотреть на Дайну, которая взялась за креманку с мармеладом, и сказал:

– Четверть часа назад я разговаривал с его величеством Леоном Саалийским. Он приказывает начать отбор невест для своего среднего сына Эжена.

Дамы дружно ахнули. Смуглое личико Хасимин обрело мечтательное выражение, словно она представляла, как примет участие в отборе, победит и станет женой принца.

- Неожиданно, - произнес Кристиан. - Почему вдруг?

- К сожалению, у старшего сына есть проблемы, - ответил Валентин.

Дайна тем временем рассмеялась, став похожей на легкую бабочку. Вот она трепещет над землей и цветами, на мгновение села рядом с Валентином и вновь вспорхнула. Можно сжать ладони, удержать ее - но не нужно.

Пусть живет. Пусть парит. Пусть никогда не умрет на королевской охоте.

- Они с женой так и не смогли зачать ребенка, - продолжил ректор, - так что его величество Леон решил сделать ставку на другого сына. По традициям Саалии королева должна быть волшебницей, это сохраняет саалийский престол и династию незыблемыми, окружая их магическим щитом. Потом она должна родить двоих сыновей... после этого ее магия, как правило, приобретает разрушительный характер, и королева умирает. Так что нам предстоит интересный учебный год.

Преподаватели понимающе кивнули. Хасимин нервно сглотнула. Видимо, ей больше не хотелось участвовать в отборе. Все обернулись к обедающим студентам, словно пытались рассмотреть невидимый знак, который укажет, какая именно из девушек победит в отборе и станет королевой.

- Интересный, - согласился Кристиан. - Дальше некуда.

После обеда первокурсники отправились в большой сад. Погода была такой, что никому не хотелось забиваться в комнаты, а домашних заданий еще не дали. Запасливый Гровир прихватил из столовой блюдо с выпечкой, и, расположившись рядом с Кьярой и Карин на траве под деревьями, Дайна подумала, что совсем недавно ходила на такие же милые пикнички с фрейлинами свекрови.

Интересно, знали они о том, что планирует их госпожа? Видели, как она пишет прошение Святому престолу? Должно быть, видели - и продолжали улыбаться принцессе, представляя, как ее выбросят из дворца.

«Бог с ними, - подумала Дайна. - Теперь у меня есть магия. А она поднимет намного выше, чем любая корона».

Девушка удивленно заметила, что крах семейной жизни уже не причиняет ей боли, как будто год, проведенный с Кендриком, оказался сном, закончился и почти забылся.

- Как вам преподаватели? - спросил Аделард. После обеда он успел переодеться; Петер смотрел на его модный светло-голубой сюртук с откровенной завистью.

- Ой, госпожа Эмилия такая строгая! - призналась Кьяра, придвигая к себе очередной пирожок. - Но очень интересно рассказывает. Смотрите, как я умею!

Она провела пальцем по воздуху, и пирожок поднялся с бумажной тарелки и завис перед лицом Кьяры, словно предлагал укусить, как следует. Петер уважительно кивнул.

- Направление магической энергии, - сказал он. - Мы таким тоже занимались.

Гровир пожал плечами.

- А мы ничего такого не делали.

- Что же вы делали? - осведомился Аделард. По его лицу было понятно, что он подозревал, будто бы оркувен провел время урока за ремонтом какой-то вещи, перемещением парт с этажа на этаж или выносом мусора. Чем еще занять оркувена, не магией же!

- Дрались, - ответил Гровир и потер плечо. - Как он мне дал! Я до самой стены долетел!

Кьяра и Карин хором ахнули. Петер посмотрел уважительно.

- А ты? - взволнованно спросила Дайна.

Гровир смущенно опустил глаза.

- А я дал ему сдачи. Машинально. Причем не кулаком, а как-то... оно само получилось. И он тоже до стены долетел. - Гровир провел ладонями по лицу и добавил: - Стыдно, просто не пережить. Я ударил наставника. Если отец узнает, он меня убьет.

Дайна ободряюще погладила его по плечу.

- Ты же не нарочно это сделал, - сказала она.

Гровир кивнул.

- Да, господин Кристиан так же сказал. И вообще сказал, что я молодец и реакция хорошая. Еще какое-то странное слово было, я не понял. Не на всеобщем языке.

- Это и была направленная магическая энергия, - снисходительно пояснил Аделард. - Ты же...

Он не договорил. Гровир вдруг взлетел в воздух и повис вниз головой. Чья-то невидимая рука схватила его за лодыжку и встряхнула несколько раз. Орк побледнел, замахал руками, пытаясь найти хоть какую-то опору. Из его карманов посыпались мелкие монетки, какие-то шнурки и камешки, алое перышко. От дорожки донесся злорадный смех, и Дайна увидела компанию старшекурсников, которую возглавлял Базиль.

- Ну что? - спросил он, протягивая руку к Гровиру, и орка встряхнуло еще несколько раз. - Нравится?

Бледное лицо Гровира залилось румянцем.

- Прекратите немедленно! - Дайна поднялась с газона и решительно шагнула к Базилю, краем глаза уловив презрительную усмешку Клеры. - Не смейте!

- О, посмотрите-ка! - Брови Базилия поднялись, лицо сложилось в нарочито грубую гримасу. - Принцесса-невредимка пришла мне указывать! Так ты принцесса или орочья шлюха? Я что-то не до конца понял... ай-ай-й!

Базиль вскрикнул и затряс окровавленной рукой - в ту же минуту Гровир рухнул в траву, а Кьяра и Карин тотчас же бросились к нему. Аделард с беспечным видом поймал метательный ножик, убрал его в кожаный чехол на поясе и церемонно сообщил:

- Дорогой мой друг! В следующий раз нападение на моих товарищей будет расценено как нападение на шаннийского принца. Мой отец немедленно введет войска в ваши земли. Откуда вы, кстати, родом? Козлохвостовские выселки? Не важно, впрочем, нашим воинам надо где-то тренироваться. Погоняют свиней и баранов за неимением нормального противника.

Дайна ахнула: она не ожидала от утонченного шаннийца такого острого простонародного языка. В свите Базилия слышались смешки - сам же Базиль мрачно отступил, зажимая порез. Задирать орка было совсем не то же самое, что начинать ссору с шаннийским принцем, и он прекрасно это понимал. Петер, который стоял справа, добавил:

- А я просто прикажу высечь. Холопов всегда секут, это прибавляет им ума. Такая у них натура, ничего не поделаешь.

Клера кивнула и, взяв Базилия за здоровую руку, повела его в замок. Приятели подались за ними, негромко обсуждая наглость первокурсников. Гровир собрал рассыпанные вещи и произнес, глядя на Аделарда с искренним уважением:

- Не думал, что ты такой. Спасибо.

Аделард улыбнулся и, взяв один из пирожков, заметил:

- Нам стоит держаться вместе, господа. Я почему-то чувствую, что скоро нас ждут большие неприятности.

Все удивленно уставились на него. Дайна ощутила, как по спине ползет холодок. Вспомнился обед - в какой-то миг она поняла, что на нее смотрят, обернулась на преподавательский стол и увидела, как Валентин о чем-то рассказывает учителям. И выглядели они встревоженно.

- Почему ты так думаешь? - спросила Дайна.

Аделард пожал плечами.

- Чувствую. Мой куратор хотел меня сначала отправить по боевому направлению, но потом решил, что я провидец. - Он понюхал пирожок и сообщил: - Это было после того, как я сказал, что у него в карманах.

Аделард хотел было добавить еще что-то, но в этот момент над замком запели трубы, и шаннийский принц нахмурился.

- Это королевские вести, - сказал он. - Так трубят, если пришел указ одного из государей. Пойдемте послушаем.

- Что за указ? – испуганно спросила Кьяра, когда вся компания направилась к замку. Аделард пожал плечами и предположил:

- Судя по календарю, отбор невест. Их всегда проводят осенью.

- Или война, – хмуро произнес Гровир.

- Отбор невест! – воскликнули Кьяра и Карин и восторженно захлопали в ладоши.

Дайне подумалось, что девушки еще не пришли в себя от счастья, что стали некрепостными, а вольными, – и вот еще одна возможность.

По телу снова пробежал холодок. Принцесса шла впереди всех и надеялась, что никто не обратит внимания на ее лицо. Ей сделалось жарко, но под этим жаром плавали глыбы льда.

А если это Кендрик объявил отбор невест? Что она будет делать, когда он приедет в замок, начнет ходить по коридорам, разговаривать с девушками – дьявольщина, да даже дышать с ней одним воздухом! Несколько дней назад она любила его и надеялась, что он тоже полюбит...

А что теперь?

Она не знала.

Она боялась узнавать.

Глава 4

Цветы отбора невест

Все студентки академии, которых собрали в большом зале, были взволнованными. Преподаватели, расположившиеся в первом ряду, то и дело оборачивались, призывая девушек к тишине. Стоя возле кафедры и слушая вполуха Шайло, возмущенно рассказывавшего об очередной стычке Базиля с первокурсниками, Валентин видел, что студентки не могут усидеть на месте. Зал наполняли смех, улыбки, искрящиеся взгляды.

Всем хочется победить в отборе невест и стать женой принца. Не родилась еще такая девушка, которая не хотела бы носить корону. Вот они – и дворянки, и крестьянки – все говорят, обсуждая отбор, всем интересно, какой именно государь объявил отбор невест для сына, все так и рвутся участвовать и побеждать.

Большой зал был похож на шумное море.

Валентин заметил, как Клера о чем-то говорит приятельницам, то и дело глядя в сторону Дайны. Должно быть, предполагают, что отбор невест объявлен для принца Кендрика. Почему бы и нет, в конце концов? Одну жену прогнал, надо найти вторую. Ректор вспомнил, что год назад Дайна стала женой принца без отбора, и это было правильным, с точки зрения его высочества.

Следовало брать беспомощную, зависимую, такую, за которую никто не заступится, когда придет время выбросить ее из жизни. А если в отборе победит, допустим, какая-нибудь принцесса Вельских земель, то с ее почтенного родителя и братьев станется и поколотить принца, если он откажется идти к супруге в первую брачную ночь, и дверь за ним запереть, чтобы не сбежал.

Еще и мать с сестрами поставят у ложа, чтобы наверняка убедились.

И такую принцессу уже не выгонишь из дворца. Скорее, тебя самого выгонят, а его величество тесть еще и пинков надает для пущей скорости.

Дайна сидела рядом со светловолосыми селянками-первокурсницами, сосредоточенно рассматривала платочек, который держала в руках. Спина была выпрямлена, как натянутая струнка. В отличие от своих однокурсниц, которые так и ерзали на скамьях, она не была ни веселой, ни возбужденной: в ней чувствовался страх. Валентин невольно залюбовался девушкой. Вот так смотреть бы на нее всегда – и чтобы никто больше не смотрел.

Он вновь осадил себя. Дайна может победить в отборе невест, тогда она выйдет замуж за Эжена. Надо дать ей еще два раза напиток, который усилит заклинания прикрытия от инквизиции, и можно будет выкинуть из головы и чувства, и мечты.

Да если и не отбор! Она может встречаться, с кем захочет, хотя бы с шаннийским красавчиком. Тоже принц, между прочим. Девятнадцать лет – как раз тот возраст, когда хочется любить и еще верится в то, что любовь будет вечной.

– Что ж, тогда усилим его наказание, – сказал Валентин, и Шайло энергично закивал. – Пусть помимо уборки коридоров займется туалетом на втором этаже. И кстати, выпишите кухонным крысам премию за сегодняшний обед.

Шайло довольно кивнул, поклонился и пошел к выходу. Валентин еще раз заглянул в свиток, который прислал Леон через магическую почту, и вышел к маленькой кафедре.

Зал тотчас же захлебнулся тишиной. Дайна неотрывно смотрела на свиток, и теперь, оказавшись ближе, Валентин заметил, что она дрожит от страха.

– Итак, уважаемые студентки, – произнес ректор, и тишина стала еще глубже, словно сгустилась. Кажется, девушки перестали дышать в предвкушении чуда. – Я рад сообщить вам, что его величество Леон Саалийский и Мизеанский и прочая, и прочая, объявляет отбор невест для своего среднего сына Эжена.

Дайна вздохнула и прикрыла глаза. Не Кендрик. Ей сразу же стало легче. Валентин это увидел и невольно обрадовался, что маска закрывает его лицо, он может смотреть на Дайну и никто этого не заметит. И можно скользить взглядом по ее лицу и твердить себе, что Дайна всего лишь студентка, а не девушка, которая совсем недавно закусывала губу, чтобы не закричать от наслаждения в его руках. Дайна сделала свой выбор, и Валентин знал, что она не пожалела об этом.

Вот и хорошо. И незачем больше забивать этим голову.

– Будущая королева обязательно должна быть волшебницей, – продолжал ректор, решив умолчать о такой мелочи, как смерть после рождения второго сына. Этого умудрялись избегать – нынешняя

саалийская государыня использовала магию, родила трех дочек после первенца, и только потом на свет появился Эжен. – По традиции Саалии это защищает правящую династию, страну и народ. Его высочество Эжен прибудет в академию в самое ближайшее время. К тому моменту уже станет ясно, кто пройдет первый этап отбора. Принц умен, хорош собой, прекрасно воспитан и благороден – как и полагается принцу.

Девушки восхищенно ахнули, уже представляя себя в объятиях завидного жениха. Селянки-первокурсницы залились румянцем. Это был бы для них просто восхитительный прыжок из грязи в князи. Месяц назад они сгребали сено на поле и доили коров, а еще через месяц одна из них может стать принцессой и будущей королевой.

В зал вбежало множество крыс в торжественных белых сюртучках. В лапках они держали цветочные горшки, наполненные землей, и бархатные мешочки. Некоторое время в зале царил веселая суета: девушки рассматривали горшки, на пузатых боках которых проявлялись их имена, написанные золотом, и пытались развязать тесемки мешочков.

Дайна задумчиво смотрела на горшок – она уже поняла, что нужно сделать, и Валентин видел, что ей не хочется. Вся ее душа протестовала и возмущалась.

Интересно, почему бы? Не хочет замуж за Эжена Саалийского? Сомневается в том, что он порядочный человек, или в ней еще теплятся какие-то чувства к бывшему мужу?

Скоро Эжен будет в академии, и принцесса без короны обязательно в него влюбится. Все девушки влюбляются в принцев, так уж заведено. И Дайна вполне способна дойти до конца отбора и победить. Эта мысль казалась Валентину ланцетом хирурга: она причиняла боль, но была целительной.

Пусть влюбится. Не в принца, так в кого-то другого. Пусть держит своего избранника за руку, пусть целуется с ним в дальних уголках замка и со смехом убегает от бранящегося Шайло.

– Развяжите ваши мешочки, – приказал Валентин. – В каждом из них есть зерно провозвестника. Это растение издавна использовалось в предсказательной магии, а сейчас оно поработает на вас.

Снова возня – девушки развязывали мешочки, вытряхивали на ладонь зерна, темно-красные, ребристые, похожие на наконечник стрелы. Зерна шевелились, в них пульсировала жизнь, готовилась вырваться.

– Все вынули зерна? – спросил Валентин. Девушки закивали, многие подняли руки с зерном, зажатым в пальцах. Дайна сидела неподвижно, словно необходимость участия в отборе причиняла ей боль и она старалась не двигаться лишний раз. – Теперь осторожно погрузите их в землю, носиком вниз.

Девушки послушно принялись закапывать зерна. Первокурсницы, которые сидели рядом с Дайной, о чем-то спросили ее – она натянуто улыбнулась, негромко ответила. Среди веселых и восторженных девушек, уже предвкушающих победу, она казалась вороной среди куриц – Валентин не знал, откуда взялось именно такое сравнение.

– Завтра вечером часть зерен уже прорастет, – произнес Валентин. – И тогда мы придем сюда и осмотрим ваши горшки. Те девушки, чьи зерна дадут побеги, пройдут на отбор невест.

Кто-то из студенток разочарованно вздохнул. Валентин отчетливо услышал:

– Нет, не с моим счастьем!

– Вы не знаете, где ваше счастье, Клера, – заметил он. – Возможно, как раз сегодня оно будет мыть пол преподавательского зала.

Девушки рассмеялись. Ни для кого из старшекурсниц не было секретом, что Клера пытается понравиться Базилу и поэтому постоянно находится рядом с ним и поддерживает во всех его гадких выходках. Клера залилась румянцем и поджала губы.

– Что ж, если все посадили зерна, то тогда оставляйте ваши горшки до завтра! – улыбнулся Валентин. Нет, все-таки девушки были очень трогательными. Им хотелось любить и быть любимыми, им хотелось счастья. – И я искренне желаю удачи каждой из вас!

Они не знали, глупышки, к чему иногда может привести любовь. Они надеялись, что с ними не случится ничего плохого, и ни одна из них никогда не будет лежать в облетевшем осеннем лесу, застреленная на королевской охоте. Валентин сложил послание его величества Леона и вспомнил, как король сказал, что рад за него.

«Ничего ты не знаешь, Леон Саалийский», – подумал Валентин и двинулся к выходу из зала.

Дайна вышла из своей комнаты, когда большие часы на одной из башен пробили час ночи.

Академия спала. Спали преподаватели и студенты, спали крысы, свернувшись в своих каморках, спали все – Дайна вышла в коридор и рухнула в такую тьму, что на мгновение ей показалось, будто она ослепла. На ощупь, ведя ладонью по стене, девушка направилась вперед, в сторону лестницы, и в коридоре сделалось светлее.

Маленький колибри пролетел над Дайной, энергично работая золотыми крылышками и рассыпая свет.

– Кыш! – прошептала Дайна. – Кыш, уйди!

Не хватало еще, чтобы ее заметили! Колибри никак не отреагировал на возмущенное восклицание принцессы, и она решила, что это все-таки к лучшему. Так она хотя бы видит, куда идет, а если ее обнаружат, то всегда можно сказать, что она ходит во сне.

Дайна бесшумно спустилась по лестнице. Колибри летел перед ней, освещая дорогу, и с его длинного хвостика сыпалась сверкающая пыльца, которая пахла клубникой. Один коридор, второй, снова лестница... На какое-то мгновение девушке сделалось страшно. В замке наверняка живут чудовища, и они выползают как раз по ночам, охотятся на таких вот студентов, которым не спится спокойно в своих кроватях. Недаром же здесь на стенах начертаны обережные знаки.

Дайна усмехнулась. Мир был богат на чудеса, но самыми злыми и гадкими в нем все-таки были люди. Что взять с дракона? Такова его природа – жрать и охотиться. А люди были намного хуже чудовищ – принцесса успела убедиться в этом.

В темном углу возле одного из кабинетов что-то шевельнулось. Дайна вскрикнула и бегом спустилась по лестнице, желая обернуться и боясь это сделать. Нет, здесь, конечно, нет никаких чудовищ: ректор не допустит, чтобы по коридорам его академии бродили монстры и закусывали студентами.

Вот и большой зал. На мгновение Дайна испугалась, что двери закрыты, но нет – зал был открыт. Должно быть, никто и предположить не мог, что какая-нибудь студентка придет сюда, чтобы покопаться в горшке с зерном провозвестника.

Все девушки хотят выйти замуж за принца. Нет на свете такой дурочки, которая откажется от брака с его высочеством. Дайна помнила портреты Эжена Саалийского – молодой светловолосый красавец с волевым скуластым лицом, темными глазами и глубоким таинственным взглядом, он не мог не нравиться. Скоро принц придет в академию, и все девушки влюбятся в него.

Дайна вошла в зал, и колибри остался за дверями.

Здесь можно было видеть без его помощи: в высокие окна заглядывала луна, по полу тянулись длинные полотнища тени и света, и на мгновение Дайна показалась себе шахматной фигуркой, которая движется по доске. В сонной тишине ее осторожные шаги казались слишком громкими. На цыпочках Дайна добралась до первого ряда – при ее появлении золотые буквы на цветочном горшке налились теплым сиянием.

Зерно еще не проросло. Дайна вздохнула с облегчением. Дело было за малым: вытащить это зерно из горшка, а потом выбросить его где-нибудь. Да хоть в канализацию замка! Все будут думать, что оно просто не проросло, и Дайна не примет участия в отборе невест. Никто и не подумает расковырять землю в ее горшке и узнать, что зерно выброшено.

Она вздохнула и запустила пальцы в рыхлую теплую почву. Да где же это дурацкое зерно? Вроде бы было таким большим, а теперь его не найти. Может, кто-то из девиц из свиты Базиля уже успел забрать его? Думали, что устраивают Дайне гадость, а сами помогли.

В тот миг, когда она наконец-то нашарила зерно, над правым плечом прозвучало мягкое:

– Не хотите замуж за моего брата?

Дайна взвизгнула, шарахнулась в сторону, едва не выронив горшок. Обернулась – Валентин стоял сзади и был еще одной тенью во тьме. Длинные белые волосы мягко лежали на плечах, маска едва заметно серебрилась в лунном свете.

– Вы?.. – выдохнула Дайна.

– Я, – ответил Валентин. – Решили забрать свое зерно?

Дайна поставила горшок на место, чувствуя, как немеют ноги. Сжала и разжала кулаки – ладони

предательски вспотели.

– Принц Эжен ваш брат? – прошептала Дайна. Значит, Валентин тоже из саалийской правящей династии?

Валентин кивнул.

– Да. Я младший ребенок в семье.

Да, Валентин тоже принц. Его высочество. Сын Леона Саалийского, который прячет лицо под маской.

– Это так неожиданно, – призналась Дайна.

Из-под скорлупы маски послышалась усмешка.

– Это что-то меняет? – спросил Валентин.

Дайна пожала плечами. С каждой минутой ей все сильнее казалось, что она спит. Ночь, лунный свет в высоких окнах, они с Валентином...

– Однажды и вы объявите отбор невест, – промолвила Дайна. – Как принц правящей династии.

Валентин пожал плечами. Взял горшок Дайны, осторожно покачал в ладонях и сообщил:

– Скоро прорастет. Вы прошли первый этап отбора, Дайна.

– Это и была бы ваша просьба? – спросила девушка. Сверкающие буквы ее имени на боку горшка вспыхнули и погасли. Валентин кивнул, и Дайна подумала, что сейчас больше всего хочет прикоснуться к нему. Просто дотронуться – и понять, что та ночь не была сном или наваждением.

Она сжала влажную ладонь в кулак. Разжала.

– Да, – кивнул Валентин.

– Что ж, тогда я сделала правильный выбор, когда разделила с вами ложе, – сказала Дайна. Она, разумеется, не видела лица ректора под маской, но ей показалось, что он вопросительно поднял бровь.

– Даже так? Чем же вам не угодил мой брат? Уверяю вас, он просто средоточие прекрасных качеств. Благороден, добр и щедр, хорошо воспитан. Самый настоящий принц из сказки.

Дайне вдруг захотелось взять Валентина за мантию и встряхнуть как следует, чтобы он больше ничего не говорил, особенно не нахваливал своего брата.

Неужели он не понимает? Не чувствует?

– Я не отрицаю, что ваш брат полон достоинств, – сказала она холодно. – И та, которая пройдет отбор, станет счастливой невестой и не менее счастливой женой. Но я хочу выйти замуж за того, кого полюблю. Навязанный брак без любви у меня уже был.

Валентин вздохнул. Вернул горшок на место.

– И все-таки примите участие в отборе, – произнес он. – Считайте это моей личной просьбой. Просьбой человека, который укрыл вас от Проявления Мировой нити. И который спрятал вас от инквизиции. Рискую, между прочим, очень многим.

К щекам прилил жар. Дайне еще сильнее захотелось дотронуться до руки Валентина, которую лунный свет выхватил из мрака. Просто прикоснуться. Неужели это так много?

«Господи, – в очередной раз подумала Дайна, – не дай мне влюбиться в него. – И тотчас же ответила себе: – Я все-таки влюбилась».

В груди жгло. Бархатная тьма ночи обнимала за плечи. Валентин был совсем рядом – и девушка знала, что в эту минуту он в смятении, как и она. Она внезапно почувствовала это всей душой, всем телом.

Что-то случилось в ту ночь, которую они провели в гостинице. Что-то намного большее, чем порывы плоти, – оно властно соединило их друг с другом, слепило в единое целое.

– Я благодарна вам за все, сделанное вами, – прошептала Дайна, понимая, что сейчас разорвет и разрушит все, что могло бы случиться. – Хорошо, я приму участие в отборе. Но мое согласие не обязывает меня стараться победить. Я буду самой плохой участницей за всю историю отборов

невест, могу вам это гарантировать.

Валентин рассмеялся и взял ее за руку.

Сердце Дайны оборвалось и рухнуло в лунный мрак. Прикосновение теплых сухих пальцев пробрало ее морозом, а потом бросило в жар, заставив все волосы на теле подняться дыбом. Дайна стояла – окаменевшая, неподвижная – и чувствовала, что уже не сможет дышать.

«Я влюбилась, – только и смогла она подумать. – Я все-таки в него влюбилась».

А пальцы Валентина мягко скользнули по ее ладони, погладили кисть, исследуя каждую косточку, словно сейчас мрак скрыл все и разрешил убедиться в том, что она, эта растерянная девушка, – настоящая. Живая и теплая, до которой можно дотронуться, которую можно любить.

«Нет! – кричало что-то в душе Дайны, захлебываясь от отчаяния. – Нет! Нет!»

И ему откликалось спокойное и уверенное чувство, которое шло из самой глубины сердца и говорило: «Да».

– Пойдемте отсюда, ваше высочество, – негромко произнес Валентин, и чары окончательно развеялись.

Дайна не запомнила, как они вышли из большого зала, как поднимались по лестницам и шли по коридорам. По краю памяти лишь мелькнул портрет, висевший на стене: человек, изображенный на нем, был бы самым обычным джентльменом – темный сюртук, ордена, голубая лента через плечо – если бы не две одинаковых лысых головы. Дайна опомнилась, когда они оказались возле ее комнаты, и Валентин со вздохом выпустил ее руку.

– Отдыхайте, Дайна, завтра у вас много занятий, – произнес он. – И на будущее: не гуляйте по коридорам академии ночью. Это может быть опасным.

– Неужели? – удивилась Дайна.

Валентин толкнул дверь, и девушка увидела свою комнатку, озаренную мягким светом оставленной лампы.

– Да. Двуглавец иногда вылезает из портрета, не сидится ему на месте после смерти, – ответил ректор. – Рештицы иногда пробираются с гор, шастают по коридорам. Крысы их гоняют, конечно, но не всегда. Так что закрывайте дверь крепче и спите сладко. Доброй ночи, Дайна.

– Доброй ночи, милорд, – прошептала девушка, и Валентин растворился во тьме коридора. Какое-то время она слышала его шаги, потом они стихли.

«Рештицы шастают по коридорам», – подумала Дайна, нырнула в комнату и, закрыв дверь, привалилась к ней спиной.

В ней все звенело. Все рвалось на свободу, все хотело кричать и плакать.

– Господи... – выдохнула Дайна и больше не смогла сказать ни слова.

Принц Эжен прибыл в академию после обеда. Встречая брата, Валентин заметил, что тот приехал налегке, с малой свитой и без лишнего шума и излишеств вроде белых саалийских слонов, которые перевозят багаж. Девушки, рассматривающие принца в окна, щебетали, как птички, смеялись, кокетничали, отчаянно строили глазки.

Дайны среди них не было. Похоже, она собиралась сдержать слово и стать самой непокорной и упрямой участницей за всю историю отборов невест. Валентин невольно обрадовался, не увидев ее.

Так легче дышалось.

Эжен спрыгнул с коня, почти бегом бросился к брату – Валентин заметил, что за те несколько лет, что они не виделись, он совсем не изменился. Та же белозубая улыбка на загорелом лице, длинные белые волосы, заплетенные все так же по-походному – на мгновение Валентину показалось, что он скользнул в прошлое, в котором не было ни боли, ни горя, ни масок.

Сердце сжалось от тоски и любви.

– Ну, здравствуй! – воскликнул Эжен и обнял Валентина так крепко, как обнимал в старые времена, когда ловил младшего брата среди смородиновых кустов королевского огорода и кричал: «Я дракон! Вот я тебя съем!» А потом они бежали к прудам, купались до посинения и, валяясь на песке,

мечтали о том, как будут жить, когда вырастут.

Дьявольщина, за эти годы он совсем забыл, что значит быть кому-то братом. Что значит любить.

– Ты потолстел, – с улыбкой заметил Валентин. Эжен тоже улыбнулся, махнул рукой.

– Хорошо ем! Отец выписал нового повара из Дольского эмирата, тот так готовит долму, что душу за нее продашь.

Он всегда был таким – веселым, беспечным, добрым. Дайне очень повезет с мужем. Сейчас Валентин подумал, что победительницей отбора станет именно она. И принц Кендрик с мамашей сгрызут себе локти от досады и зависти.

А он... со временем обо всем забудет. В конце концов, он поступал так только потому, что этого требовал долг. Потому что это было нужным не для него, но для многих других.

Вот и закончим на этом. Так будет правильно.

– Как все устроим? – спросил Валентин, направляясь вместе с братом к главному входу в замок. – Отдохнешь с дороги или сразу пойдем в зал?

– Я не устал. – Эжен снова улыбнулся. – Да и зачем заставлять девушек ждать?

Валентин кивнул, и они направились в большой зал. Над башнями затрубили трубы, собирая студентов.

Валентин никогда не видел, чтобы большой зал так быстро заполнялся народом. Девушки, разодетые в пух и прах, вбегали так, что едва не сбивали с ног преподавателей. Госпожа Эмилия, которая по случаю приезда принца принарядилась в светлое платье с золотой отделкой, недовольно смотрела на девиц. Валентин даже услышал, как она говорит Хасимин:

– Нет, ну это полное отсутствие воспитания. Так бегать!

Хасимин лишь вздыхала и качала головой. Весь ее вид говорил о том, что если бы она могла принять участие в отборе невест, то еще не так бы побежала.

Дайна вошла последней. Стоя рядом с Эженом, Валентин позволил себе посмотреть на нее – один раз. В десяти горшках уже красовались ярко-зеленые ростки провозвестника. Один из ростков был увенчан тяжелым тугим бутонем; буквы не горели золотом на боках, но Валентин понимал, чей это горшок.

Девушки пожирали принца глазами. Казалось, что над собравшимися в большом зале вот-вот засверкают молнии. Студенты заглядывали в двери, энергично делали ставки, кому из девушек повезет пройти первый этап отбора. Мелькнул сюртучок Шайло – крыс отчаянно пищал о том, что азартные игры строго-настрого запрещены на территории академии.

На него никто не обращал внимания – шуршали купюры, звенели монеты.

– Ну что ж, – негромко сказал Валентин, посмотрев на брата, – начинаем?

Эжен кивнул, улыбнулся девушкам – сразу всем. По залу пронесся томный вздох. Эжен всегда обладал искусством нравиться всем, вроде бы ничего для этого не делая, и порой Валентину это казалось настоящим волшебством. Ректор вышел к кафедре и поднял руку, призывая к тишине.

– Уважаемые студентки! – произнес он. – Позвольте представить вам его высочество Эжена Саалийского!

Зал утонул в аплодисментах и восторженных возгласах. Эжен поклонился девушкам, и Валентин заметил, что брат смущен. Да, он был принцем, но никогда не кичился и не зазнавался. Он понравится Дайне, когда она узнает его поближе.

– Вы уже заметили, что мы отделили те горшки, в которых проросли зерна провозвестника, – продолжал Валентин. – Сейчас его высочество будет брать горшки и называть имена девушек, прошедших первый этап отбора. Девушек прошу выйти после этого сюда.

Эжен снова лучезарно улыбнулся, и Валентин подумал, что он все воспринимает как игру – сложную, серьезную, но все-таки игру. Валентин указал ему на горшки, Эжен подошел к ним, взял первый, и на боку горшка стало наливаться золотое свечение букв.

– Карин Шу! – звонко прочитал Эжен.

Карин, которая сидела вместе с Дайной в первом ряду, издала томный вздох и лишилась чувств,

рухнув на руки сестре. Рядом с ней тотчас же захлопотали соседки, и вскоре Карин поднялась и вышла к Эжену, едва держась на ногах от восторга.

Кьяра плакала от счастья. Валентин прочел по губам, что она шептала: «Господи, как же нам повезло-то, теперь родителей выкупим, дом поправим...» Эжен мягко пожал руку Карин и доброжелательно произнес:

– Здравствуйте, Карин! Я очень рад с вами познакомиться.

– Я тоже рада, ваше высочество... – пролепетала девушка, и ее снова качнуло. Неудивительно – совсем недавно они с сестрой выпрыгнули из рабского состояния, а теперь она получила шансы стать королевой Саалии.

Будешь тут в обмороке.

Эжен взял второй горшок и назвал имя Клеры ван Хутен. Та решительно поднялась со стула и пошла к принцу, нервно сжимая и разжимая кулаки – Дайна делала так ночью. Среди парней, которые толпились зрителями в дверях, послышался шум – похоже, Базиль понял, кого потерял.

В отличие от Карин, которая трепетала от страха и восторга, Клера старалась держаться со спокойным достоинством: она пожала руку принца, улыбнулась и встала рядом с Карин, холодно глядя на конкурентку. Конечно, бывшая крепостная не ровня дворянке, только жаль, что Клера до сих пор не поняла – магия уравнивает всех.

Впрочем, это мало кто понимает по-настоящему.

Третий горшок – и Эжен прочел:

– Дайна Девлет!

Что-то кольнуло Валентина в грудь. Дайна встала и пошла к принцу – холодная, спокойная, как и полагается девушке из древнего благородного рода, но Валентин чувствовал, как все в ней сейчас звенит от напряжения.

– Здравствуйте, Дайна! Я искренне рад с вами познакомиться. – Эжен улыбнулся ей совсем не так, как улыбался остальным: девушка ему действительно понравилась. Валентин это видел – и обрадовался сквозь подступившую горечь.

Эжен с Дайной полюбят друг друга. Дайна пройдет отбор, выйдет замуж и однажды станет саалийской королевой. Эта мысль язвила и жгла.

На какой-то момент Валентин подумал: «Да наплевать на правила академии! Надо всего лишь протянуть руку, сделать эту девушку своей и любить ее – и пусть все блюстители нравственности идут к дьяволу в нору».

Но он почти сразу же осадил себя.

– Здравствуйте, ваше высочество, – произнесла Дайна с холодной дворцовой любезностью. Должно быть, подслушала такие нотки у своей свекрови. – Я тоже рада.

Левая бровь Эжена едва заметно дрогнула: он не понял, что произошло и откуда взялась такая стужа. Дайна встала рядом с Карин, держась нарочито спокойно.

За этим спокойствием ревел огонь.

«Странно, – подумал Валентин. – Все сейчас очарованы Эженом, да и он неплохой человек, достойный, солидный. Почему бы не полюбить его?»

Или она уже влюблена?

Валентин вздохнул и протянул Эжену очередной горшок.

– Боже мой, принц... Я же стояла рядом с ним, вот как с тобой сейчас! Боже мой, мне такое и во сне бы не приснилось!

После того как все девушки, которые прошли на отбор невест, были названы, а волнение вскипело чуть ли не до самых верхушек башен, все студенты и студентки дружно решили отправиться в столовую.

– У нас говорят, что невозможно одновременно есть и волноваться, – сообщил Гровир, когда одна из

крыс принесла ему целый поднос бараньих ребрышек с розмарином. – Поэтому мы всегда держим при себе полоску-другую вяленой говядины. Мало ли что может случиться?

Карин мечтательно вздохнула и повторила:

– Принц, боже мой... Вот совсем рядом с ним стояла! И он взял меня за руку! Меня! За руку! Родители от счастья с ума сойдут!

Клера, которая сидела чуть поодаль, выразительно завела глаза к потолку.

– Мы все там были, если ты не заметила, – сказала она.

Карин выразительно посмотрела на нее и, подперев ладонью щеку, мечтательно промолвила:

– Родителей выкупим. Дом поправим. Барину, ну, то есть, вашему батюшке, господин Петер, красивых лошадей купим. Вороных, длинногривых, как он хотел. Дюжину! Он барин добрый, сразу же нам вольную дал, как магия проснулась.

Дайна нахмурилась.

– А что, мог бы не дать? – поинтересовалась она.

– Мог бы плетей дать, – сообщила Кьяра. – А он нас в академию отправлял, как родных дочек. На свои деньги собрал все, что нужно.

Клера снова завела глаза и ковырнула дынное пирожное. Гровир уважительно заметил:

– Достойное поведение. Но как бы он мог дать вам плетей? Вы бы дали ему сдачи с вашей магией. То-то он полетел бы вместе с плетями!

Карин махнула рукой.

– Магия в нас тогда слабая была. Никакой сдачи мы бы не дали. Вон в соседней деревне у конюха тоже магия проснулась. Так там барин очень строгий, сказал, что мигом ее обратно оглоблей запихает, если хоть краем глаза волшебю увидит. Ему, мол, людей терять не хочется, люди денег стоят. А у конюха семья да детей восемь штук. Вот и думай про сдачу. Тут будешь тихо сидеть и носа не показывать.

Гровир пожал плечами.

– Странные обычаи. У нас так не принято. Благородный муж никогда не будет обращаться подобным образом с ближними.

Петер удивленно поднял бровь.

– Разве оркувены не берут рабов в набегах? – спросил он.

– Берут, – беспечно ответил Гровир. – Но это не рабы. Это младшие люди клана. Клан заботится о них, лечит, защищает. Учат всеобщему языку и *оркувен яриа* тех, кто неграмотен. Захотят жениться или пойти замуж – пожалуйста. Им дадут юрту и дюжину баранов. Их дети будут считаться оркувенами, новой кровью клана, Застепье будет расти и крепнуть вместе с ними. Конечно, они много работают. Но в Застепье нет бездельников. У нас даже княжеские дети трудятся на кухне и пасут стада.

Карин снова мечтательно вздохнула:

– Боже мой, принц... Дайна, а ты? Ты что-то грустная.

Дайна, которая до этого молча сидела рядом с Аделардом, подняла глаза от куриного филе с помидорами и, выдавив из себя улыбку, сказала:

– Нет-нет, все в порядке. Нам всем очень повезло, и я задумалась над тем, какими будут испытания.

– В Шанно, – с важным видом произнес Аделард, подцепив на вилку маринованный грибок, – на отборе невест есть лишь одно испытание – страстью.

Над столом воцарилась тишина. Все удивленно смотрели на Аделарда, не зная, как отреагировать. Клера ожила первой.

– То есть принц разделяет ложе с участницами и выбирает ту, которая лучше кувыркается? – озадаченно поинтересовалась она.

– Да! – беспечно заявил Аделард. – Это гарантирует верность в браке. Кто пойдет искать другую,

когда ему хорошо с законной женой? Так и династия крепче, и в государстве порядок.

– Это шлюшество какое-то, – с крестьянской прямоотой заявила Кьяра.

Аделард лишь пожал плечами.

– Тебе не понять, дорогая, – заметил он с прежней беспечностью.

Дайна хотела было добавить, что при дворе ее мужа и свекрови супружеские измены вообще не считались сколь-нибудь значимой проблемой, но в это время в столовую практически вбежал встревоженный Шайло.

– Ваше высочество, извольте выйти во двор, – сказал он, подойдя к Дайне, и, обернувшись к Гровиру, добавил: – Вы тоже.

Принцесса вышла из-за стола, а орк хмуро поинтересовался:

– Что случилось?

Шайло сокрушенно покачал головой и очень выразительно сообщил:

– Там *ваши*.

Дайна и Гровир почти бегом спустились по лестнице, и, увидев, что творилось во дворе, девушка удивленно ахнула. Здесь было три повозки из Абсалона – крысы торопливо разгружали сундуки и сундучки с гербом королевского дома, и Дайна увидела, что из одного из них выглядывает краешек ее любимого кремового платья, которое осталось в шкафу во дворце Кендрика. Вот стопки книг, аккуратно перевязанные бечевкой – Дайна покупала их, собирая собственную библиотеку. Вот большое зеркало в тяжелой узорной раме – оно показывало болезни, его подарил на свадьбу один из герцогов Малой Вольты.

Это же все ее вещи! Но как они сюда попали?

– Мин терлид дайчинд! – восторженно воскликнул Гровир на оркувенском. – Их хээрийн алтан баатрууд!

И только тогда Дайна увидела троих оркувенов. Высокие, в алых халатах, сидевшие на вороных лошадках, они казались нарисованными сказочными воинами, которые вдруг выпрыгнули с книжных страниц. За ними была еще одна повозка: маленькая, наполненная какими-то мешками и мешочками.

– Пойдем! – с прежним восторгом произнес Гровир и взял Дайну за руку. – Это Золотые богатыри Застепья! Кровные воины моего отца!

Дайна послушно направилась к всадникам. Воины спешили, поклонились и один из них, высокий, круглолицый и светловолосый, произнес на всеобщем языке с легким акцентом:

– Приветствую тебя, Гровир, младшая кровь клана Бхаур! Твой отец радуется твоему спасению и новой дочери своей крови. – Затем воин обернулся к Дайне и с прежним почтением произнес: – Приветствую тебя, принцесса Дайна, сестра нашей крови! Князь Шуран благодарит тебя за спасение его сына.

В следующий миг орки дружно опустились на колени и склонили головы: Принцесса обернулась и увидела Валентина. Ректор подошел ближе, и Дайне показалось, что он доброжелательно улыбается под маской. Она не видела эту улыбку, но ей стало теплее.

– Не стоит гостям топтаться на пороге, – сказал Валентин. – Проходите в замок, отдохните с дороги и разделите с нами трапезу.

Оркувенов провели в один из малых залов, где крысы проворно накрыли ужин. Дайна сидела напротив Валентина и понимала: никогда раньше она не была настолько растерянной. Иногда в прорезях маски сверкал острый веселый взгляд, и тогда у девушки что-то со звоном обрывалось внутри.

– Я не вдавался в подробности, – негромко сказал Гровир ей на ухо. – Никто не знает, как именно все произошло.

Дайна кивнула. Не хватало еще, чтобы все Застепье узнало о некромантке, тогда проблем не оберешься.

Светловолосого воина звали Ганзураг, он единственный из приехавших оркувенов знал всеобщий язык.

– Князь Шуран получил письмо от сына с рассказом о его чудесном спасении от бурханлиг кхуузар. – «Божественной нити», негромким шепотом перевел Гровир. – Князь благодарит вас, о мудрейший, и посылает вам малый знак своей признательности: двух вороных коней, книги наших мудрецов со времен князя Таймура и степные самоцветы для ваших магических изысканий.

Валентин кивнул. Дайне снова показалось, что он улыбается. Если бы можно было снять эту маску, прикоснуться к его улыбке, увидеть его настоящим...

Но нет. Она будет участницей отбора, и принц Эжен уже смотрит на нее, как Клера на дынное пирожное – этого нельзя было не заметить. Хорошо, что их не будут испытывать страстью. Хотя как знать! Условия следующего этапа еще не объявлены.

– Передайте князю Шурану, что я очень признателен за подарок, – ответил Валентин. – А вещи ее высочества Дайны как сюда попали? Это вы их привезли?

– Узнав о том, как владыки Абсолон поступили с дочерью его крови, князь Шуран рассердился, – ответил Ганзураг с легким поклоном в сторону Дайны. – Он немедленно отправил сокола в Абсолон и потребовал вернуть принцессе Дайне ее приданое, все вещи и подарки. Иначе, сказал князь, он приедет из Застепья с пятью летучими отрядами и сделает это сам. Спасая его сына, принцесса Дайна стала оркувен-ани, благородной княжной нашего клана. Князь не потерпел бы такого оскорбления.

– Мой бывший муж все понял правильно, – промолвила Дайна. – Передайте князю Шурану, что я благодарна ему за помощь и защиту. Я рада, что у меня теперь есть близкие люди и дом.

Гровир посмотрел на нее с уважением и благодарностью. Принцесса не была сильна в политике и не очень понимала взаимодействие множества сил, которые влияли на политические процессы и толкали государства друг к другу то с войной, то с миром. Но она знала, что оркувены никогда не упускают своего и собирают в Застепье всех, кто может быть важен для них сейчас или потом.

Да, принцесса-побирушка из прежней династии не имела никакого веса ни в каких раскладах. Но после отбора невест она стала бы женой саалийского принца – и это могло бы объединить Саалию и Застепье.

Дайна и сама не знала, почему вдруг подумала о своей возможной победе как о свершившемся факте.

Ганзураг открыл притороченную к поясу сумку и, вынув светло-желтый свиток, с поклоном протянул его Дайне. Она приняла его, развернула и беспомощно посмотрела на Гровира – изящные завитки оркувен яриа, орочьего наречия, были для нее лишь закорючками.

– Отец благодарит тебя за мое спасение, – важно перевел Гровир. – Он счастлив, что теперь ты дочь его крови. Он дарит новой оркувен-ани большую белую юрту с полной обстановкой, табун лошадей и достаточно золота для нового приданого, когда ты пожелаешь выйти замуж.

Кажется, впервые в жизни Дайна поняла, что такое смешанные чувства. Ей одновременно хотелось засмеяться от неловкости и расплакаться от того, насколько тепло и бесхитростно было написано письмо. Действительно по-родственному, словно Дайна наконец-то обрела семью, которой у нее никогда не было.

Она с какой-то беспомощностью взглянула на Валентина – тот смотрел тепло и ободряюще.

– Также он дарит тебе летучий отряд, – продолжал Гровир. – Если случится беда, то пошли сокола, и воины прибудут на твою защиту в течение суток. Сокола он тоже дарит. А еще, – тут на щеках Гровира появился румянец, – отец советует нам обоим хорошо учиться, чтобы мы стали славой и гордостью Застепья. И ждет в гости.

Некоторое время все молчали. Дайна думала о том, что теперь у нее есть дом. Что бы ни случилось, она может поехать в свою белую юрту и жить там. «Дом, – подумала она. – Мой собственный дом».

– Поблагодари отца моей крови, – с достоинством сказала Дайна, и Гровир важно выпрямился в кресле: ему очень нравилась такая церемонность. – Я счастлива, что наконец-то обрела настоящую семью. Спасибо за такие щедрые подарки... и за то, что он заступился за мою честь.

Она едва не рассмеялась, представив, какая суeta поднялась во дворце! Орки никогда не бросают слов на ветер: если князь клана пообещал прийти, то он придет, и мало никому не покажется. Как, должно быть, бегала и кричала свекровь, воздевая руки к небу! С каким видом стоял Кендрик, когда в бывших покоях его жены суетились слуги, собирая вещи!

– Князь Шуран не мог бы поступить иначе, – откликнулся Ганзураг. – Он будет счастлив узнать, что в клан Бхаур вошла действительно благородная жена!

Оркувенам предложили переночевать в замке и отправляться в обратный путь уже утром. Шайло повел их в гостевые покои, то и дело испуганно озираясь, Дайна пошла за Гровиром. Когда она уже была в дверях, Валентин окликнул ее:

– Дайна.

Слово упало, как перышко и как булыжник. Дайна обернулась, улыбнулась, и в душе снова зазвенела туго натянутая струна.

– Да, господин ректор?

– Зайдите в мой кабинет около восьми, – произнес Валентин. – Надо обновить ваше защитное заклинание.

Дайна шла, не чувствуя под собой ног.

Над ней сплетались густые грозди белых роз и хрипло орали попугаи – она не слышала. Оленья тень мелькнула ближе, совсем рядом – она не заметила. Двухголовый скелет протянул было к ней руку, чудовища в стеклянных гробах скалили пасти – Дайна не видела.

«Он спас меня от дракона, – плыло в голове. – Он закрывает мой дар некромантии от инквизиции».

О том, что она влюбилась, девушка боялась и подумать. Но что тогда это было, если не любовь?

Страх? Тоска?

Она не знала.

Дайна постучала в дверь и, услышав негромкое приглашение войти, бесшумно скользнула в каминный зал. Здесь царил полумрак. Огонь в камине едва теплился: в его неверном тусклом свете море на картине казалось живым. Принцессе даже почудился шум волн.

Она осторожно опустила на краешек кресла и сказала:

– Господин ректор, это Дайна Девлет!

Саалийский полководец мрачно посмотрел на нее из соседней рамы. Полумрак сгустился, и из него выступили очертания знакомой ректорской мантии и белое пятно маски.

– Добрый вечер, Дайна, – услышала она, и мрачное наваждение исчезло. Зал стал не шкатулкой с пугающими чудесами, а самым обычным, просторным, по-вечернему тихим. – Вот, выпейте.

Дайна послушно приняла бокал, выпила уже знакомое зелье. Если бы на нее снова нахлынула слабость, то Валентин мог бы обнять ее и поддержать, но ничего не случилось, и ректор просто сел в соседнее кресло.

– Организм справляется уже лучше, – довольно заметил он. – Как вы, Дайна? Каково это, чувствовать себя орочей принцессой?

Девушка улыбнулась.

– У меня теперь есть дом, и это неожиданно и непривычно, – сказала она. – Есть люди, которые за меня заступились. Так же, как вы, господин ректор. Я благодарна и им, и вам.

Когда они разделили ложе, Дайна еще не была студенткой академии. А теперь между ними не может быть ничего по-настоящему близкого. Дружба? Возможно. Любовь? Ни в коем случае. Нужно умирить свои чувства, успокоиться, иначе она вообще не сможет здесь учиться.

А тут еще и этот отбор невест, будь он неладен.

– Оркувены обленились за последние годы, – произнес Валентин, и Дайне вновь показалось, что он улыбается. В прорезях маски сверкнули глаза, мягко и добродушно. – Но они никогда не упустят добра, которое плывет в их сети. Для них вы теперь дева Застепья. Если выиграете отбор невест и станете женой принца, а потом королевой, это объединит весь юго-запад.

«А если попросить его снять маску?» – подумала Дайна и ответила:

– Я не выиграю отбор невест. Я согласилась участвовать в нем, потому что вы попросили. Но побеждать в нем я не собираюсь.

Валентин усмехнулся.

– Так отчего же? Раньше вы знали об Эжене понаслышке, а теперь увидели его, смогли пообщаться.

Вам по-прежнему не нравится мой брат?

– Не нравится, – хмуро ответила Дайна. – Не поймите меня неправильно, он замечательный человек, и его жена будет счастливейшей из женщин. Но это буду не я.

Некоторое время они молчали. Потом Дайна все-таки набралась смелости и попросила:

– Вы можете снять маску, господин ректор?

Из-за белой скорлупы маски снова донеслась усмешка, словно Валентин оценивал степень наглости первокурсницы.

– Нет.

Дайна боялась, что он поднимется, возьмет ее за руку и вышвырнет прочь. На мгновение ее окутало такой стужей, что пальцы затряслись. Откуда в ней вообще взялась такая дерзость? Ректор академии магии ни перед кем не открывает лица, но снимет маску по просьбе первокурсницы!

Однако ничего страшного не произошло. Валентин спокойно сидел в кресле, руки лежали на подлокотниках устало и тяжело.

– А почему вы ее носите? – спросила Дайна.

– Это, скажем так, мой способ отстраниться от мира, – ответил Валентин и добавил с таким глубоким чувством, что девушка вздрогнула: – Когда-то я испытал настолько сильную боль, что захотел стереть себя. Сделаться никем. И ты, например, рисуешь какие-то черты поверх моей маски и видишь кого-то. Но это не я.

Он умолк. Дайна с ужасом поняла, что Валентин, всемогущий волшебник, никому и никогда не открывал свою душу настолько.

– Простите меня, – с искренним сочувствием сказала Дайна. – Мне следовало понять, что ваша маска не просто каприз. Мне, правда, жаль.

Валентин усмехнулся.

– Как учеба? – спросил ректор, и девушке подумалось, что ему снова не хочется с ней расставаться. Может, и зелье принимать не следовало, оно было лишь предлогом для такой вот вечерней встречи. – Как занятия?

– Очень интересно, – призналась Дайна. – У нас уже были уроки по зельеведению. Пытались варить общеукрепляющий напиток.

«Он одинок и несчастен, – вдруг подумала она с невероятной, пронзительной тоской. – Ему не с кем поговорить, совсем».

– Получилось? – спросил Валентин, и Дайна вновь почувствовала тепло его улыбки.

– Да. Только потом я не могла заснуть из-за него, – ответила она. – Мне нравится учиться, правда.

– Так почему вы все-таки не хотите замуж за моего брата? – неожиданно спросил Валентин. – Сейчас, когда увидели его, поговорили с ним – все равно не хотите? Чем он успел вас огорчить?

Дайна нахмурилась. Она не могла ответить на этот вопрос даже самой себе, потому что хотела быть честной. А это означало, что придется признать то, чего она настолько сильно боялась.

– Снимите маску, – твердо ответила принцесса. – И тогда я расскажу вам.

Она понимала, что дерзит ректору в лицо, и знала, что это может закончиться плохо. Валентин был добр к ней, но он не позволил бы собой манипулировать. И Дайна на мгновение перестала дышать, когда рука ректора вдруг потянулась к маске.

Она ойкнула и уткнулась лицом в ладони – тем детским движением, которое когда-то могло спрятать ее от ночных кошмаров в чужих домах. Валентин негромко рассмеялся и сказал:

– Не бойся. Смотри, раз уж тебе настолько любопытно.

Дайна опустила руки. Лицо мужчины перед ней было красивым и спокойным – такое спокойствие создается, когда ты годами сдерживаешь свои душевные порывы, чтобы они не разорвали тебя на части. Глаза оказались темно-серыми, нос – прямым и острым, левую бровь разламывал пополам шрам, который утекал под белые волосы. Ректор оказался очень похож на брата, но если Эжен был доброжелательным весельчаком, то от Валентина так и веяло усталым холодом одиночества.

- Вы похожи на брата, - промолвила Дайна, когда молчание сделалось совсем уж невежливым.

Ей вдруг стало ясно: сейчас Валентин снова наденет маску и закроется от нее навсегда. Она никогда не достигнет до той части его души, что открылась для нее памятной ночью в гостинице.

Она никогда не узнает самого важного. И Валентин так и останется пугающей тенью в маске, а не живым, чувствующим и любящим человеком.

Дайна неожиданно поняла, что они уже не сидят - стоят почти рядом, смотрят друг на друга, как дуэлянты. Можно было протянуть руку и дотронуться до бледной щеки, пробежаться пальцами по скуле, как девушка сделала той недавней и далекой ночью, когда пыталась хоть как-то узнать и запомнить лицо Валентина.

- Похож, - согласился Валентин. Его губы дрогнули в едва уловимой улыбке. - Мы ведь все-таки родня. Так почему ты не хочешь победить в отборе?

На мгновение Дайне показалось, что она падает. Под ногами вдруг раскрылась пустота - и Дайна рухнула вниз, во тьму, где не было места ни любви, ни надежде.

Еще немного, еще один удар сердца - и вся ее жизнь станет осенней листвой, которую уносит ветер.

Невидимые нити, что их соединяли, окрепли и зазвенели; и больше не было ничего, кроме руки, которая взяла дрожащие пальцы Дайны, и взгляда, заглянувшего в ее душу так глубоко, куда она сама не отважилась заглядывать.

Все в ней сейчас дрожало и рвалось, и девушка испугалась, что не сможет говорить - не хватит воздуха.

И они сказали в один голос:

- Я люблю тебя. - Только тогда Дайна поняла, что наконец-то может дышать.

Поцелуй вышел светлым и почти непорочным, хотя в ушах Дайны гудело пламя, а в висках пульсировала кровь.

- Я тебя люблю, - негромко повторил Валентин, когда они оторвались друг от друга, и Дайна подумала, что могла бы вот так стоять и смотреть ему в глаза всегда.

- Я тебя люблю, - выдохнула она, и сама удивилась, насколько легко это получилось, словно она говорила самым сердцем. - Поэтому и не хочу побеждать в отборе. Вот и все.

Валентин мягко погладил ее по щеке. Он смотрел с таким теплом и печалью, что у Дайны заныло в груди.

- Почему это так больно? - спросила Дайна, глядя ему в лицо и стараясь запомнить каждую черточку. Он снова наденет свою маску, закроется от мира и от нее, и тогда ей останутся только воспоминания.

- Мы маги, - откликнулся Валентин. - Мы чувствуем острее и сильнее. Наши чувства развиваются быстрее, чем у остальных людей. Если бы я знал, что любовь рождается так быстро, что это вообще будет любовью...

- Это было правильно. - Дайна шмыгнула носом, пытаясь удержать рвущиеся слезы. - Это помогло мне забыть Кендрика. Пережить развод и забыть.

Сейчас, когда она думала о бывшем муже и своей жизни во дворце, воспоминания казались ей ненастоящими, присыпанными пылью, словно все это случилось не с ней и это не ее несколько дней назад выбросили из дома, который она считала своим. Боль потери, тоска, слезы - все стерлось после ночи в гостинице.

Дайна не знала, сколько времени они простояли вот так, рядом. Она готова была стоять так вечно. Наверно, это и было счастьем.

- Но мы теперь не можем... - прошептала она, и Валентин кивнул.

- Не можем, - ответил он. - Ты студентка академии, а я ректор. В этом вся беда. Прости меня.

- Мне не за что тебя прощать. - Слеза все-таки прочертила дорожку по щеке Дайны, напомнила, что принцессы не плачут. - Это был мой собственный выбор.

Слишком много было причин для того, чтобы все кончилось плохо. Дайна это понимала и чувствовала, что умирает от этого понимания.

Валентин провел ладонью по воздуху, и перед его лицом сгустился серебряный туман, формируя маску. Сердце Дайны пропустило удар.

– Я сделаю для тебя все, что потребуется. Я всегда тебе помогу и во всем поддержу, – услышала она и выдохнула:

– Ты уже сделал. Ты спас меня от дракона и спасаешь от инквизиции.

– Пройди отбор до конца, – произнес Валентин, и Дайна вдруг поняла, что уже стоит у двери, что те нити, которые опутали их после признания, разорвались с тонким звоном погребальных колокольчиков. Дверь скрипнула, открываясь, и Валентин добавил: – Так будет легче. И правильнее.

Дайна выскользнула из зала во мрак. Щеки горели. Кажется, она бежала: библиотека, зал с нелепыми чудовищами за стеклом, оранжерея, лестница... Девушка опомнилась, лишь когда оказалась в просторной галерее возле высоких окон и, прижавшись ладонями к стеклу, подумала: «Неужели это все?» Она любила и была любима, но не могла быть вместе с Валентином.

«Нам лучше больше не оставаться наедине, – звучало в ее ушах. – Нам не надо травить друг друга. Маги влюбляются быстрее и любят дольше и крепче. Но и справляются со своими чувствами они намного лучше всех остальных. И мы тоже справимся».

Огромное, властное, беспощадное чувство рухнуло на них соленой волной – смяло, потащило в глубину.

Валентин был прав, и Дайна прекрасно понимала его правоту. Студентка и ректор – это зависимость и власть, а там, где они есть, любви уже нет места.

Оставалось лишь признать это. И надеяться, что боль, которая сжала сердце, тогда расслабит сухие пальцы.

У Дайны ведь больше не было ничего, кроме этой надежды.

Глава 5

Принцесса на горошине

Преподавателем зельеделания был господин Бундо, веселый упитанный старичок с розовым морщинистым лицом сказочного гнома. Когда первокурсники собрались в учебном зале и стали готовиться к занятию, Дайна подошла к его столу, заставленному цветочными горшками вперемешку с мешочками, коробками и банками, и спросила:

– Господин Бундо, а есть ли такое зелье, которое может уничтожить любовь?

Этой ночью Дайне так и не удалось заснуть. Она сидела на кровати, смотрела в окно и, когда на горы легли золотые утренние тени, поняла, что у нее больше нет сил бороться с собой.

Валентин не откажется от должности ректора академии магии. Это вся его жизнь и было бы глупо все бросить из-за такой мелочи, как любовь к первокурснице. Дайна не сможет покинуть академию: когда сила защитных заклинаний иссякнет, ее тотчас же возьмет в оборот инквизиция. Да и отец Гровира этого не одобрит – принцесса прекрасно понимала, что с таким человеком, как глава крупнейшего ороczego клана, лучше не ссориться. Его следует воспринимать всерьез и только всерьез.

Выхода не было.

Господин Бундо негромко хохотнул, снял очки и, начав старательно протирать их специальной салфеткой, озадаченно произнес:

– Обычно юные девицы спрашивают у меня про совсем другое зелье. Им подавай такое, что вызывает любовь, а не убивает ее.

Дайна понимающе кивнула и настойчиво повторила:

– Так есть ли такое зелье? Выпить его – и разлюбить...

Господин Бундо вздохнул. В его взгляде Дайна с удивлением увидела искреннее понимание и сочувствие.

– Задержитесь после занятия, – добродушно предложил он. – Я вам расскажу кое-что.

Целый час, пока шел урок, Дайна сидела как на иголках. В конце концов, Аделард обернулся к ней и негромко спросил:

– Все в порядке?

Девушка постаралась принять максимально спокойный и невозмутимый вид и ответила:

– Да, конечно. А что?

– Впечатление такое, что у тебя стул горит, – сообщил Аделард.

Урок был посвящен зелью легкого парения: выпьешь его – и любая тоска и хандра отступят. Сначала первокурсники старательно толкли в ступках черные орехи жуженицы, которые сердито брызгали во все стороны синим соком, потом высыпали черно-синюю пыль в дымящиеся котелки с корнем асфенделя, добавляли пыльцу с крыльев ночного череповника – бабочки, которая водилась только на старых кладбищах, и мешали варево ровно семнадцать раз по часовой стрелке. Зелье в котелке Петера вдруг взорвалось с громким шумом и вышибающей слезы вонью, и господин Бундо воскликнул:

– Семнадцать, Петер! Я же сказал: семнадцать раз, а не восемнадцать!

Петер сконфуженно провел ладонью по лицу, стирая копоть.

Когда все зелья были сварены и остужены, господин Бундо раздал первокурсникам серебряные стаканчики и сказал:

– Ну что, пробуем!

Дайна пригубила светло-зеленый напиток с едва уловимым запахом груши и почувствовала, как невыносимая горечь отступает, растворяется, дает возможность дышать. Может быть, и не надо ее убивать, эту несчастную любовь? Может, надо просто варить зелье легкого парения, пить его и не страдать?

Господин Бундо обвел улыбающихся первокурсников оценивающим взглядом и раздал им

маленькие орешки. Когда орешки были съедены, преподаватель сообщил:

– Запомните раз и навсегда: к зелью легкого парения стоит прибегать только в исключительных случаях! У мага может появиться соблазн пить его при малейшей проблеме. Но зелье, которое пьют чаще чем раз в год, вызывает отек мозга.

Петер нахмурился.

– И когда же его варят? – спросил он. – И для кого?

– Например, для матери, потерявшей единственное дитя, – ответил господин Бундо. – Для девушки, которую обесчестил мерзавец. Для старика, которого сыновья выгнали на улицу. Это зелье не для пустяков вроде сломанного ногтя или обиды на родителей, которые не взяли на прогулку.

– А орешки зачем, господин Бундо? – спросил Гровир.

– Чтобы не позволить вам злоупотреблять, – ответил преподаватель. – Захотите выпить еще стаканчик – и у вас начнется неукротимая рвота. Приятного мало, честно говоря. Запомните, порядок именно такой: безутешное горе, зелье легкого парения, орешек.

Когда первокурсники покинули кабинет – следующим уроком была история магии, которую вела госпожа Эмилия, – Дайна подошла к господину Бундо, и он поинтересовался:

– Недавняя, но сильная любовь? От которой болит сердце?

Принцесса кивнула. Да, все верно. Что тут еще скажешь? Принимая предложение Валентина, она и подумать не могла, что все кончится вот так, что любовь вырастет из благодарности и страсти. Та ночь оказалась тонкой иглой, которая намертво пришила друг к другу таких разных и одинаково несчастных людей.

– Надо перетерпеть, дитя мое. Надо взять себя в руки и перетерпеть, – с искренним, почти отцовским сочувствием произнес господин Бундо. – Вы разговаривали с предметом вашей любви?

– Да, – откликнулась Дайна. Это сочувствие сделало ее такой слабой и мягкой, что она с трудом сдерживала слезы. – Мы не можем быть вместе. Ему тоже тяжело... Он сказал, что нам лучше не оставаться наедине и не травить друг друга.

Слезы все-таки побежали по щекам. Господин Бундо протянул Дайне бумажную салфетку и быстро принялся смешивать какое-то зелье: пузырьки и склянки с разноцветным содержимым мелькали в его руках быстрее шариков, которые подбрасывает жонглер.

– Вот, выпейте. – Преподаватель поднес Дайне серебряный стаканчик, от которого пронзительно пахло апельсином.

– Это оно? – спросила Дайна с надеждой. – Средство, убивающее любовь?

– Нет. – Господин Бундо мягко улыбнулся. – Просто успокоительное. Пейте, пейте!

Дайна сделала глоток, и та буря, что бушевала в ней, улеглась. Девушка смахнула слезы со щек и спросила:

– А зелье, убивающее любовь?

– Видите ли, – сказал господин Бундо с грустной улыбкой. – Мне двести пятьдесят три года. Когда мне было девятнадцать, как и вам, я тоже влюбился и тоже не мог быть вместе с любимой. И я выпил то зелье, о котором вы так настойчиво просите. Потому что было слишком больно, жить с той любовью.

Дайне вдруг стало страшно – так, что даже в животе заныло.

– А потом? – спросила она.

– Зелье подействовало, – откликнулся господин Бундо. – И вот уже двести тридцать четыре года я живу без любви. Оно всегда дает результат, забирает любовь. Оно очень простое, в общем-то, любой может смешать. Но примете его – и любовь никогда больше не прорастет в вашем сердце. Как по мне, это прыжок в пасть льва, чтобы спастись от медведя.

Дайна присела на край парты – ноги подкосились.

– Ну вот, – удовлетворенно произнес господин Бундо. – Вы все прекрасно понимаете.

– Что же мне делать... – растерянно прошептала Дайна.

- Любить, – решительно ответил преподаватель. – И пусть он любит вас. Любовь – это ведь не стремление присвоить человека. Это искреннее желание счастья тому, кого ты любишь.

- Да, – кивнула Дайна. – Он говорил об этом.

- Допейте. – Господин Бундо кивнул на стаканчик зелья, который девушка так и держала в руке. – И поверьте, скоро вам будет легче. Как только вы почувствуете, что любовь – это радость, а не чувство собственности, то вам сразу же станет спокойнее.

- Правда станет? – с надеждой спросила Дайна. Господин Бундо уверенно кивнул.

- Правда, поверьте специалисту. Вы ведь прошли на отбор невест?

Сама мысль об отборе для принца Эжена сейчас казалась Дайне кошмарной. А ведь она будет в нем участвовать, проходить этап за этапом... Может быть, Валентин попросил ее об этом потому, что хотел, чтобы она отвлеклась и обо всем забыла? Маги быстро влюбляются и сильно любят, но, возможно, они и остывают так же быстро?

Может, и она остынет, участвуя в отборе?

- Да, – кивнула Дайна. – Сегодня в полдень будет объявлено задание первого этапа.

- Тогда желаю вам сил, – произнес преподаватель. – Все будет хорошо.

Принцесса поблагодарила его и, выйдя в коридор, побрела в сторону лестницы. Мимо прошел Кристиан, он осторожно нес в руках маленький ящик, оплетенный металлическими полосами. Пробежали второкурсники – должно быть, опаздывали на урок.

Дайне казалось, что все это происходит во сне.

Она надеялась, что сможет проснуться – и никак не могла.

День прошел, как и полагается, – в праведных трудах.

Валентин даже не успел пообедать с Эженом. Брат вроде бы не обиделся – заглянув в кабинет, он увидел, как Валентин тонет в бумагах из министерства, банковских сводках и хозяйственных отчетах. Но было ясно, что ему хотелось бы побыть с младшим после тех лет, что они провели в разлуке.

После похорон Валентин уехал. В тот момент он и сам не знал, куда направляет коня – лишь бы подальше от Саалии, от облетевшего черного леса, звонкого лая собак, кровавой клюквы на траве. Подальше от отца с его неловким сочувствием и тяжестью вины на плечах, подальше от самого себя. Он скитался чуть больше года. Когда над Саалией закружились снежинки первой метели, Валентин вернулся – могущественным магом, чье лицо было скрыто маской.

Леон его понял – просил прощения, не задавал ненужных вопросов и говорил, что сделает все, о чем попросит младший сын. Валентин сказал, что хочет возглавить академию магии и что придет на помощь отцу и семье, если потребуется, но больше никогда не вернется в Саалию.

Момент был удачным, тогда как раз скоростно скончался прежний ректор, и министерство магии объявило конкурс на его замену. Стать ректором оказалось непросто: несмотря на финансовую поддержку отца, министерства трех стран знатно потрепали Валентина, оценивая уровень наглого выскочки, – и остались довольны. Он до сих пор помнил их улыбки.

«Девять лет, – думал ректор, принимая очередную стопку писем. – Вся моя сознательная жизнь прошла здесь, в этих стенах».

Замок скрыл его от мира надежнее, чем маска. Замок стал его домом и склепом, опорой и надеждой, и в какой-то момент Валентин успокоился и просто стал жить дальше – великим магом, который хранит давнюю тайну за броней своего бесконечного могущества. Он интриговал; к нему не раз и не два подходили студентки, предлагая перевести отношения в более приятную плоскость. Одну из второкурсниц Валентин однажды вытащил из собственной ванны – полностью обнаженная девица лежала в воде, и лепестки алых роз кокетливо прикрывали ее грудь и лобок. В ответ на все предложения он смеялся и говорил, что будет очень рад и встречам, и отношениям, но только после того, как девушки получат золотой листок диплома.

Ни одна не пришла – Валентин этому не удивлялся. Когда отношения строятся не на любви, а на власти, из них хотят извлечь только выгоду.

Думал ли он, что однажды возненавидит академию? Думал ли он, просто поступая так, как велел

ему долг, что рухнет в эту глупую взаимную любовь – рухнет глубоко и не сможет выбраться?

В дверь снова постучали. Валентин оторвался от бумаг, мельком подумав, что если это опять пришел Шайло с рассказами о том, как в очередной раз обнаглела молодежь, то он бросит в него чем-нибудь тяжелым. Но это был Эжен – сейчас он выглядел смущенным и виноватым, словно понимал, что отрывает брата от дел, и ему было за это до невозможности стыдно.

– Привет! – сказал он с обезоруживающей светлой улыбкой. – Извини, я тебе мешаю, но сегодня новый этап отбора. И здешний глава отделения боевой магии сказал, что уже все приготовил.

Валентин улыбнулся, откинулся на спинку кресла и понял, что брат сейчас не видит его улыбки. На мгновение ему стало жаль, и он решил, что иногда надо все-таки изменять своим привычкам.

По большому счету он уже пережил свою давнюю боль. Маска стала не нужна.

– Заходи, – махнул рукой Валентин. – И закрой за собой дверь.

Эжен послушно прошел в кабинет. Валентин провел ладонью перед лицом, и маска рассыпалась белыми искрами. Принц оторопело замер и какое-то время рассматривал брата так, словно ожидал увидеть кого-то другого и боялся этого. Потом он снова улыбнулся и, пройдя к креслу для посетителей, произнес:

– А ты совсем не изменился. Правда.

Валентин пожал плечами.

– А ты повзрослел и стал намного серьезнее, – сказал он.

Эжен смущенно улыбнулся.

– Помнишь, как у нас всегда было? Я чувствовал младшим себя, а не тебя. Ты всегда выглядел таким строгим и важным, даже когда еще ходить не умел.

Валентин кивнул.

– Помню, конечно. Ну так что, новый этап отбора?

Эжен сразу же сделался подчеркнуто строгим. Валентину понравилась та серьезность, с которой он подходил к отбору невест. Не игра, не шалость, не забава – действительно важный выбор девушки, которая станет его женой и матерью его детей.

– Он традиционно называется «Принцесса на горошине», – продолжал Валентин. – В ларце Кристиана как раз и были эти горошины. Они окружены защитными магическими заклинаниями, и их положат под матрасы участниц. Задача девушек – почувствовать их.

Эжен улыбнулся, и его лицо тотчас же снова обрело строгость.

– Это сложно – почувствовать горошину, – заметил он. – Они ведь маленькие. Слушай, но какой смысл в подобном задании? Убедиться в том, что у девушек такие нежные тела и мягкая кожа?

– Нет, – ответил Валентин. – Ты же знаешь, что королева Саалии – всегда волшебница, сила которой поддерживает и владыческую семью, и народ. А горошина проверит, насколько велика эта сила. Сможет ли претендентка почувствовать то, что способно ее уничтожить?

Эжен нахмурился.

– Уничтожить? – удивленно переспросил он. – Что же это за горошина такая?

– Бомба, – невозмутимо произнес Валентин.

Эжен побледнел. Ректор подумал, что видел его таким всего один раз – в день лесной охоты, когда он выбежал со слугами к месту трагедии и все увидел, и замер так, словно налетел на незримую преграду. Он поднялся, нервно заходил по кабинету.

– Нет, это невозможно! – воскликнул Эжен. – Положить девушек на бомбы! Нет, я не буду в этом участвовать, Валентин. Это... – Он остановился, замер, не в силах подобрать слова, и в конце концов глухо произнес: – Это какая-то животная жестокость.

Чего-то в этом роде Валентин и ожидал и обрадовался, что за эти годы брат не нахватался светского цинизма, который требует: «Надо – значит, надо» и не рассуждает о том, насколько цель оправдывает средства. Традиция велит класть бомбы под перины девушек – значит, положим эти бомбы, а не почувствуют, так сами виноваты.

– Они почувствуют, – твердо сказал Валентин. – А если нет, то бомба всего лишь хлопнет и наполнит комнату вонью. Вот и все, никто никого не покалечит и не убьет. Просто испугает, даже меньше, чем пробежавшая мышь. Но морок, который она наведет на девушек, будет настоящим. Они действительно должны ощутить угрозу жизни.

«Не буду же я класть свою любимую женщину на настоящую бомбу», – подумал ректор, понимая, что никогда не скажет этого вслух.

Эжен вздохнул с видимым облегчением.

– То есть это просто магическая хлопушка? – уточнил он. – Напугает, но не ранит? Поклянись, что никто не пострадает!

– Клянусь, – ответил Валентин. – Волшебниц тут собирают не для того, чтобы убивать.

Принц провел ладонями по лицу и признался:

– Ну и напугал же ты меня!

Валентин улыбнулся, и брат улыбнулся в ответ.

– Вот и хорошо, – привычное движение ладонью собрало на лице новую маску, светло-серую. – Пойдем проверим, как идет подготовка.

– Я ничего не поняла, – призналась Вильма, третьекурсница. Уроженка черного Заюжья, бывшая рабыня, она была такого роста, что на всех смотрела свысока, но сейчас Дайна готова была поклясться – девушка стала меньше от растерянности. – То есть мы просто идем и ложимся спать? Так?

Клера только руками развела.

– Получается, что так.

После собрания в малом зале девушки пошли было в столовую выпить чаю, но так и не дошли – остановились в одном из бесчисленных закутков замка. Короткая встреча с принцем Эженом, который сообщил, что на новом этапе отбора девушки просто лягут спать в свои постели, озадачила всех. Сев на подоконник наглухо закрытого окна рядом с Карин, Дайна предположила:

– Мне кажется, он недаром уточнил про сон в своих постелях. Может быть, там подложили какую-то дрянь?

Вильма испуганно посмотрела на Дайну. Точечная татуировка на ее висках и скулах налилась золотым свечением.

– Слушайте, а ведь и верно! – воскликнула она. – Пока мы были на уроках, нам могли подложить все что угодно.

– Пойдем тогда поищем, – предложила Клера. – Потом встретимся в саду.

Придя в свою комнату, Дайна перевернула всю постель: вынула одеяло из пододеяльника, покопалась в перьевых недрах подушки, заглянула под перину и даже посмотрела под кровать, но не нашла ничего, даже пыли. Когда принцесса спустилась в сад, то Вильма уже сидела на траве, подставив лицо заходящему солнцу – высокая, тоненькая, похожая на древнюю богиню своих жарких краев.

– Ничего, – сказала Дайна, сев с ней рядом. Вильма вздохнула и ответила:

– И у меня ничего.

Через четверть часа пришли Клера и Карин – судя по одинаковому выражению лиц, они тоже ничего не нашли.

– Пусто? – на всякий случай спросила Дайна.

Карин опустилась на траву и сказала:

– Пусто. Ничего нет, просто кровать.

Пришла Иви – рыжая толстушка с длинными косами и такой пышной грудью, что Дайна невольно задавалась вопросом, как она носит на себе такое объемное сокровище. Должно быть, в родных

краях холодных северных вод, меховых курток, серебристой сельди и брутальных мужчин с рыжими бородами она была завидной невестой.

– Ничего, девушки, – ответила она. – Я и подушку выпотрошила, и на перине попрыгала. Как есть ничего.

Клера усмехнулась.

– Пол-то не проломила? – поинтересовалась она.

Иви лишь махнула рукой:

– Ой, завидуй молча, плоскодонка.

Дайна испугалась, что сейчас начнется скандал – судя по тому, как Клера вела себя в компании подпевал Базиля, она не спустила бы оскорбления. Однако девушка ничего не сказала; Дайна подумала, что второкурсница изменилась после того, как прошла на отбор невест, стала какой-то замкнутой и задумчивой.

Потом появилась стайка третьекурсниц: Шин Ю с набеленным личиком по моде Дальнего Восхода, Марьен и Хэстера, которые носили пугающие амулеты из перьев и косточек и разноцветные тюрбаны-башни, как принято в их родных Гнилых Болотищах, и Летиция, соотечественница Аделарда, такая же завитая и напудренная, как он. Никто из них не нашел в спальнях ничего подозрительного. Последней пришла Донна со второго курса – коротко сообщив о безрезультатных поисках, она сказала:

– Если я правильно понимаю, то каждый этап отбора должен что-то показать в участницах. И отсеять тех, в ком нет этого чего-то. Верно?

Девушки кивнули.

– Тогда при чем тут сон? – задалась вопросом Донна. – Мы должны увидеть вещие сны? Или в новый этап пройдут те, кто увидит во сне принца Эжена? Но как это проверить?

Вильма усмехнулась.

– Вещих снов не бывает, все это суеверия. Госпожа Эмилия нам об этом очень подробно рассказывала. Сон – это просто отражение нашей жизни.

– Значит, с нами хотят что-то сделать, пока мы будем спать, – предположила Хэстера, задумчиво теребя в пальцах одну из косточек своего браслета. Дайна вдруг поняла, что косточка живая – почувствовала биение жизни в ее глубине, услышала далекий неразборчивый шепот. Хэстера поймала ее взгляд, и ее губы дрогнули в улыбке, словно она неожиданно нашла человека, который станет для нее настоящим другом.

– Давайте вспомним все, что сказал принц Эжен, – негромким свистящим голосом предложила Шин Ю, и Дайна сразу же вспомнила книгу старых сказок, в которых говорилось о южных найгани – девушках, способных превращаться в змей. – Дословно.

Вильма прикрыла глаза.

– «Девушки, на этом этапе отбора вы просто ляжете спать в свои постели, – процитировала она. – И пусть вам приснятся самые хорошие и сладкие сны. Завтра утром жду вас здесь, в малом зале».

– А если нам лечь спать не в своих комнатах, а в том же малом зале? – предположила Марьен и тотчас же добавила: – Я понимаю, что мы конкурентки и должны топить друг друга на пути к принцу. Но вот именно сейчас нам надо действовать вместе, потому что нам ничего не объясняют.

– Втемную используют, – согласилась Иви.

– Да, – кивнула Марьен. – И мне это не нравится.

– Тогда давайте попросим крыс перенести наши кровати... – Шин Ю задумчиво посмотрела по сторонам. – Да хоть в сад! Ночи пока теплые, поспим на свежем воздухе. Правило задания не будет нарушено, а мы, если что, сможем прийти друг другу на помощь.

– А что «если что»? – нахмурилась Карин.

Шин Ю едва заметно улыбнулась – белое личико сделалось похоже на маску, по которой пролегла алая трещинка.

– На Дальнем Восходе тоже отбирают невест для принцев, – ответила она. – И задания дают такие,

что можно и умереть. Поймать и сварить пещерного змея, допустим.

Все девушки посмотрели на нее с искренним ужасом.

– А это опасно? – поинтересовалась Иви.

Улыбка Шин Ю стала чуть шире.

– Для тебя нет, дочь рыбака. Он тебя не прокусит при всем желании. Остальные могут не справиться.

По вершинам деревьев прошелся ветерок – наступил вечер, в замке засветились первые огни. Дайна вспомнила Валентина, который стоял рядом с братом. Он не смотрел в ее сторону, а она не могла отвести от него взгляда и думала о том, что говорил господин Бундо. Пускай любить бывает и больно, но это лучше, чем никого и никогда не любить.

И она видела лицо Валентина. Он открылся перед ней настолько, что снял маску – это было таким глубоким доверием, что у Дайны теплело на душе, когда она вспоминала об этом.

Да, пусть они сейчас не могут быть вместе, но они могут любить друг друга и быть счастливы этой любовью.

В конце концов, она не всегда будет студенткой. Однажды Дайна закончит академию, и тогда они с Валентином смогут быть вместе. Как только она подумала об этом, ей сразу же стало легче, словно она выпила зелье легкого парения.

– Эй, любезный! – Клера махнула рукой пробежавшему мимо крысу и, когда он приблизился к участницам отбора, приказала: – Перенесите-ка сюда наши кровати из спален! Для румянца нам нужен свежий воздух!

Дайна почему-то была уверена, что им запретят ночевать в саду. Однако же крысы под руководством Шайло вынесли кровати девушек и расставили их под деревьями, и даже принесли лампы и прикатали ароматическую пушку для отпугивания комаров. Возвращаясь вместе с Вильмой и Карин после ужина, Дайна заметила, что в саду мелькнул знакомый плащ – Валентин прошел мимо разбитого лагеря, удовлетворенно кивнул и скрылся за деревьями.

– Смотрите, ректор нас проверил, – негромко заметила Вильма.

Карин кивнула и испуганно спросила:

– Запретит? Нет... вроде уходит. Не запретил.

Дайна смотрела Валентину вслед, стараясь, чтобы девушки не поняли по ее лицу, насколько ей в этот момент стало тоскливо.

– Должно быть, сегодня все будут смотреть в окна, – сказала она, стараясь скрыть нахлынувшую волну грусти. – Такое представление не каждый день увидишь. Прекрасные девы в ночных рубашках.

Иви махнула рукой. Сидя на кровати, она быстрыми движениями переплетала косы. Шин Ю, которая стала соседкой северянки, смотрела на ее волосы с некой завистью.

– Да пусть таращатся, нам-то что? – невозмутимо заявила Иви. – Не полиняем, и кусок не отвалится.

– Нас никто не увидит! – сообщила Хэстера, которая полупрозрачной белой тенью выскользнула из-за яблоневых стволов. – Ректор и преподаватели набросили на нас Непроницаемую завесу. А вон там, – Хэстера махнула рукой куда-то вправо, – лежит сеть Тьмы, там можно переодеться.

Дайна подумала о Валентине с теплом.

После того как девушки переоделись и устроились в кроватях, лампы постепенно начали гаснуть. Откинувшись на подушку, Дайна смотрела, как изящный силуэт замка проступает на фоне неба золотой вышивкой на синем бархате. Яркими мазками выделялся свет в окнах – вон те два окна загорелись в каминном зале Валентина.

Подойдет ли он к окну? Посмотрит ли вниз?

– А хороший вечер, теплый, – заметила Марьен. – У нас в такие вечера хорошо болотная гадница ловилась. Так и выпрыгивала, помнишь, Хэстера?

Клера издала сдавленный низкий звук, словно ее тошнило.

– Это что еще за дрянь? – спросила она, прижав руку к горлу.

Марьен мечтательно усмехнулась.

– Ничего не дрянь. У нас такими все лечат – от лихорадки до запоев. Настаивают на трех водах и пьют, и как рукой снимает. Вечером выпил – на завтра уже здоров, если не помер, конечно.

– О боже! – простонала Иви и с грохотом рухнула на кровать. Взметнулось белое облако одеял и простыней. – Не надо про гадниц, а? И так всё не на месте.

Марьен пожала плечами.

– Я-то что... Будто у вас на севере нет магических тварей.

«Интересно, как там дракон? – подумала Дайна. – Он ведь теперь мой».

– Твари везде есть, их с Мировой нити насыпает, – ответила Иви. – Но у нас места такие по божьей милости, что селедка – единственная тварь, ну и еще племена с Малых Игл набегают пограбить, но они не волшебные.

– Вы бы видели обитателей наших земель, – прошелестела Шин Ю. – Лисы с дюжиной хвостов, меховые колеса с зубами...

Кто-то из девушек возмущенно предложил ей замолчать – в сумерках Дайна не разобрала, кто это был. Потом разговор мягко покатился в сторону парней в целом и принца Эжена в частности, и, уже проваливаясь в сон, Дайна заметила, как погасли окна в каминном зале. И она увидела почти наяву, как Валентин провел ладонью перед лицом и маска рассыпалась серебряными брызгами, и далекое море на картине зашумело, ударяясь в раму.

Будет ли он думать о ней этой ночью?

Дайну вытряхнуло из сна настолько резко, что она свалилась с кровати в траву. Кругом царила глубокая тишина, все девушки спокойно спали, все окна в замке были темны. Дайна поднялась, прислушалась – ничего особенного. Даже ветер не ходил по листве.

Что ее разбудило? Что ей снилось? Принцесса не могла вспомнить.

В воздухе постепенно начинали звенеть холодные нотки. До рассвета было еще далеко. Девушка стояла, переминаясь с ноги на ногу, трава холодила ступни. Надо было лечь, но весь вид кровати с откинутым одеялом почему-то внушал Дайне такой давящий смертельный ужас, что она была не в силах пошевелиться.

Это и есть этап отбора? Она должна была проснуться? Дайна дотронулась до виска: в ушах что-то начало звенеть, земля дрогнула под ногами, и откуда-то из невообразимого далека к ней пробились едва уловимая ленточка гари.

Смерть, поняла Дайна, вот что это. Смерть пришла и встала рядом с ними. Все, кто сейчас спокойно спит под этими деревьями, скоро будут мертвы. Дайна это знала так же точно, как и свое имя.

Она закричала так, что на мгновение оглохла от собственного вопля. Оцепенение спало – Дайна бросилась к спящей Иви, которая недовольно приподнялась на кровати, и резко дернула ее за руку с отчаянным воплем:

– Беги! Беги скорее!

Иви тотчас же вскочила, с удивительным для своего веса проворством отбежала в сторону и спросила:

– А куда бежать-то?

– К фонтану! – Столкнув с кровати Карин, Дайна бросилась туда, где спала Вильма. – Бегите! Просыпайтесь! Вставайте!

Вильма не стала задавать вопросов – прыгнула за Иви, и траву прочертила угольная тень пантеры. Хэстера и Летиция уже поднимали Донну и Марьен, и косточки в браслетах тоскливо пели, как флейты. Шин Ю выскользнула из-под одеяла, и Дайна увидела, как тонкая девичья шея удлинилась чуть ли не до верхушек деревьев.

– Беги! – проорала Дайна, понимая, что у нее нет сил ни на страх, ни на вопросы о том, кто же такая эта девушка с белым личиком.

Смерть плясала под яблонями, смерть вскидывала руки к низким холодным звездам, и, когда принцесса побежала к фонтану последней, то ей подумалось, что сегодня смерть удалось обмануть.

У нее получилось вырвать добычу из костистых рук. Снова получилось.

Дайна опомнилась, когда пухлые ручки Иви несколько раз хлопнули ее по щекам. Открыв глаза, она увидела, что лежит на скамеечке у фонтана. Девушки столпились рядом, напряженно вглядываясь во мрак. Лицо Вильмы в свете маленькой лампы казалось незнакомым, неживым.

– Что случилось-то? – негромко спросила Летиция, которую знобило от холода и страха. Дайна прислушалась к себе, но не уловила ни следа того ужаса, который тряс ее несколько минут назад.

– Ты зачем нас разбудила, дура? – недовольно поинтересовалась Клера, и Донна мрачно сообщила, потирая лодыжку:

– А я ногу подвернула... Зачем мы так побежали-то?

Девушки вопросительно посмотрели на Дайну, и она подумала, что не знает, что им ответить, и сейчас действительно выглядит полной душой. Вскочила, всех перебудила, а зачем?

В тот же миг земля вздрогнула, и там, где стояли кровати участниц отбора, расцвели рыжие гроздья взрывов.

Валентин не помнил, чтобы он когда-нибудь бегал вот так – не чувствуя под собой земли, почти летя, так, что душа вырывалась из тела, чтобы успеть, спасти, закрыть. Когда на месте ночевки девушек тьма пришла в движение, Валентин сорвался с наблюдательного пункта и рванул туда, где тьма наливалась багровым огнем.

Кажется, Эжен бросился за ним. Кажется, Кристиан замер от удивления – взрыва он не ожидал, да и кто мог его ожидать? Валентин не знал точно – он бежал, выбрасывая одно за другим защитные укрывающие заклинания и понимая, что может и не успеть.

Огненные шары, которые с ревом закружились под деревьями, поднимаясь к небу, скомкались от властного мановения его руки – Валентин с какой-то глубокой тоскливой опустошенностью понял, что все кончено. Что он, скорее всего, не успел.

– Живы! – прокричал Эжен и замахал руками кому-то справа. – Они живы! Слава богу!

Ректор обернулся к спящему фонтану и увидел, что все участницы отбора сидят на скамеечках рядом. Фонарик озарял их мягким светом, делая похожими на привидений. Кто-то из девушек плакал, одна лежала, кажется, без сознания, но все они были живы и здоровы.

На мгновение ему стало легко – настолько, что он почти взлетел.

Потом Валентин как-то сразу почувствовал все – и прохладу осенней уже ночи, и запахи трав, и нервный стрекот насекомых, и вспыхивающие огоньки в окнах замка – и в тот же миг увидел Дайну. Она стояла, держась за руку Вильмы, смотрела прямо на Валентина, но не видела его.

Сердце пропустило удар.

Земля дрогнула – прокатилась отдача от заклинания. Взрыв истаял, поглощенный силой волшебства: остались лишь тлеющие обломки кроватей, потемневшие стволы деревьев, черная листва – и живые участницы отбора невест.

Валентин подошел к ним, слыша за спиной быстрые шаги Эжена и Кристиана. На главу отделения боевой магии было страшно смотреть – Валентин не оборачивался, просто знал, каким сейчас было лицо Кристиана, который весь день носил с собой бомбы-хлопушки, укутывал личными заклинаниями и предположить не мог, что бомбы станут настоящими.

– Живы? – коротко спросил Валентин. Кто-то из девушек всхлипнул, Дайна перевела на него слепой испуганный взгляд и ответила едва слышным шелестящим шепотом:

– Да, господин ректор. Я что-то почувствовала... я не знаю, что это было. Но разбудила всех, мы прибежали сюда. А потом... – Дайна всхлипнула, поднесла руку к щеке и медленно опустила. – А потом все взорвалось.

«Это была смерть, – подумал Валентин. – И твое чутье некроманта не подвело, и ты успела спасти всех».

Все, что он сделал, было не зря. Не стань Дайна некромантом, не закрепил Валентин в ней ее новую

силу – и сейчас под яблонями лежали бы десять мертвых девушек.

Дайну качнуло так, что Валентин невольно подхватил ее, не давая упасть. Горячее мокрое лицо уткнулось в его грудь, Дайна шмыгнула носом и разрыдалась.

– Оно не должно было взорваться, – растерянно прошептал Эжен. – Нет. Это была хлопушка, вы должны были ощутить ее в постели. Но никаких взрывов, никаких увечий.

Он обернулся к брату и спросил:

– Или ты меня обманул? Валентин?

Лицо Эжена темнело – в нем нарастала ярость. Он не был волшебником, но он был сыном волшебниц: иногда магия в таких людях пробуждалась в самый неожиданный момент.

Как правило, это заканчивалось очень плохо для окружающих.

– Нет, ваше высочество, – торопливо произнес Кристиан. Он был бледен – настолько, что ректор испугался, как бы его не хватил удар от волнения. – Я лично заготовил совершенно безопасные хлопушки. Я окутал их заклинаниями, чтобы девушки не нашли подлог раньше времени. Но я клянусь своей честью – это были не настоящие бомбы.

Дайна всхлипнула, повела плечами, отстраняясь от Валентина. Он осторожно усадил ее на скамью, до боли в груди жалея, что сейчас не может снять проклятую маску, не может вытереть ее слезы, не может обнять, успокоить, утешить.

Ничего-то он не мог.

Со стороны замка спешили крысы, возглавляемые Шайло – за ними бежали преподаватели, которых обгонял Гровир. Оркувен летел в исподнем, со своей боевой саблей наголо, косица колотила его по спине, как плетка. Валентин сел рядом с Дайной: настолько быстрая и резкая работа с заклинаниями вызвала головокружение и сделала ноги ватными.

– Кто-то подменил твои хлопушки, – негромко сказал Валентин. – В замке есть злоумышленник, который собирается сорвать отбор невест.

– То есть как это: сорвать отбор невест? – изумленно повторила подбежавшая Хасимин.

В ту же минуту Гровир рухнул на колени рядом с Дайной, заглянул ей в лицо, спросил:

– Ты жива? Дайна?

Она кивнула, Гровир выронил свою саблю и обнял девушку, прижав к себе так крепко, что Валентину послышался хруст костей.

– Да, сорвать отбор невест, – устало повторил он. – Крупнейшее международное мероприятие этого года. Как думаете, внезапная гибель волшебниц из разных стран порадует их князей и королей? Как быстро они двинут войска на Абсолон и кто будет первым?

Во всем, конечно, обвинят Саалию и Абсолон, которые вступили в сговор, желая, как в старые времена, переделить весь материк. И двинутся из степей летучие отряды оркувенских князей, и выйдут им навстречу боевые каре Абсолон, и выступят когорты Шанно, и мир zalьется кровью и озарится огнем...

Госпожа Эмилия ахнула, прижала пальцы к губам, браслеты испуганно зазвенели на сухонькой руке. Сейчас, в ночном колпаке и халате она казалась совсем маленькой и старой. Кристиан растерянно провел ладонями по лицу.

– И что же теперь делать? – спросил Эжен так, как спрашивал, когда в детстве Валентин втягивал его в веселые и опасные приключения, которые заканчивались неприятностями и поркой. Вот и сейчас он смотрел на младшего брата так, словно Валентин мог провести рукой по воздуху и все исправить. И отбор невест снова станет отбором – веселым, интригующим, даже пикантным, но не чьей-то опасной интригой.

– Продолжать отбор, разумеется, – произнес ректор, откинулся на спинку скамейки и добавил: – Все девушки проходят в следующий этап, каждая получает по одной монете.

Он щелкнул пальцами, и над головами участниц отбора, которые до сих пор не могли прийти в себя от того, что смогли избежать смерти, засветились крупные золотые монеты с совой на аверсе. Ни одна страна мира не признала бы эти деньги своими – развалины городов, в которых они когда-то были в ходу, давным-давно заросли илом на дне Южного океана. Но золото всегда остается золотом.

– Дайна Девлет, которая проявила исключительное магическое чутье и отвагу и спасла своих соперниц, получает две монеты, – продолжал Валентин, и над головой Дайны закружился еще один золотой кругляш. – Полагаю, это справедливо.

Все дружно кивнули. Девушки смотрели на Дайну с невероятным уважением и теплом. Принцесса подняла глаза на Валентина, и в ее взгляде он прочел и любовь, и надежду.

Можно было бы сейчас бросить себе под ноги заклинание Тихого сна – и все, кто столпился у фонтана, замерли бы. А Валентин тогда смог бы обнять Дайну и сказать, что он страшно испугался за нее и рад, что она осталась в живых и спасла остальных девушек.

Но он не сделал этого. Зато наконец-то понял, как надо поступить потом.

– Дайна, задержитесь на минуту.

Участниц отбора вернули в замок, и принцесса невольно заметила, что девушки выглядят довольными. Все выжили, все прошли на следующий этап отбора, да еще и получили увесистые золотые монеты. Карин, которая, должно быть, никогда не видела золота, смотрела на тяжелый кругляш в своей ладони с опасливым ужасом, словно он мог испариться и улететь.

– Родителям пошлю, – услышала Дайна. – Пусть корову покупают.

Она невольно усмехнулась: на такую монету можно было бы купить целое стадо. Семья Карин стала бы самой богатой в своих краях.

Дайна поднималась по лестнице последней. Она не знала, но почему-то сейчас ей было грустно. Несколько минут назад Валентин обнимал ее – пусть по-дружески, защищая, но все-таки прикасался с ней – и вот они снова разделены, и есть лишь ночь, которая потихоньку течет к утру.

– Я клянусь тебе, – услышала она усталый голос Кристиана. – Я своей честью клянусь, жизнью клянусь, что в моем сундуке были бомбы-хлопушки.

Дайна остановилась. Лестница раздваивалась, поднимаясь на очередной этаж и ныряя в какой-то отнорок. Оттуда и неслись едва различимые голоса.

– Дружище, я тебе верю, – спокойно сказал Валентин. – И знаешь, я давно подозревал, что нас ждет что-то подобное.

– Да, – вздохнул Кристиан. Дайна чувствовала, как он подавлен – настолько, что едва держится на ногах. – Отбор невест просто приманка для всякой мерзости. Но чтобы вот так взрывать девушек в постелях...

– Вот именно, – с прежним спокойствием ответил Валентин. – Завтра я собираю внеочередное заседание академического совета, и будет Ханвиль из министерства магии. Я пошлю ему приглашение на рассвете.

Дайна стояла, не в силах пошевелиться. Все давно разошлись по своим комнатам, замок медленно погружался в тишину.

– Ханвиль? – удивленно осведомился Кристиан. – А он еще зачем?

Дайне показалось, что Валентин улыбается со спокойствием человека, который принял очень сложное, но очень важное решение. Она не видела его лица, не видела самого Валентина в сумраке, но чувствовала его улыбку.

– Ни о чем не беспокойся. Все будет хорошо, обещаю.

Некоторое время они молчали, а потом Кристиан произнес:

– Что ж... тогда доброй ночи. Или, скорее, доброе утро.

Потом стало совсем тихо. Дайна сделала было шаг и услышала голос Валентина:

– Дайна, задержитесь на минуту.

Ректор выскользнул из тьмы, и девушка вдруг подумала, что он страшно устал за эти несколько часов. То решение, которое он принял, Дайна пока не знала, но ощущала своей внезапно вспотевшей кожей и чувствовала, что это решение выпило все его силы.

– Да, господин ректор, – кивнула она. Валентин протянул ей руку, Дайна послушно дотронулась до

его ладони, и в тот же миг они рухнули куда-то вниз. Перед лицом Дайны мелькнули перила, ступени, какие-то камни, и падение прекратилось – она увидела, что стоит в знакомом каминном зале.

Валентин провел ладонью перед лицом, и маска рассыпалась серыми каплями. В комнате царил полумрак, едва разгоняемый маленькими крылышками колибри, который кружил высоко под потолком – Дайна смотрела в бледное усталое лицо Валентина и не могла оторвать взгляда.

Он обнял ее. Прижал к себе, и на мгновение девушка почувствовала, что они стали единым целым. Это было настолько горько и хорошо, что она боялась дышать.

Спугнешь это чувство, и оно уже не вернется. Ты снова останешься одна со своей тоской и глупой надеждой.

И они будут точить душу, и в ней воцарится вечная осень. Чтобы принять то, о чем говорил господин Бундо, надо иметь больше жизненного опыта – у Дайны его почти не было.

– Как же я за тебя испугался... – негромко произнес Валентин. Осторожно, словно боясь поранить, он отстранил Дайну, взглянул ей в лицо, будто еще раз пытался удостовериться, что все в порядке.

– Мне стало страшно, – призналась Дайна, глядя ему в глаза. Скоро будет день, Валентин снова наденет свою маску, закроется от нее – и уже не дотронуться, не достучаться. Они пойдут дальше разными дорогами.

– Все хорошо, – едва слышно сказал Валентин и поцеловал ее.

На мгновение Дайне показалось, что она умерла – настолько обжигающим и глубоким стало ее счастье. Она откликнулась на поцелуй, задышавшись от тоски и любви, вцепилась в плечи Валентина так сильно, что не знала, сможет ли потом разжать пальцы. От мужских ладоней, лежавших на ее спине, катилась волна густого умиротворяющего тепла, и Дайне хотелось, чтобы это продолжалось вечно. Просто целовать любимого человека, просто находиться с ним рядом и быть счастливой от своей любви...

Девушке казалось, что она вот-вот упадет – Валентин мягко отстранил ее, приподнял подбородок кончиками пальцев, снова посмотрел в глаза. Дайне стало так больно, что слезы брызнули сами. Ну почему, почему все настолько несправедливо, неправильно, жестоко?

– Мы ведь не можем... – прошептала она.

– Можем, – твердо откликнулся Валентин. – Теперь мы можем все.

И с прежней осторожностью провел кончиками пальцев по плечам Дайны, растворяя ее сорочку.

...За высокими окнами розовел рассвет.

Пальцы Валентина неспешно двигались по шее Дайны, потом шли к ключице и перебегали на плечо и руку до запястья, и задумчиво возвращались к шее. Сейчас, когда ночь уходила, все, что с ними случилось, казалось Дайне сном.

Они были. Этой ночью они любили друг друга – так, словно могли умереть утром. Сейчас, лежа в объятиях Валентина, Дайна думала о том, что минувшая ночь была для них и лекарством, и ядом.

– Ты сказал, что мы все можем, – негромко произнесла она. – Почему? Что изменилось?

Пальцы на мгновение задержались на ее ключице, и вновь двинулись, плавно обрисовывая плечо. Девушке показалось, что Валентин чертит на ее коже какие-то знаки – может, обережные руны, может, их имена.

– Сегодня я собираю заседание академического совета, – ответил Валентин. – Будет еще и шишка из министерства магии. Я собираюсь оставить пост ректора.

Это прозвучало, как оплеуха, даже звон послышался. Дайна даже села в постели, посмотрела на Валентина удивленно и испуганно.

– Почему? – спросила она.

Валентин улыбнулся. Дайне подумалось, что сейчас он стал совсем другим – он почти не имел отношения к тому пугающему человеку, который когда-то провел пальцем по ладони Дайны в дворцовом зале.

– Две важные причины, – ответил Валентин и, мягко взяв девушку за запястье, привлек к себе и вновь принялся скользить пальцами по плечу и руке. – Первая та, что я хочу быть с тобой. Не ждать,

когда ты закончишь учебу, не бояться, что ты полюбишь кого-то еще. Уйду с поста, останусь просто попечителем наблюдательного совета.

На мгновение Дайне сделалось так жарко, она даже испугалась, что действительно может вспыхнуть. Кровь прилила к лицу, зашумела в ушах – и отхлынула, и прилила снова.

Валентин отказывается от должности ректора. Она и представить себе такого не могла. Чтобы кто-то отказался от власти, чтобы верховный волшебник Абсолон вот так взял и махнул рукой на то, что было его жизнью?

Это пугало.

И это делало ее самой счастливой.

– То есть мы сможем быть вместе... – выдохнула она.

– Да, – твердо ответил Валентин. – Теперь сможем. Я хочу этого. Думал об этом весь день и понял, что это намного важнее ректорского поста. Не надо мне ни чинов, ни власти. Мне нужна ты.

Он говорил об этом так спокойно, что Дайна поверила: Валентин принял решение и не жалеет о нем.

– А вторая причина? – спросила Дайна.

Маг усмехнулся, легонько дунул в ее волосы.

– Вторая причина в том, что кто-то очень хочет начать войну, – ответил он. – И я должен выяснить, кто именно.

Глава 6

Рубашка для принца

На очередной этап отбора невест девушек пригласили сразу после завтрака. Войдя в малый зал, Дайна села на скамью и прижала ладони к щекам.

Лицо горело. Сердце колотилось, словно птица, которая стремилась разломать прутья клетки и вылететь на волю. Дайна пыталась совладать со своим волнением и не могла – за завтраком Аделард с улыбкой поинтересовался:

– Что, божок любви кольнул тебя копьем?

Девушка удивленно посмотрела на него.

– Прости, не поняла.

– В Шанно говорят: что когда у девушки румянец и сверкают глаза, то это значит, она влюблена. Божок любви кольнул копьем. Сама догадайся, какое именно копье имеется в виду, – ответил Аделард и швырнул в рот виноградинку.

Кьяра и Карин наклонились к тарелкам и захихикали, залившись румянцем. Гровир нахмурился.

– Благородный муж не позволяет себе грубых намеков, – недовольно заметил он.

Аделард лишь махнул рукой.

– А что тут такого? – произнес он с невозмутимым видом. – Участнице отбора полагается влюбиться в принца, таково правило.

Карин томно вздохнула, и на ее губах появилась мечтательная улыбка.

– Как в него не влюбиться? – спросила она. – Вот же он, совсем рядом, настоящий принц. Вот руку протяни – и дотронешься. Я и представить не могла, что вообще когда-нибудь увижу принца! А теперь...

Аделард оторвал от грозди еще одну виноградинку.

– Думаю, ты влюбилась бы в принца, даже если бы он был горбат, – заметил он. – И с одним глазом. И с вот таким клыком. И с вот такущим...

Пятна румянца на щеках Карин сделались еще гуще.

– Дурак! – воскликнула она, не дав Аделарду договорить, и швырнула в него скомканной салфеткой. – Ничего ты не понимаешь! Молчи уж лучше!

Аделард поймал салфетку и расхохотался.

...Когда открылись двери, Дайна обернулась в надежде увидеть Валентина, но принц Эжен вошел в зал один. Девушки заулыбались, Карин машинально поднялась со скамьи – крестьяне не могут сидеть в присутствии коронованной особы. Эжен подошел, легонько сжал ее руку, а Карин побледнела от сладкого восторга и почти рухнула на скамью.

– Доброе утро! – сказал Эжен и сел на свободное место. – Я не задержу вас надолго. Просто... – Он растерянно провел ладонью по волосам и искренне произнес: – Ох, мои дорогие, я ужасно рад, что все вы живы. Слава богу, все кончилось хорошо.

Девушки заулыбались. В Эжене не было ни капли той заносчивости, которую Дайна не раз наблюдала в Кендрике – возможно, именно своей спокойной простотой принц так привлекал к себе людей.

– Дайна. – Эжен посмотрел на нее и улыбнулся очень обаятельной и несколько растерянной улыбкой. – Я искренне благодарен вам за спасение всех девушек.

Дайна улыбнулась в ответ и вспомнила, как, уже уходя в свою комнату утром, она спросила у Валентина, что же делать с участием в отборе невест.

– Продолжай, будто ничего не происходит, – ответил Валентин. – Для всех ты обычная участница отбора. Я поговорю с Эженом сам.

– Я не сделала ничего особенного, ваше высочество, – сказала Дайна. – Любая так поступила бы на моем месте.

И сразу же подумала, что не любая. Далеко не любая. Ее бывшая свекровь, например, просто убежала бы, дождалась взрывов и осталась единственной выжившей участницей отбора, а следовательно, и победительницей.

И потом она спокойно жила бы с этим и не просыпалась по ночам от страшных снов, в которых горит земля и небо, и умирают ни в чем не повинные девушки. Дайна в этом не сомневалась.

– Ваше высочество, а что же будет на новом этапе? – спросила Вильма.

Эжен мимолетно нахмурился, словно только сейчас вспомнил, о чем должен сказать участницам отбора.

– Новый этап – это традиционное шитье рубашки, – ответил он и уточнил: – Для меня. На это вам дается один день, завтра к полудню они должны быть готовы. Вложите в рубашку все свои силы и умения, я уверен, что вы справитесь. Я примерю рубашки и выберу тех участниц, которые пройдут на следующий этап.

Карин кивнула, видимо, для нее шитье одежды было привычным занятием. Остальные девушки нахмурились. Дайна подумала, что вряд ли они когда-либо брались за шитье рубашек.

Да и сама она слабо представляла, что нужно сделать. Да, ей дадут ткань, которую надо будет раскроить, потом сшить, и все это не снимая мерок с принца. А еще рубашку надо будет украсить вышивкой и лентами или рисунками по ткани... А если она окажется мала или велика?

Дайна сразу же сказала себе, что ей не стоит об этом волноваться. Она будет участвовать в отборе не потому, что хочет победить.

– Что ж, – хмуро проронила Иви, когда Эжен попрощался с участницами и покинул зал. – Придется вспоминать, за какой конец иглы хвататься. Я-то в основном по рыбацкому делу. А штопать сети – это не рубашку шить. Есть разница.

Донна неопределенно пожала плечами.

– Рубашка должна быть волшебной, – заметила она. – Принц недаром сказал про силы и умения. Значит, надо в нее вложить какие-то личные заклинания.

Личные заклинания? Дайна понятия не имела о том, что это вообще такое, и откуда берется. Вильма задумчиво пробежалась пальцами по татуировке на лице. Девушка выглядела озадаченной.

– Мой народ не носит рубашки, – призналась она. Девушки посмотрели на нее с искренним удивлением.

– Как? – спросила Клера. – Что же вы носите?

– Юбки. Желтые и красные юбки с разноцветными узорами, – ответила Вильма, которая сейчас была одета в самое обычное темно-зеленое платье по абсалонской моде. Ее лицо приобрело мечтательное выражение, словно она мгновенно перенеслась в родные саванны под низким синим небом. – Поэтому я понятия не имею, как мне вообще братья за задание. Жаль, что принцу Эжену не нужна юбка.

Девушки хихикнули, представив принца Эжена с обнаженным торсом и в желтой юбке с красно-синими узорами. Клера усмехнулась – вот вам и кандидатка на вылет с отбора невест. Но Карин ободряюще улынулась и сказала:

– Если хочешь, то давай шить вместе. Я тебе помогу.

Девушки посмотрели на нее как на сумасшедшую. Помогать конкурентке, когда ты по уши влюблена в принца и хочешь стать его женой? Нет, бывшая крепостная крестьянка точно рехнулась.

– С ума, что ли, сошла? – удивилась Марьен. – Это не как вчера. Тут все ясно.

Теперь уже Карин посмотрела с нескрываемым удивлением.

– А что такого-то? Я покажу, как раскроить и сшить ткань. А там уж ты, Вильма, сама решай, чем украсишь и что вложишь. Это уже твое де...

Она не договорила. Снаружи донеслись вопли – громкие, наполненные таким ужасом, словно там небо падало на землю.

– Драко-он! – проверещал голос, который показался Дайне мужским. – Дракон!

«Дракон», – повторила она и вместе с остальными девушками бросилась к окну.

Там действительно был дракон – тот самый, что сперва чуть не сожрал Дайну, а потом катал ее на спине. Она до сих пор помнила этот сладкий восторг и ужас, который нахлынул и смял всю душу в тот момент, когда ящер взмыл под облака. Теперь дракон развалился во внутреннем дворе с видом собаки, которая носилась по лугам за кроликами, а теперь вернулась домой и требует ласки от хозяина. Словно почувствовав, что Дайна смотрит на него, дракон поднял голову и произнес:

– Гам!

От его морды, золотившейся в солнечном свете, поднялось облако пара. Дракон выглядел исключительно довольным и даже счастливым.

– Не бойтесь! – прокричала Дайна, надеясь, что к ней прислушаются, и горячие головы, которых Кристиан обучал боевой магии, не успеют причинить дракону вреда. – Не трогайте его! Это мой дракон!

И бросилась из зала, надеясь, что успеет спуститься во двор до того момента, как в дракона начнут бросать огненные шары.

Дракон встретил ее таким же громогласным гамканьем, и Дайна вдруг обнаружила, что теперь из его пасти ничем не пахнет, словно он каким-то образом умудрился почистить зубы. Может, пожевал какую-нибудь траву? Она растолкала третьекурсников, которые подбрасывали на ладонях пылающие сгустки боевых заклинаний, и подбежала к дракону – тот сразу же с грохотом перевернулся на спину и разлегся с видом кота, который приглашает хозяйку почесать пузо.

– Привет. – Дайна осторожно подошла к дракону, чувствуя спиной удивленные и испуганные взгляды студентов. – Как ты?

– Гам! – довольно ответил дракон, и над его ноздрями поплыли белые струйки пара. Из глубин драконьего тела донеслось низкое урчание.

Во двор вышел Валентин – Дайна не обернулась к нему, просто всем телом ощутила, что сейчас он рядом. Да и всем испуганным студентам стало легче: все знали, что Валентин защитит их, если потребуется.

– Привет, мой хороший, – ласково повторила Дайна и села рядом с драконом. До чего же громадный! Чешуя на его животе сыто лоснилась и отливала золотом, каждая чешуйка была размером с хороший арбуз. – Как твои дела? Далеко летал?

– Гам! – сказал дракон и чуть развернулся к Дайне, словно приказывал ей все-таки взяться за дело и приласкать наконец зверя.

– Почешите ему брюхо! Они это любят, – негромко, но твердо подсказал Валентин. Кто-то из девушек ахнул.

Дайна улыбнулась и осторожно опустила ладонь на живот дракона. Погладила, чувствуя, как под пластинами чешуи неспешно движется что-то теплое, пульсирующее, живое – возможно, это тек огонь. Дракон раскинул лапы и довольно заурчал, почти замурлыкал.

– Может, ему поесть? – услышала Дайна предположение Шайло и спросила:

– Как ты, маленький? Кушать хочешь?

– Гам! – ответил дракон. Хочет ли он есть? Конечно же, и не надо задавать ему глупых вопросов. Дракон широко распахнул пасть, приглашая набросать туда еды, да побольше. Буквально через несколько секунд к дракону и Дайне подбежали два крыса, которые, пыхтя и отдуваясь, тащили огромный поднос с вареной курятиной.

Дракон заглотал курятину в один присест, довольно фыркнул и аккуратно, чтобы ничего и никого не задеть, перевернулся на живот. Дайна в очередной раз удивилась тому, как такое огромное живое существо может быть настолько элегантным – даже не в небе, а сейчас, на земле.

– Прилетай еще, – улыбнувшись, сказала она, и дракон снова фыркнул, осторожно боднул ее лбом в плечо и рванул в небо. Студенты, которые наблюдали за кормлением и чесанием пуза, боясь лишний раз вздохнуть, закричали, зааплодировали, высыпали во двор – все радовались, все махали руками дракону, и от недавнего страха не осталось и следа.

Гровир, который стоял на одном из балкончиков второго этажа с луком в руках, наконец-то опустил его и убрал стрелу с тетивы.

– Лети, – произнес он. – Теперь я тебе доверяю.

Ханвиль ненавидел Валентина всеми силами души, считал его наглым и совершенно бессовестным выскочкой и, узнав о том, что Валентин собирает внеочередное заседание академического совета с участием высшего чиновника из министерства магии, примчался в академию с такой скоростью, словно за ним гнались все бесы из преисподней.

Валентин церемонно раскланялся с ним на лестнице, но ничего не стал объяснять, лишь пригласил пройти в малый зал вместе с остальными преподавателями. Ханвиль набычился так, что даже покраснел, но высказывать свое мнение не стал.

– ...Дракон, боже мой! – Госпожа Эмилия, которая входила вместе с Хасимин в малый зал, выглядела не на шутку взволнованной. – Я видела одного в ранней юности, в горах. И тут – дракон в академии! Питомец первокурсницы, которому она чешет живот! Просто сидит и чешет, и нисколько его не боится! Кто бы мог вообще предположить такое?! Александр! Вы видели, что вытворяла ваша подопечная?

Александр важно кивнул. Все время, пока Дайна кормила и чесала дракона, он стоял за одной из колонн и подбрасывал на ладони огненный шар, готовясь бросить его в чудовище.

– Говорят, она даже летала на его спине, – сообщил он, и госпожа Эмилия ахнула.

– Вот бы тоже на нем покататься... – мечтательно промолвила Хасимин.

Ректор прошел к кафедре, и все разговоры в зале тотчас же смолкли. Кристиан сидел рядом с Александром, не поднимал головы и выглядел подавленным. Валентин чувствовал, как ему хочется напиться от стыда – вот только это мало чем поможет. Эжен сидел справа от Кристиана – ректор настоял, чтобы он принял участие в заседании, хотя брат не понимал, зачем это. Он не преподаватель, он не человек из министерства – просто брат ректора. Что ему тут делать? Растрепанный Ханвиль расположился чуть поодаль, смотрел цепко, словно пытался угадать, зачем все-таки Валентин собрал их.

И как это связано с ночными взрывами?

Валентин задумчиво провел ладонью над бумагами, которые лежали на кафедре. Счета с карандашными пометками распорядителя академии – должно быть, утром он собирал тут крыс и раздавал распоряжения. Надо будет сказать Шайло – пусть заберет свои листки.

– Итак, уважаемые коллеги, – произнес Валентин, и в груди царапнуло. «Думал ли ты, что однажды сам, по собственной воле откажешься от своей жизни? – ожил внутренний голос. – Просто возьмешь и выбросишь все, что хоть сколько-то для тебя ценно?»

Валентин кашлянул, дотронулся до груди.

– Я собрал вас здесь, чтобы сообщить очень важную информацию, – произнес он и заметил, как напрягся Кристиан. С хорошими, совестливыми людьми всегда трудно: они слишком остро чувствуют свою вину, даже если вины нет. – Сегодня ночью был предотвращен террористический акт на отборе невест. Злоумышленник подменил бомбы-хлопушки на настоящие взрывные устройства. Девушки чудом остались живы. Будь иначе, Застестье уже объявило бы войну Саалии и Абсолону из-за смерти оркувен-ани, а за ними потянулось бы и Вельское княжество, и Шанно, и все остальные. Гибель своих гражданок на крупнейшем международном мероприятии никто не простил бы. Нам очень повезло.

Лицо Хасимин испуганно дрогнуло. Александр, который сидел позади всех, выглядел напряженным и серьезным. Узкогубый рот Ханвиля дернулся в ухмылке: утром он уже знал о взрывах на отборе – такие вещи обязательно фиксирует общее магическое поле – и ехал в академию, чтобы устроить ректору невероятный по силе и глубине разнос, хотя, конечно, не предполагал, что Валентин сам подаст в отставку. От власти никто не отказывается. «Да, ты все правильно понимаешь», – подумал Валентин и продолжил:

– Я не смог остановить преступника. Не смог предсказать его действий. В связи с этим я считаю, что больше не имею права исполнять обязанности ректора академии магии. Я заявляю о своей добровольной отставке в связи с невыполнением ректорских обязанностей.

Примерно так бы написали в официальных бумагах, если бы Валентина отстраняло министерство магии, а он прекрасно понимал, что так и будет, и решил сыграть на опережение.

Взрывов на отборе невест ему никто бы не простил. Пусть его отстранили бы позже, после отбора, но отстранили бы. Лучше уйти самому.

В зале стало тихо-тихо. Валентин не увидел – услышал, как Эжен удивленно открыл и закрыл рот. Потом госпожа Эмилия сдавленно кашлянула, и Валентин, посмотрев на нее, испугался, как бы даму не хватил удар.

Ему пришлось сражаться, когда он возглавил академию. Около года Валентин доказывал преподавателям, что достоин быть их ректором – и, видит бог, это было нелегко. Ему улыбались в лицо, а за спиной говорили гадости и старательно саботировали приказы, понимая, что новый ректор никого не уволит: проще найти голоса рыб, чем новых преподавателей-магов. Но госпожа Эмилия, в отличие от остальных, приняла его сразу же. Он понравился ей примерно так, как один хороший человек может понравиться другому.

– Я останусь на посту попечителя академии, так что мы не расстанемся, – произнес Валентин, ободряюще посмотрев на побледневшую от растерянности госпожу Эмилию, которая нервно комкала в пальцах носовой платок. – Заявление о моей отставке уже передано в министерство магии и лично господину Ханвилью.

Ханвиль вздрогнул и вскочил со скамьи – лист гербовой бумаги, исписанный убористым Валентиновым почерком, лежал у него прямо под сиденьем и, судя по тонким струйкам дыма, что поднимались от букв, был очень горячим. Кто-то нервно хихикнул – чиновники из министерства магии пользовались в академии искренней народной «любовью», и подпечь им нежные места было всеобщей мечтой.

– Поскольку по академическому протоколу в случае добровольной отставки ректор сам должен назвать кандидатуру преемника, – сказал Валентин и посмотрел на Кристиана, – то я предлагаю поставить на голосование кандидатуру господина Кристиана Готто, главы отделения боевой магии. Кто «за»? Прошу поднять руки.

Тишина сделалась еще глубже. Ханвиль смотрел на Валентина так, словно не мог решить, что же сделать: вырвать ему глаза или задушить. Должность ректора академии магии – лакомый кусок. Отправляясь сюда, Ханвиль уже предполагал, что разнос Валентина за взрыв на отборе закончится его отстранением, и успел прикинуть, кому из министерских принести в зубах такой подарок, как единственная на материке академия магии.

– То есть... под-подождите, Валентин! – Начав заикаться от волнения, госпожа Эмилия поднялась со скамьи, снова села. – Как же так? Вы нас оставляете?

Валентин прикрыл глаза. Подумал, что обязательно скажет госпоже Эмили, насколько он благодарен за ее доброту и душевное тепло.

– Я вынужден это сделать, госпожа Эмилия, – ответил он. – Так как в моей жизни случилось еще кое-что.

Валентин иногда представлял, как это сделает и никогда не верил, что когда-нибудь все-таки снимет маску. Он понимал, что однажды позволит себе роскошь быть собой и не закрываться от мира и своего прошлого, но не верил в это. А потом в его привычное одиночество свежим весенним ветром ворвалась Дайна, и у Валентина появилось будущее.

И маска стала не нужна. Он больше не хотел прятаться.

Валентин провел ладонью перед лицом, и маска рассыпалась серебристыми брызгами. Какое-то время все с испуганным удивлением всматривались в его лицо – кажется, никто не мог поверить в то, что видит обычного человека на месте привычного таинственного призрака. Возможно, преподаватели академии думали, что у Валентина вообще нет лица. Наконец Хасимин улыбнулась со вполне определенным кокетством и промолвила с самой обаятельной из своих улыбок:

– Да, я вас именно таким и представляла!

– Мой отец – Леон Саалийский и Мизеанский, и прочая, и прочая, приказывает мне жениться в этом году, – произнес уже бывший ректор. Конечно, Леон не мог ему приказать то, что имело отношение к личной жизни, а не к безопасности страны, но сейчас Валентин решил все свалить на отца. Эжен встрепетул, удивленно посмотрел на брата: такого поворота он точно не ожидал. – Как вы все прекрасно знаете, ректор академии должен быть холостяком, тогда ничто не мешает ему посвящать себя науке. А семья в таких случаях это, к сожалению, отвлекающий фактор. Поэтому... кто за то, чтобы поддержать кандидатуру главы отделения боевой магии – прошу поднять руки.

– Нет! – все-таки ожил Ханвиль, который до этого рассматривал заявление Валентина об отставке примерно с таким же разумением, с каким баран смотрит на новые ворота. – Вы можете уйти в отставку, но не смеете выдвигать кандидатуру без согласования с министерством магии! Я как представитель министерства не даю разрешения на выборы!

«Конечно, не даешь, – мысленно ухмыльнулся Валентин. – Ты уже прикинул, кому притащишь такой лакомый кусочек. Но тебе остается только сидеть и слушать».

– Я имею такое право, господин Ханвиль, – равнодушно сообщил он. – Устав академии магии в данном конкретном случае выше министерских постановлений, и вы об этом прекрасно знаете.

Итак, господа, прошу вас голосовать. У нас еще четвертая пара впереди.

Ханвиля одарили весьма выразительными взглядами. В академии не любили министерских ставленников, очень четко знали, где могут настоять на своем и не собирались упускать этого своего.

Кристиан, который до этого сидел, сосредоточенно разглядывая собственные пальцы, посмотрел по сторонам – он считал, что после сегодняшних взрывов ничего хорошего его не ждет. Это ведь его обвели вокруг пальца, подменив содержимое ларца на настоящие бомбы. Какой уж тут ректорский пост – скажи спасибо, что не уволили с позором. Однако все преподаватели подняли руки, и Валентин, ободряюще улыбнувшись другу, сделал то же самое и произнес:

– Единогласно. Будем считать выборы состоявшимися. Если ни у кого больше нет вопросов, то заседание закончено. Кристиан, я введу вас в должность в течение недели.

Все кончилось. Валентин даже не предполагал, что его жизнь изменится настолько быстро. В голове сделалось холодно и звонко, как бывает, когда морозным зимним днем выйдешь на улицу и какое-то время не видишь ничего, кроме белого безмолвия. Ханвиль поднялся со скамьи и подошел к Валентину – его взгляд был полон ледяной жестокости. Будь его воля, он перегрыз бы бывшему ректору глотку прямо сейчас.

– Не думал, что вы из саалийской династии, – процедил Ханвиль.

Валентин усмехнулся, собрал забытые бумаги Шайло в аккуратную стопку.

– Об этом не надо думать, – ответил он, – это надо знать. О своих идеологических противниках я знаю все.

Ханвиль нервно дернул носом, как собака, которая почувствовала добычу, но пока не знала, что это за добыча и где она. И Валентину это не понравилось. О чутье этого сухощавого лысеющего типа, похожего на сверчка, ходили легенды. Валентин знал, что он ни к чему не сможет подкопаться, но все же ему стало тревожно на какой-то миг.

Краем глаза он заметил, как Эжен и Кристиан подходят к ним справа – Кристиан что-то заподозрил и теперь готов был прийти на выручку. Одной из его положительных черт была благодарность за сделанное добро.

– Я вам не враг, Валентин, – каким-то монотонным, гипнотизирующим тоном заметил Ханвиль. – Но рядом с вами ходит смерть. И вы затеяли опасное дело, когда взялись с ней играть.

Ханвиль никак не мог узнать, что в академии была некромантка – окутывая Дайну заклинаниями, Валентин стер все ее следы из общего магического поля. Валентин провел по шраму на подбородке и сказал:

– Я уже играл с ней. И выиграл. Желаете пообедать перед тем, как отправляться в обратный путь? У нас сегодня прекрасная баранина на обед.

– Министерство этого вам не простит. – Губы Ханвиля дрогнули в улыбке, которая не сулила его врагам ничего хорошего. – И все же будьте осторожны.

– Хорошо, – ответил Валентин, радуясь тому, что его отставка и выборы нового ректора прошли настолько быстро. Все могло бы быть совсем по-другому. – Я постараюсь.

Раскроить ткань не получилось.

Несколько минут Дайна рассматривала большие ножницы и кусок белого хлопка на своей кровати, а потом махнула рукой и решила не рисковать. Не умеешь кроить – так и незачем портить ткань. И, собрав все необходимое для шитья, принцесса отправилась в комнату Карин. Если она помогает Вильме, то, возможно, подскажет и Дайне, как быть с тканью.

– Я поговорю с Эженом, – вспомнила девушка слова Валентина. – Он выберет другую девушку, но ты дойдешь до конца отбора. В замке есть кто-то, кто хочет стравить большую часть государств материка между собой – и он не оставит участниц в покое.

– То есть тебе нужна просто некромантка? – спросила Дайна, не сводя взгляда с Валентина. Что-то безотчетное кольнуло ее в грудь. – Просто та, которая всех спасет?

Валентин тоже сел в постели. Тощий, жилистый, сильный, он показался Дайне статуей, которые вырезают из белых дубов.

- Мне нужна *ты*, - твердо сказал он. - Не забывай об этом, пожалуйста.

...В комнате Карин былолюдно. Она уже успела помочь Вильме раскроить ткань и теперь занималась своим шитьем. Шин Ю сидела в креслице - у нее не было никаких проблем с умением шить, ей просто нужна была компания. Игла так и порхала в ее руках, и по рубашке плыли красные и желтые карпы, расцветали лотосы и журавли взлетали к облакам.

- Никогда не видела, чтобы шили так быстро, - уважительно призналась Дайна. - Кажется, мне тоже нужна помощь.

- Конечно! - с улыбкой воскликнула Карин. - Давай ткань, сейчас все будет. Уже придумала, что вложишь в рубашку?

- Сшить - это не самое сложное, - хмуро заметила Вильма. Ее рубашка была почти готова. Девушка даже не дотрагивалась до иглы, та работала сама, окруженная золотистым сиянием заклинания. - Надо ведь что-то вложить. Сделать рубашку особенной.

- Я сделала традиционную вышивку Дальнего Восхода, - сообщила Шин Ю, легким прищелкиванием пальцев растворила иглу и, встряхнув, продемонстрировала всем уже готовую рубашку. - Карпы - символ богатства и долголетия. Журавли принесут на крыльях большое и здоровое потомство. По-моему, красиво. У нас такие рубашки мужчины надевают на свадьбу, а потом на годовщины.

Все кивнули. Дайна подумала, что, какой бы красивой ни была рубашка, принц не станет ее носить. Это просто очередной этап отбора невест, когда-то он показывал умения и хозяйственность претендентки, но теперь стал лишь данью традиции.

Карин тем временем раскроила ткань, протянула Дайне и посоветовала:

- Скажи «иннаммо» и щелкни пальцами, вот так. Меня старшекурсницы научили.

Дайна взяла ткань и послушно сказала:

- Иннаммо!

Над выкройкой появилось золотое сияние, и прямо из воздуха выскользнула игла и принялась проворно шить. Дайна удивленно ахнула: надо же, какое интересное и полезное чудо! Шин Ю понимающе кивнула и принялась аккуратно складывать законченную рубашку.

- Да, полезная вещь, - одобрительно кивнула она. - А то мы бы тут долго провозились.

Вильма вздохнула.

- Не буду я делать вышивку. Раскрашу в наши традиционные цвета. У нас ведь никто не вышивает, а вложить надо все-таки что-то свое.

Она расправила рубашку у себя на коленях и мягко провела над ней ладонями. Над черными пальцами засветилась сиреневая дымка, и Дайна увидела, как белоснежная ткань рубашки становится ярко-желтой, словно солнце над саванной. На мгновение ей даже почудилось, что она слышит, как трубят слоны, поют птицы в ветвях одинокой акации, раскинувшей ветви плоским зонтиком, и гортанно хрипят дудки джанга.

По желтой ткани пролегли синие полосы - дикие реки разлились под звездным небом. Вспыхнули красные штрихи и точки - Дайна поняла, что это были маки, которые расцветают по всей саванне после сезона дождей. Пятна охры разбрызгались подобием леопардовой шкуры. Вильма опустила руки, и Дайна заметила, что в ее глазах блеснут слезы. Должно быть, она унеслась душой в далекие родные земли, услышала гром барабанов, увидела розовый туман фламинго над озерами.

- Красиво... - задумчиво сказала Шин Ю. - Даже красивее, чем у меня.

Карин упала на кровать и рассмеялась.

- Ой, я даже не верю, что все это вообще есть! - радостно воскликнула она. - А тут вдруг увидела, как слоны бегут! Как наяву!

- Принц Эжен тоже это увидит, - сказала Вильма и принялась аккуратно складывать рубашку. - Но я точно знаю, что не выиграю отбор.

Все девушки посмотрели на нее с сочувствием. Игла сделала последние стежки, и на колени Дайны опустилась готовая рубашка. Чем бы украсить ее? Когда-то нянюшка пыталась научить девочку вышивке - какое занятие может быть лучше для девицы из благородной семьи? Но с тех пор прошло много лет, Дайна все успела забыть...

– Не настраивайся так, – посоветовала Шин Ю. – Зачем заранее думать о неудаче?

– Это логично, – вздохнула Вильма. – Принц Саалии никогда не женится на бывшей черной рабыне из Заюжъя. Даже на отборах невест все складывается так, что побеждает ровня. Даже если я и смогу победить, там его отец и мать костями лягут. Меня никогда не примут в его семью.

Шин Ю понимающе кивнула. Дайна прикинула и подумала, что тогда победить должна как раз она – принцесса из прежней династии, девица благородных кровей. Проблема только в том, что не нужна ей никакая победа. При мысли о минувшей ночи, которую Дайна провела в ректорской спальне, ей хотелось лишь одного – быть с любимым человеком.

Тем более теперь это стало возможным.

– Не горюй! – весело сказала Карин. – Сколько бы мы ни пробыли на отборе, нам уже дали по золотой монете. Я своим отправлю, пусть корову купят. И ты своим отправь, а то и в банк положи, на приданое или на что потом захочешь.

Вильма улыбнулась.

– У тебя очень практичный подход, – заметила она. – Везде видишь выгоду.

Карин махнула рукой.

– А у крестьян иначе не бывает, – ответила она. – Иначе не выжить. Вышью-ка я рубашку березовыми листьями по вороту. Будет аккуратно и красиво. Эх, девчата, знали бы вы, до чего же у нас возле села березы хороши! Может, когда-нибудь попадет принц в наши края, вспомнит меня...

Дайну внезапно стало знобить, хотя в комнате было тепло. Повинуясь невянтному призыву, она поднялась и какое-то время неподвижно стояла в центре комнаты, пытаясь понять, что происходит и как лучше поступить. Девушки замерли: после ночных взрывов они пристально следили за Дайной, чтобы не упустить новую опасность.

– Что случилось? – одними губами спросила Вильма. – Ты что-то чувствуешь?

– Еще один взрыв? – Карин испуганно села на кровати.

Дайна пожала плечами и едва слышно сказала:

– Давайте выйдем отсюда. И держитесь спокойно, будто ничего не происходит.

Девушки подчинились. Они вышли в коридор, и неприятное знобкое чувство, которое охватило Дайну, стало лишь сильнее. Она точно знала, что сейчас никто не умрет, что все пока в порядке, но ей с каждой минутой становилось все больше и больше не по себе.

Она пошла к лестнице: чувство сделалось маячком, который вел ее, и Дайна послушно следовала за ним.

– Господи, помоги. Что там, Дайна? Рванет, да? – испуганно спросила Карин и дотронулась сначала до лба, а потом до виска жестом призыва божьей помощи.

– Нет, – прошептала Дайна. – Но это что-то... неприятное. Плохое.

– Ведите себя естественно, – свистящим шепотом напомнила Шин Ю, и Дайна снова заметила, как шея девушки стала удлиняться.

Вильма толкнула ее в бок.

– Сама-то! На себя посмотри. У тебя шея растет!

Шин Ю зажмурилась, повела плечами, и ее шея уменьшилась. Девушки вышли к лестнице, и Карин бойко заговорила:

– Ну вот, а я ему, такая, говорю: ты зачем за мной пошел? А ну кыш до дома! И хлоп ему по заднице для скорости. Он обиделся, заворчал и ушел. А потом я вернулась из лавки, смотрю – вот дела, а мишка-то наш, оказывается, в сарае сидит, на меня обижается, что с собой не взяла. Батюшка запер его, чтоб не бегал. Это, значит, за мной другой мишка увязался, почуял, видно, на мне медвежий запах.

– И вы вот так запросто с медведями возитесь? – недоверчиво спросила Шин Ю.

У окна на одной из лестничных площадок стояли Гровир, Аделард и Петер, и Гровир показывал куда-то в окно и что-то негромко, но убедительно говорил.

Давящее чувство усилилось, а потом послышался легкий звон, словно в ее душе лопнула туго натянутая нить, и все исчезло. На Дайну нахлынула слабость – такая сильная, что она схватилась за перила и села на ступени, боясь упасть.

– Что? – Карин присела рядом, дотронулась до руки Дайны. – Что случилось?

Парни услышали шум и быстрым шагом бросились к девушкам. Гровир заглянул в лицо Дайне, взял ее за запястье и нажал – у принцессы зазвенело в ушах.

– Лучше вот так. – Аделард вынул из внутреннего кармана куртки пузырек с нюхательной солью, поднес Дайне, и отвратительная вонь взбудрила ее и прояснила разум. – Что такое?

– Душно, – ответила Дайна: она вслушивалась в себя и ничего не могла уловить. Дурное предчувствие пришло и ушло, не оставив ни следа, ни отпечатка. Может, ей просто померещилось?

Аделард улыбнулся, убрал свою соль и предложил:

– Пойдемте тогда на свежий воздух. Погода хорошая, устроим пикник в саду. А то скоро начнутся дожди, уже не погуляем.

Но они не успели выйти из замка. Стоило Дайне подняться со ступеней, как все кругом наполнил мелодичный перезвон, и в воздухе закружились сиреневые звезды. Стены словно бы расступились – или это люди стали маленькими? Высоко-высоко закружились тучи, рассеялись, открыв звездное небо, и странный голос, не мужской и не женский, проговорил:

– Ректор Валентин заявил о своей добровольной отставке. Ректор Кристиан вступил в должность. Преподаватели академии признали его единогласно. Да здравствует ректор!

Звезды осыпались на ступени, и студенты испуганно замерли, не веря в то, что услышали. Аделард растерянно провел ладонями по лицу, моментально потеряв всю свою щегольскую заносчивость, словно никак не мог взять в толк, как же можно вот так, собственноручно подписать бумаги о добровольной отставке и отказаться от власти.

– Ничего себе! – проговорила Карин. – Ну и дела!

Вильма покачала головой.

– Хлебнем мы горя с господином Кристианом, – вздохнула она. – Он никому не дает поблажек, отгулялись мы по ночам.

– Но... почему это вообще случилось? – Аделард нахмурился. – Зачем уходить в отставку с такой должности? Да и господин Кристиан... он сильный волшебник, разумеется, но не настолько, чтобы стать ректором!

Петер пожал плечами.

– Может, из-за ночного взрыва?

«Я знаю, почему он так сделал, – подумала Дайна, снова вспомнив все, что случилось с ней этой ночью, и почувствовала, как это знание придает ей сил, словно за спиной разворачивались невидимые крылья. – Я знаю».

– Я этого не ожидал.

Кристиан по-прежнему выглядел растерянным. Валентин привел его в кабинет – надо же, уже не свой! Подумав, сунулся в один из шкафчиков и достал бутылку дорогого вина. Иногда бывают такие события, которых душа не примет без крепкого сопровождения.

– Чего именно? Что коллеги тебя любят? Что тебя приняли единогласно? – Валентин ободряюще улыбнулся, свернул пробку с бутылки и, наполнив бокалы, протянул один Кристиану. Тот взял бокал и хмуро произнес:

– Я должен был почувствовать, что там настоящие бомбы. Это моя обязанность, я ведь боевой маг. А я не почувствовал...

Валентин усмехнулся.

– Так ведь все и сделано было, чтобы ты не почувствовал, – сказал он. – Даже я ничего не заподозрил.

Они выпили молча. Потом Кристиан спросил:

- Что же это за маг с такой силой, раз обвел нас обоих вокруг пальца? Если бы не твоя некромантка...

- Мы бы уже воевали, да, - закончил Валентин его фразу. - Нам повезло.

Зеркало пророчеств не обмануло. Некромантка действительно смогла спасти многих - и Валентин собирался заботиться о ней и защищать ее.

Всю жизнь и немного дольше, как говорят саалийские свадебные клятвы.

Кристиан понимающе кивнул. С искренним интересом посмотрел на Валентина - все эти годы его коллеги не переставали гадать о том, что же за физиономия скрывается под маской? И вот она, типичная для саалийцев: бледная, остроносая, ничем особенным не примечательная.

- Вы похожи с братом, - заметил Кристиан. Валентин улыбнулся.

- Мы же родственники.

- Где она может скрываться, эта сволочь? - без перехода поинтересовался Кристиан. - И зачем ему нужна война?

Валентин откинулся на спинку кресла - уже не моего, напомнил он себе - и сказал:

- Я не знаю. Об этом тоже надо подумать, Кристиан. Пойдем мотивы - найдем его.

Лицо Кристиана дрогнуло, как у хищника, который готов сомкнуть зубы на горле жертвы и захлебнуться ее кровью. За это Валентин и любил боевого мага: ему нравилась такая мгновенная и решительная готовность сражаться.

- В этом году шанныйцы впервые за много лет провели массовые военные учения. Прикупили наемников, - сообщил Валентин. - Представляешь себе этих красавцев на поле битвы?

Кристиан усмехнулся.

- Они вроде бы тяжелее помады ничего не поднимают. Хотя принц с первого курса ловкий парень. Эти его кружевные манжеты и тушь для ресниц лишь маскировка. Снат пригласил меня посмотреть, как работает подопечный, - он так двигался, я даже залюбовался.

- Лучше орка? - спросил Валентин.

Кристиан прикрыл глаза.

- Намного лучше. Я не знаю, как он тогда позволил надавать себе по заднице.

Валентин кивнул.

- Вот и про орков, кстати. Оркувены отправили своего княжича учиться магии. - Он заглянул в одну из ведомостей на столе. - И прислали очень щедрое пожертвование... я уж не говорю о личной княжеской благодарности.

Во взгляде Кристиана мелькнули золотистые искры: он видел те мешки, которые Золотые богатыри князя Шурана сгружали с повозки.

- Камни? - поинтересовался он. Валентин кивнул.

- Бериллы, сердолики и яшма. Если хочешь, загляни вечером, возьми, какие придутся по душе.

Кристиан заулыбался. Впервые с момента взрыва он по-настоящему ожил.

- Спасибо, дружище, обязательно загляну. А Гровир - отличный боец, да, - согласился Кристиан. - Такими темпами закончит учебу за два года. Я было заговорил с ним про работу на кафедре, но он отказался. Его, дескать, ждут в Застепье.

- А мой отец выделил дополнительные деньги на оборону, - произнес Валентин. - Я говорил с ним весной... он сказал, что отбор невест - самое крупное международное мероприятие. И к нему поступила информация, что есть некие силы, которые обязательно используют его, чтобы столкнуть всех нас лбами.

Кристиан понимающе качнул головой.

- Как думаешь, - спросил он, - наш преступник сейчас находится в академии или действует издали?

Валентину оставалось только развести руками. Он старательно отгонял от себя мысль о том, что в

мире есть волшебник, который способен обвести его вокруг пальца. Нет, маг, конечно, понимал, что однажды придет тот, кто будет сильнее, чем он, но не думал, что это произойдет так скоро.

– Я не знаю, – честно сказал он. – Но это человек с колоссальным магическим даром. Мы с тобой вдвоем осматривали горошины и ничего не заподозрили, он отвел нам глаза, как детям.

Валентин обновил бокалы – такое понимание тоже следовало запить.

– Тогда он может сейчас сидеть здесь, – предположил Кристиан, сделав глоток. Улыбнулся: вино ему понравилось. – А мы его не видим.

– Не может, – ободряюще произнес Валентин и кивнул в сторону двери, на крошечный желтоватый кристалл. – Это детектор жизни. Сейчас он показывает, что в кабинете два человека и что здесь нет чужой магии.

Кристиан бросил оценивающий взгляд на кристалл и довольно улыбнулся.

– Полезная вещичка, – одобрил он. – А его можно как-то обмануть?

– Нет, на наше счастье, – ответил Валентин и сделал глоток из бокала. – Кому выгодна грызня, Кристиан? Мы ведь понимаем, что настоящие организаторы всех войн обычно стоят в сторонке, смотрят и подсчитывают доход.

– Я подумаю об этом, – твердо сказал Кристиан и, сделав паузу, добавил: – И знаешь... я сделаю все, чтобы ты не пожалел о том, что предложил меня в ректоры. Я ценю твое доверие и не разочарую.

Валентин кивнул, чувствуя, как в душе поднимается волна тепла и надежды. Сейчас – да и потом, и всегда – ему нужен был именно такой человек, как Кристиан: сильный, решительный, готовый сражаться и побеждать.

– Я знаю, дружище, – ответил он. – Мы победим.

Потом Кристиан покинул кабинет и отправился на первое собрание с преподавателями, а Валентин прошел к окну и задумчиво посмотрел на внутренний сад. Там, где стояли кровати участниц отбора, до сих пор трудились крысы: выпалывали выгоревшую траву, срезали пострадавшие ветви и листья, опрыскивали яблони восстановительным зельем. Валентину казалось, что он чувствует на себе чужой взгляд – спокойный, испытующий, взгляд человека, который знает, чего хочет и как этого добиться.

Маг был для него мошкой – не надоедливой, но интересной. Незнакомец смотрел на бывшего ректора со спокойной улыбкой естествоиспытателя и думал, как Валентин отреагирует на очередной удар.

«Кто ты? – мысленно спросил Валентин. – Зачем тебе нужна война всех со всеми? Какую выгоду ты получишь? Или ты хочешь отомстить за что-то?»

Ему, разумеется, не ответили. Кабинет ректора был полностью изолирован от любого магического воздействия со стороны. Даже ощущение взгляда постепенно растаяло, и Валентин не мог сказать точно, что оно ему не померещилось.

«Или во всем виноват только я? – подумал Валентин. – И кто-то захотел меня сбросить с вершины башни, унижить, лишить всего, что я имел, что было мне дорого? И все остальное – все войны мира, все горе мира уже не имеют значения? Или все мы ошибаемся, и не будет никаких войн, и наш таинственный некто добивается совсем другого?»

Несмотря на то что у могущественных людей есть множество не менее могущественных врагов, Валентин умудрился жить так, чтобы этих врагов не заводить. Да, у него были недруги, да, у него были конкуренты и соперники, и тот же Ханвиль с удовольствием отрезал бы себе ухо, лишь бы увидеть позор и крах Валентина. Но никто никогда не доходил до интриг, которые могли закончиться войной.

«Так кто ты?» – подумал Валентин.

Скрипнула дверь, словно его таинственный некто пришел, чтобы дать ему ответы на все вопросы. Валентин обернулся и никого не увидел – зато кристалл над дверью налился тревожным сиреневым свечением – в кабинет вошел еще один человек, окутанный магией. Валентин не стал задавать вопросов, просто швырнул в сторону двери горсть парализующих заклинаний. Он не собирался поступать иначе с тем, кто входит к нему невидимым и, разумеется, вооруженным.

Маг увидел, как заклинания ударили в вошедшего, на несколько секунд проявив сверкающий огненный силуэт человеческого тела. А потом Валентина вдруг обдало холодом, и заклинания

отразились от пылающей высокой фигуры, налились новой, уже чужой силой и ударили его в грудь.

Боль была такой, что на мгновение перед глазами Валентина сомкнулась черная пелена, а потом он будто бы увидел себя со стороны. Вот человек с длинными белыми волосами покачивается и неуклюже падает на ковер, как марионетка, у которой кукловод обрезал ниточки одним движением ножниц. Вот огненное существо идет к нему неторопливым шагом уверенного в своем праве человека.

Он сделает все, что считает нужным. Валентин его не остановит, потому что рядом с ним уже встала смерть.

«Прочь», – только и смог подумать Валентин. Пламенный человек присел рядом с ним на корточки и прикоснулся к его лицу.

И вот тогда стало совсем темно.

– И мягко проводим черту над руной... Да, вот так, молодцы. На первом этапе работы с рунами нельзя торопиться. Это потом вы будете их чертить на лету, сейчас надо действовать не спеша.

Рунознание понравилось Дайне. Первокурсники сидели над листами бумаги, кисти ныряли в пузырьки с тушью, а потом скользили по белому, и было в этом что-то очень умиротворяющее, причем настолько, что Гровир, который сидел рядом с Дайной, уже начал клевать носом. Первой руной, с которой познакомились студенты, была Авин – руна здоровья. Дайна провела черту, и Хасимин похлопала в ладоши и приказала:

– Так, теперь откладываем кисти. Поднимите руку ладонью вверх! – Хасимин тоже понравилась Дайне, она была очень живой и энергичной, и от нее так и веяло какой-то доброй силой. – Да, правильно. Петер, полностью выпрямите пальцы... вот так, хорошо. И теперь произносим слово, которое оживляет руну. Сао!

– Сао! – хором сказали первокурсники, и Дайна с изумленным восторгом увидела, как ее руна наливается золотом, оживает, подрагивает, будто хочет вспорхнуть с листа. В воздухе отчетливо повеяло запахом жасмина. Теперь руна стала не просто закорючками на бумаге, а чем-то настоящим, способным помочь. Аделард осторожно втянул носом воздух, и Дайна услышала, как он негромко произнес:

– Бакерийский жасмин. Удивительно.

Гровир довольно улыбнулся: его руна отливала зеленым. Хасимин посмотрела на его лист и сказала:

– У вас много внутренней энергии, Гровир, это хорошо... Ой!

Лист, что лежал перед Петером, вспыхнул и рассыпался серебристым пеплом. Парень, выглядевший сконфуженным, опустил голову. Хасимин ободряюще улыбнулась:

– Вам нужно получше сосредоточиться, Петер. И все обязательно получится. Все поняли? Чертим руну, потом произносим слово оживления. А теперь берите новый лист, будем знакомиться с руной восстановления энергии. Она вам пригодится после индивидуальных занятий с куратором.

Дайна послушно отложила лист с руной, взяла другой и вдруг почувствовала...

Под ногами дрогнул пол. На мгновение Дайне показалось, что ее окутало золотым пламенем, но огонь почему-то не обжигал, он был ледяным, он проникал в Дайну и подчинял себе. Сквозь ревущую стену огня Дайна видела свой стол с листами бумаги и чернильницей, однокурсников, удивленную Хасимин и понимала, что это снова смерть.

Близкая, спокойная.

Принимающая разный вид, но одинаково безжалостная.

Смерть приблизилась, положила руку на плечо Дайны и беззвучно сказала: вот я и пришла. Здравствуй, некромантка. Успела соскучиться? Нам с тобой есть чем заняться.

– Дайна, что с вами? – испуганно спросила Хасимин. Студенты смотрели на Дайну с таким же страхом, который почему-то показался ей смешным. Возможно, потому что смерть всегда смеялась над людскими страхами.

– Все хорошо? – Гровир заметно побледнел: он все понял и теперь думал лишь о том, что делать и как помочь.

Дайна как-то смогла прочитывать его обрывистые мысли: пойдём вместе, что бы ни случилось... я прикрою... пойдём.

– Простите, – прошептала она и, схватив Гровира за запястье, поднялась из-за парты. – Простите, там господин ректор...

Слова сами соскользнули с языка, и Дайну обдало знобящим ужасом. Валентин! Что-то страшное случилось с Валентином в эту минуту.

Смерть пришла как раз за ним, и душа Дайны рванулась вперед – спасти, закрыть, вытянуть из распахнутой клыкастой пасти.

Она выбежала из кабинета рунознания, не чувствуя ни пола, ни ног, рванулась к лестнице, едва не сбив какого-то крыса, который с кряхтением и пыхтением тащил коробку чуть ли не с себя ростом.

– Что с ректором? – Гровир бежал за Дайной, и она знала – он перепуган до смерти. Его страх вплетался в пламя далеким грохотом боевых барабанов, топотом копыт, от которого гудит степь.

– Умирает, – коротко ответила Дайна, взбегая по лестнице. Вот преподавательские кабинеты, вот дверь в ректорат, вот...

Сначала она ничего не видела, кроме преподавательских спин. Потом, кажется, Александр придержал Дайну за руку, что-то сказал, вроде бы запрещал ей идти или смотреть. Потом впереди мелькнули растрепанные белые волосы, и крысы кого-то медленно понесли мимо Дайны – знакомая рука свесилась с носилок тяжело, безжизненно.

– Отойдите, – донеслось до нее сквозь туман, заполнивший уши, и тогда Дайна сразу все поняла.

Смерть Валентина она восприняла как удар копьем в грудь – резкий, разламывающий кости, сминаящий. Дайна оттолкнула кого-то, кажется, плачущую госпожу Эмилию, и, почти рухнув рядом с Валентином, схватила его за руку – еще теплую, но уже неживую.

Кажется, Дайну затрясло в ознобе. Кажется, сердце на мгновение остановилось. Потом она вдруг увидела всех со стороны, словно ужас и боль потери выбили ее душу из тела – и эта рыдающая девушка рядом с телом на носилках показалась Дайне чужой.

«Невозможно, – подумала она, – Валентин не мог умереть. Он не мог оставить меня одну. Он не ушел бы».

Рука в ее руках становилась все тяжелее. Вбежал Эжен – и замер, словно его тоже ударили копьем в грудь.

– Дайна, – окликнул Гровир, который тоже всхлипывал, нервно проводя ладонью по лицу.

Александр наклонился было, попробовал поднять Дайну – и она почувствовала общий страх и недоумение. С чего бы первокурснице так убиваться над ректором?

Глупые, разве они знали? Разве они могли понять, что сейчас жизнь уходила и из Дайны тоже? Ведь если Валентина больше нет, то ей-то зачем оставаться?

Что она будет делать одна? Как она будет жить без него?

– Оставьте ее. – Кристиан сориентировался сразу же; только потом Дайна поняла: он был одним из немногих, кто знал правду о том, что она некромантка. – Выйдите. Быстро, быстро!

Никто не стал с ним спорить.

Девушка не заметила, как кабинет ректора опустел: вроде бы только что здесь толпились люди, тоненько всхлипывали крысы и было почти невозможно дышать – и вот в распахнутое окно врывается свежий ветер, носилки с Валентином лежат на полу, рядом на коленях стоит Эжен, и его лицо дрожит и наливается красным. Кристиан наклонился к Дайне, дотронулся до ее плеча.

– Чем вам помочь, ваше высочество? – спросил он.

Дайна всхлипнула.

– Я не знаю... – прошептала девушка. – Что мне делать?

Она и правда не знала. Когда Дайна оживляла Гровира, то все произошло будто бы само по себе. Та сила, которая наполнила ее после развода, просто все взяла в свои руки.

«Вернись, – только и смогла подумать Дайна. – Пожалуйста, Валентин, вернись ко мне. Я ведь не

смогу без тебя, я не справлюсь. Валентин, пожалуйста».

Вспомнилась ночь, которую они провели в гостинице, – тогда Дайна испытывала страх, замешанный на разочаровании и тоске, который потом растаял, сменившись теплом и надеждой. Той ночью для них с Валентином началась новая жизнь – и они, конечно, этого не поняли. А теперь не будет ничего, ни надежды, ни страха. Ничего.

Потому что если Валентин умрет, то и Дайны не станет тоже.

– Вернись, – прошептала она. Осунувшееся бледное лицо Валентина смазлось, расплылось влажной акварелью. На глаза набежали слезы.

Когда холодеющие пальцы Валентина дрогнули в ее руках, Дайна на какой-то миг лишилась чувств. Опомнившись, она увидела, что Валентин открыл глаза и мутным невидящим взглядом уставился куда-то вверх.

Валентин казался чужим, словно смерть что-то забрала у него на память. Но он был жив – и Дайна позволила себе расплакаться.

– Ты жив, – прошептала она, дотронулась до его щеки, не заботясь о том, что об этом подумают Кристиан и Эжен. Сейчас Дайна имела на это право, сейчас больше ничего не имело значения. Слепой взгляд скользнул по ее лицу, и Валентин с болезненной гримасой повел головой, отстраняясь от ее руки.

– Как ты? – спросил Эжен, каким-то детским жестом погладив брата по лбу и волосам. – Что с тобой случилось, ты помнишь?

Валентин зажмурился, снова открыл глаза – Дайне казалось, что он пытается опомниться и не может. Из коридора донесся чей-то возглас облегчения. Что, интересно, будут говорить уже сегодня о Дайне и ректоре? Какие сплетни побегут по академии?

Это было не важно. Это не имело значения.

– Нет, – хрипло откликнулся Валентин. – Ты... мой брат.

– Да. – Эжен заглядывал в лицо брата и с каждой секундой его испуг и растерянность росли и росли. – Я твой брат, Эжен. Мы в академии магии. Помнишь?

– Нет, – прошептал Валентин, слепой взгляд снова скользнул по Дайне, и она с ужасом поняла, что Валентин не узнает ее. Смотрит, и вид заплаканной первокурсницы ни о чем ему не говорит. Просто ревушая девчонка, которая ни с того ни с сего решила до него дотронуться. – Меня что-то ударило.

– Тебя пытались убить. – Кристиан провел ладонью над его головой, и воздух наполнился звонким треском серебристых молний. – Вот, остаточная пыль заклинания. Огненный кулак, надо же... Давно его не видел.

Валентин прикрыл глаза, понимающе кивнул.

– Помогите мне встать, – попросил он и, когда Эжен и Кристиан подняли его и усадили в кресло, поинтересовался, не глядя на Дайну: – Откуда здесь... взялась некромантка?

Копье еще глубже погрузилось в грудь Дайны – Валентин положил на него руки и с усилием ввинтил в ее тело. Воздух скомкался в горле, сердце нервно заколотилось.

Он не помнит? Он совсем ее не помнит?

– Это ее высочество Дайна Девлет, твоя студентка с первого курса, – напомнил Кристиан. Посмотрел на Дайну, сделал успокаивающий жест правой рукой: не бойся, такое бывает, он просто еще не оправился от удара. – Мы прикрываем ее от инквизиции, она работает с безопасностью отбора невест.

Валентин кивнул. Устало прикрыл глаза.

– Она помогла тебе вернуться, – добавил Кристиан, и Дайна ощутила обжигающее прикосновение благодарности. Валентин не узнавал ее – никогда прежде она не чувствовала себя настолько одинокой, ненужной, лишней, даже в тот день, когда свекровь и Кендрик выбросили ее из своей жизни.

– Благодарю вас, ваше высочество. – Дайна не слышала слов, настолько тихо говорил Валентин: прочитала по губам. – А пока оставьте нас.

Дайна вышла в коридор, не чувствуя под собой пола. Собственное тело сделалось каким-то

неповоротливым и чужим. Она даже не сразу поняла, что кто-то придержал ее за руку.

– Что там?

Дайна обернулась, увидела встревоженную госпожу Эмилию, остальных преподавателей, толпу студентов. Все смотрели на нее, все ждали ее ответа.

И что она могла сказать? Что человек, который обнимал ее минувшей ночью, который отказался от всего ради возможности любить и не скрывать свою любовь, сейчас смотрит на Дайну, не узнавая? Что это страшнее и горше смерти?

– Он жив, – ответила Дайна, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Он жив, все хорошо. С ним его высочество Эжен и господин Кристиан...

Голос сорвался. Гровир обнял ее, Дайна уткнулась лбом в его плечо и поняла, что у нее нет сил, чтобы плакать. Кажется, она и жить-то уже не может.

– Все слышали? – звонко сказала госпожа Эмилия. – Все хорошо, ситуация под контролем. Можете расходиться, незачем тут топтаться. А вы, дорогая, – промолвила она уже тише и снова дотронулась до руки Дайны, – следуйте за мной, пожалуйста. Александр, вы тоже! Мне понадобится ваша помощь.

Куратор понимающе кивнул, и госпожа Эмилия решительно направилась по коридору. Дайна и Гровир поплелись за ней.

Глава 7

Лицо врага

Кабинет госпожи Эмилии располагался в самом конце коридора. Дайна вошла и на какое-то мгновение растерялась оттого, сколько вещей поместилось в такой маленькой комнате. Были здесь и стопки старинных книг, и метелочки пестрых трав и цветов под потолком, и свечи всех форм и размеров, и птичий череп, который таращил глаза с каминной полки и даже аккуратные пирамиды цветных порошков, от которых едва уловимо пахло карамелью. Был даже портрет какого-то древнего философа, дремавшего в кресле с книгой в руке: неуловимый ветер шевелил страницы, глаза философа двигались под веками. В кабинете было холодно – госпожа Эмилия бросила пылающий шарик в камин и, когда в нем весело затрещало пламя, сказала:

– Дорогая, здесь, в академии, вы среди друзей, и вам нечего бояться. Вы мне верите?

Дайна кивнула. Гровир тоже кивнул, хотя его никто не спрашивал.

– Конечно, – ответила принцесса. – Как я могу вам не верить?

Госпожа Эмилия продолжила:

– Дайна, сейчас я хочу услышать от вас правду.

У девушки заledenели руки. Она выпрямила спину, стараясь держаться максимально спокойно и уверенно, хотя ощущение опасности так и звенело в ней. Госпожа Эмилия могла казаться милой пожилой дамой, любительницей варенья, кружевных салфеток и прогулок в парке с собачкой, но все это было лишь декорациями, за которыми скрывалась матерая ведьма. Должно быть, гранд-мастер Баэрн многое отдал бы за то, чтобы пообщаться с ней в допросной – да руки были коротки.

И эта ведьма не собирается церемониться с Дайной. Она узнает все, что ей нужно.

Александр закрыл дверь. Встал так, чтобы отрезать Дайне и Гровиру любые возможности к отступлению.

– Я достаточно опытна, чтобы отличить мертвого человека от живого, даже если он умер несколько мгновений назад, – продолжала госпожа Эмилия. – Нюансы в ауре, общий вид лица и тела – все это говорило о том, что наш несчастный ректор убит. Огненный кулак, скорее всего... Вы некромантка, дорогая? Вы его вернули из-за грани смерти?

Дайна не обладала большим жизненным опытом, но понимала, что в таких ситуациях следует отрицать все, вплоть до собственного имени. В этой комнате у нее не было друзей, кроме Гровира.

– Нет, конечно, – спокойно ответила она. Не добавить ли в голос возмущения? Нет, пожалуй, не стоит. – Господин Валентин какое-то время просто лежал, а потом открыл глаза. Он жив, и я ничего с ним не делала. Просто очень испугалась, что случилась беда.

Александр довольно улыбнулся.

– Мы этому очень рады, – искренне сказал он. – И я поддержу коллегу, вы действительно среди друзей. Мы вам не угрожаем и не запугиваем. Но, Дайна, нам нужна правда.

Гровир мрачно засопел. Дайна чувствовала, как ему хочется броситься на защиту сестры своей крови, но он понимал, что сейчас лучше постоять молча.

– Я не некромантка, – уверенно сказала Дайна. – Будь иначе, меня бы уже забрала инквизиция. А гранд-мастер Баэрн видел меня, написал господину Валентину о нашей встрече и счел, что я неинтересна для его ведомства. Как думаете, он отпустил бы меня, если бы я была некроманткой? Ой, вряд ли!

Горло сдавило. Валентин сейчас был не один, и Дайна знала, что ему помогут, что все наладится, – но воспоминание о том, как он смотрел на нее и не узнавал, причиняло ей жгучую боль.

Госпожа Эмилия кивнула, словно ожидала именно такой ответ.

– Александр, мне понадобится ваша помощь, – сказала она и взяла с камина тонкую палочку с богато украшенной самоцветами ручкой.

Гровир тотчас же встал между Дайной и преподавательницей и заявил:

– Госпожа Эмилия, при всем уважении я не позволю вам обидеть сестру моей крови. Я буду ее защищать... даже от вас.

Госпожа Эмилия выразительно подняла глаза к потолку.

– Успокойтесь, юноша! – воскликнула она. – Никто ее не обидит, но нам нужна правда. Ради безопасности академии и самой Дайны.

– Хорошо, – негромко сказала Дайна, понимая, что сейчас дело может пойти слишком далеко. Эти люди способны извлечь из них правду клещами, а когда дело доходит до клещей, то молчать уже невозможно. – Да, я некромантка. Господин Валентин прикрывал меня от инквизиции своими заклинаниями. Именно поэтому я спасла девушек, когда на отборе все взорвалось. Я проснулась оттого, что почувствовала смерть. И сейчас убежала с лекции, потому что смерть снова была рядом.

Госпожа Эмилия улыбнулась и вернула палочку на место. Дайна вздохнула с облегчением. Ей не хотелось узнавать, на что именно способна эта палочка в умелых руках.

– Вы, должно быть, не знаете об этом, – сказала госпожа Эмилия, – но личные заклинания мага рассеиваются после его смерти. Когда Валентина убили, то чары, которыми он вас укрыл, развеялись. Вы некромантка, Дайна, сейчас мы с вашим куратором это прекрасно видим.

Дайна машинально приложила руки к животу. Они все видят? Значит, и инквизиция почувствует. Возможно, гранд-мастер Баэрт или кто-то из его коллег уже въезжает в замок, чтобы устроить сожжение некромантки.

– И что вы собираетесь делать? – спросила Дайна и не узнала собственный голос. Так мог бы говорить страх за свою жизнь.

– Я же говорю, вы у друзей, – сказал Александр. – Мы прикроем вас снова. Всем остальным скажем, что наш ректор... ну, то есть уже бывший ректор просто был без сознания после Огненного кулака. А ваш друг, кстати... Тоже воскрешенный?

Гровир с достоинством кивнул.

– Сестра моей крови спасла меня, когда проявилась Мировая нить. Одно из чудовищ ударило меня по спине, – ответил он.

Госпожа Эмилия ахнула, покачала головой.

– Да, это заметно, если всмотреться в вашу ауру, – промолвила она. – Гровир, постарайтесь несколько дней не волноваться, попейте успокоительное. Чем ровнее ваше состояние, тем быстрее растают эти нити.

– Благодарю вас за заботу, – сказал Гровир и поклонился госпоже Эмили. – Но кто мог убить господина ректора?

Александр пожал плечами.

– Наверное, тот же, кто покушался на девушек на отборе, – ответил он и добавил: – По большому счету, его следует отменить. Пусть принц Эжен просто выберет кого-нибудь из участниц, так было бы намного безопаснее для всех.

– К сожалению, это не нам решать. – Госпожа Эмилия взяла со стола маленький сиреневый шар на подставке и, всмотревшись в его туманную глубину, довольно заявила: – Отлично, некромантка еще не проявилась в магическом поле! Мы успеем ее прикрыть от инквизиции!

Дайна усмехнулась.

– Вам следовало бы отдать меня, а не прятать, – сказала она. – Так ведь должны поступать законопослушные волшебники?

Госпожа Эмилия кивнула, и Дайну снова обдало холодом.

– Да, мы законопослушные волшебники, – ответила она. – Но мы не дураки и не предатели. А отдавать на верную смерть ту, которая спасла дюжину людей... Это было бы подло.

Александр рассмеялся и, приобняв Дайну за плечи, произнес:

– К тому же все мы недолюбливаем инквизицию. Садитесь-ка вот сюда. – Мягко подтолкнув Дайну к изящному высокому стулу, он обернулся к Гровиру. – А вы, юноша, принесите вон тот металлический ящик. Будете ассистировать.

Гровир послушно вытащил ящик из угла – в нем были пузырьки с золотистой жидкостью, которые лежали в бархатных гнездах. Дайна удивленно заметила, что пузырьки шевелятся, словно содержимое заставляет их приплясывать на месте. Госпожа Эмилия заглянула Дайне в глаза,

удовлетворенно кивнула и спросила:

– Так это на вас Валентин собрался жениться?

Жениться? Дайна едва не упала со стула. Конечно, она всем сердцем желала бы этого, да и кто не хочет выйти замуж за любимого?

Но теперь Валентин не узнавал ее. Он смотрел на Дайну, и в его глазах была лишь холодная пустота.

– Жениться? – переспросила Дайна.

Госпожа Эмилия вынула один из пузырьков, открыла и проворно закапала несколько капель в глаза Дайне. Все заволочло золотым туманом, словно Мировая нить проявилась прямо в кабинете.

Они никогда не поженятся. Дайна вернула Валентина в мир живых, но он потерял свою любовь к ней в стране мертвых.

Может, поэтому некроманты прокляты с начала времен? Потому что мертвые не возвращаются просто так? И плата, которую они отдают за свое возвращение, намного больше жизни?

– Да, он сказал об этом на совете. – Пальцы госпожи Эмилии легли на голову Дайны, ввинтились в волосы, и кабинет мягко поплыл куда-то в сторону, утопая в золотом тумане. – Его величество Леон приказывает ему вступить в брак, поэтому он не может оставаться на посту ректора.

Даже так... Валентин готов был жениться, они любили друг друга, и у Дайны могла бы наконец-то появиться настоящая семья, а не мираж. Но кто-то пришел с Огненным кулаком, и все кончилось.

– Я люблю его. Люблю, но он не узнал меня, когда вернулся, – призналась Дайна и с искренним удивлением поняла, что в глазах госпожи Эмилии заблестели слезы. Она их не видела в золотом мареве – просто почувствовала, что преподавательница тронута до глубины души. Валентин был для нее другом, почти сыном, и она искренне надеялась на то, что все наладится.

– Мы еще погуляем на вашей свадьбе, Дайна, – пообещала госпожа Эмилия, – и клянусь, я напьюсь впервые с войны за Файнские острова. А сейчас держитесь. Надо потерпеть, моя дорогая.

И золотое марево налилось тьмой.

Валентин окончательно пришел в себя вечером.

Кристиан настоял на постельном режиме, и из кабинета пострадавшего отнесли в спальню. Он говорил, что может пойти сам, но Эжен посмотрел на младшего брата так, что Валентин счел за лучшее замолчать.

Принц никогда не использовал бранных слов. Он умел выразительно смотреть. Валентин плохо помнил брата, но о силе его взгляда знал точно.

Студенты и преподаватели, которые толпились возле входа в ректорат, закричали и зааплодировали, увидев Валентина живым. Он поднял руку, приветствуя их, сумел выдавить из себя улыбку и закрыл глаза.

Заплаканная девчонка успела куда-то убежать. Валентину сделалось не по себе.

Он и правда не помнил, кто она такая. Но по выражению лица, по отчаянному взгляду карих глаз было ясно, что они близки. Валентин пробовал вспомнить, и голова сразу же начинала наливаться болью и туманом.

Он очнулся после заката и не сразу понял, где находится. Слишком высоко был потолок, слишком далеко были окна. Потом проморгался, узнал свою спальню и вспомнил: золото рассветного солнца мягко заливает кровать, Дайна сидит среди простыней и смотрит на него с любовью, разрывающей сердце. И то, что поднималось в ту минуту в его душе навстречу Дайне, было сильнее любой магии, сильнее смерти и жизни.

«Вот, значит, в чем дело, – подумал Валентин. – Мы любим друг друга».

Именно поэтому она была настолько потрясена тем, что ее не узнают. Валентин подумал, что следует извиниться. В конце концов, девушка ни в чем не виновата.

– Ваш господин Шайло сказал мне, что девушки уже сдали рубашки, – услышал он негромкий голос брата. – Даже не хочется их оценивать, кого-то отсеивать. Не хочется их обижать.

«Отбор невест для Эжена», – мысль была вялой и ленивой, она плавала в голове, как соринка в чашке чая. Мелькнуло: отец, взрывы в саду, какая-то тварь, которая хочет все разрушить.

Вспомнился огненный силуэт и заклинания, которые отразились от него и выбили Валентина из жизни.

– Придется это сделать, – ответил Кристиан. – Но думаю, если вы как-то наградите их, девушки не обидятся.

Они сидели невообразимо далеко, в каминной части, которая была отделена от спальни тяжелой портьерой. Валентин с теплом подумал о брате и Кристиане. Волнуются за него, не уходят.

Сам себе он казался чужим, словно огненный человек вырвал из его души что-то очень важное. Если Кристиан прав и Валентин действительно умер, то, может быть, смерть все-таки присвоила себе что-то? Не отпустила свою жертву просто так?

Голова наливалась болью.

– Вы не знаете, как там Дайна? – спросил Эжен. – Я хотел поговорить с ней, поблагодарить за брата. Огненный кулак – страшная вещь...

– Это был не Огненный кулак, – произнес Валентин. – Это мои личные заклинания. Он их отразил, меня...

Он хотел было сказать «убило» – и не смог. Это было слишком жутко. Это было неправильно.

Но его заклинания действовали именно так, они убивали. Валентин и бросил их потому, что собирался уничтожить этого невидимку.

Портьера зашуршала, и маг увидел Эжена и Кристиана – оба взволнованны, оба испуганны. Эжен подошел, присел на край кровати, заглянул в лицо. Сразу же мелькнула картинка: вот пятилетний Валентин в своей комнате, едва дышит после того, как катался на коньках и рухнул в прорубь – и вот Эжен поит его с ложечки чаем с целебной листвинкой и уговаривает поправляться, и обещает отдать свою саблю, барабан и даже щенка – любимого, выпрошенного у отца со слезами, криками и валянием по полу.

Он не обманул. Когда Валентин поправился, Эжен действительно отдал ему все обещанное. Щенка Валентин не взял – он прекрасно понимал, насколько смешной большеротый бульдог дорог брату.

– Как ты? – с тревогой спросил Эжен.

Откуда ни возьмись появился высокий хрустальный бокал с оранжевым зельем восстановления сил, которое воняло так, что слезы выступали.

– Лучше, – ответил Валентин, послушно сделал глоток и почувствовал, что слабость отступает. – Это был не человек.

Кристиан вопросительно поднял бровь.

– А кто?

– Слепок ауры, – сказал Валентин. – Мои заклинания взламывают любую защиту, но такие слепки вступают с ними в конфликт, идет отдача... – В горле запершило, и Эжен снова поднес бокал к его губам.

Память прояснялась. Сквозь болотный туман проступали воспоминания. Вот они с Дайной сидят на веранде провинциального ресторанчика, и она делает свой выбор. Вот дракон летит над академией. Вот...

– Это похоже на отвлекалочку, – нахмурился Кристиан. – Вся академия толпится у ректората, все за тебя переживают. Кто-то думает, что это я тебя убрал, потому что последним выходил из твоего кабинета. А в это время наш друг спокойно делает свое дело за нашими спинами.

Лицо Эжена стало тяжелым, нижняя челюсть выдвинулась вперед – кажется, он понял.

– Рубашки, – произнес принц. – По традиции я должен их примерить.

Валентин кивнул:

– Он добавил в них сюрпризы. Которые замкнуты на тебя и сработают, когда их наденешь именно ты.

В спальне воцарилось молчание. Валентин подумал о том, где сейчас может быть Дайна. Если он умирал, то его заклинания, которые укутывали девушку, уже растаяли.

Это было плохо. Очень плохо.

– И что мы будем делать? – спросил Эжен и, поевшись, признался: – Я не хотел бы ни взорваться, ни сгореть.

– Я и не позволю, – заверил его Валентин и перевел взгляд на Кристиана. – Я, помнится, предложил тебе посмотреть камни оркувенов.

В горле стало першить, а виски вновь налились звенящей болью. Эжен понял, что брату становится хуже, и снова поднес ему бокал с зельем.

– Сейчас мне не до камней, честно говоря, – хмуро признался Кристиан.

Валентин понимающе кивнул.

– Отбери сердолики покрупнее, – сказал он. – Я сделаю из них обманку. Она будет надевать рубашки, и Эжен не пострадает.

Брат вздохнул с облегчением. Кристиан улыбнулся, и Валентин с неожиданно теплым чувством подумал о том, как рад, что они сейчас здесь, с ним.

– Должно получиться, – с плохо скрываемой радостью проговорил Кристиан и вдруг рассмеялся: – Никогда бы не поверил, что стану ректором при таких обстоятельствах!

На том решили разойтись. Когда Кристиан вышел, Валентин придержал брата за руку и попросил:

– Пригласи ко мне Дайну. Я так и не поблагодарил ее.

Эжен улыбнулся той счастливой улыбкой, которая не покидала его в давние дни юности.

– Отец и правда приказал тебе жениться? – поинтересовался он.

Валентин прикрыл глаза, отрицательно качнул головой.

– Он не может мне приказывать, ты же понимаешь. Жениться – это мое и только мое желание.

Эжен радостно сжал его руку, и Валентин понял, как много потерял за те годы, которые провел вдали от дома и родных, пряча свою боль и тоску за маской.

Ему очень не хватало этого семейного тепла. Он и сам не знал, что мог настолько соскучиться по братьям, по саалийскому дворцу, даже по Леону, которого видел лишь урывками.

– Дайна – хорошая девушка, – одобительно произнес Эжен. – Вы оба непременно будете счастливы. В общем... – Он замялся, почесал кончик носа. – Я одобряю твой выбор. И не надо на меня так смотреть! – рассмеялся он. – Я же видел, каким взглядом ты ее провожал.

Валентин тоже рассмеялся. Так всегда было: он ничего не мог скрыть от Эжена, да и брат не сумел бы спрятать от него свои чувства. Валентину подумалось, что он окончательно вернулся к жизни только сейчас.

– Тогда сыграем две свадьбы в один день, – сказал он.

Эжен кивнул и добавил:

– Отец будет рад.

Дайна шла в покои Валентина, и звенящая боль, поселившаяся в ее груди, становилась все сильнее. А если он посмотрит на нее тем чужим взглядом и скажет что-нибудь очень вежливое и холодное?

«Ваше высочество, я искренне благодарен вам за то, что вы меня воскресили, – и добавит нечто совсем невыносимое вроде: – Все экзамены для вас отменяются».

Дайна решила, что тогда умрет. Просто упадет и больше не поднимется.

После того как госпожа Эмилия и Александр закончили укрывать Дайну заклинаниями, она несколько часов пролежала в своей кровати, пытаясь опомниться. Ощущение было таким, словно огромный паук опутал ее своей паутиной – Дайна почти видела, как над ее телом золотятся толстые гладкие нити. Постепенно они растаяли, чувство неудобства ушло, и к Дайне вернулась тоска.

Потом прибежала одна из крыс с просьбой зайти к господину Валентину, и Дайна ожила.

В камине ярко горел огонь. Валентин сидел в кресле, смотрел, как пламя лижет дрова, и весь его вид говорил о том, что он еще очень слаб. Дайна бесшумно прошла к камину и, чувствуя, что похожа на служанку или просительницу перед знатым лордом, негромко сказала:

– Добрый вечер.

От картины донесся шум моря, и Дайна уловила запах соли и водорослей. Почему Валентин выбрал именно это полотно? Может, оно напоминает ему о родных краях, о белых меловых утесах Саалии?

Валентин улыбнулся, указал на соседнее кресло, и Дайна послушно села, не в силах отвести взгляда от его лица. Он осунулся, глаза запали, и тот огонек, который Дайна всегда видела в их глубине, сейчас еле-еле тлел.

Но Валентин жив. Дайна смогла спасти его. Что могло быть важнее этого? Пусть он ее не вспомнил, это не имело значения. Он жив – и Дайна сможет смотреть на него, жить в одном замке, дышать одним воздухом, и этого будет достаточно.

Господин Бундо был прав: любовь это не чувство собственности, а желание счастья тому, кого любишь. Только сейчас Дайна поняла и приняла его правоту.

– Я тебя люблю, – едва слышно прошепестел голос Валентина, и Дайне почудилось, что она сейчас оторвется от кресла и взлетит. Счастье, которое нахлынуло на нее морской волной, было таким, что сердце почти останавливалось.

Сначала она даже не поверила, что услышала именно эти слова.

– Валентин... – прошептала Дайна. Она соскользнула с кресла, уткнулась лбом в колени Валентина, и тяжелая рука с мягкой осторожностью опустилась на ее голову. – Как же я за тебя испугалась... Как же я рада, что ты жив.

Ей столько хотелось ему сказать, но Дайна понимала – сейчас все слова будут лишними. Все слова утратили смысл, и в мире ничего не осталось, кроме вечера, любви и жизни.

– Прости, я тебя напугал, – сказал Валентин. – Иногда у заклинаний есть такой побочный эффект, они отшибают память. Прости.

– Ты ни в чем не виноват. – Дайна подняла голову, дотронулась до щеки Валентина, и на этот раз он не отстранился, и его взгляд стал ярче и живее. – Как же хорошо, что ты жив! Я бы не смогла без тебя.

– Спасибо тебе. – Он улыбнулся, и эта улыбка окончательно убедила Дайну в том, что теперь все хорошо. Валентин ее вспомнил – чего еще желать? – И знаешь, Дайна, я сегодня окончательно понял одну вещь.

– Какую? – спросила девушка, и притихшая было тревога вновь зазвенела в ее сердце. Морские волны плеснулись на картине, воздух наполнился брызгами.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой, – твердо произнес Валентин, и Дайна почти услышала, как что-то оборвалось со звоном. Может, ее тоска? Все ее прошлое? – Если ты согласна, то мы поженимся после отбора невест. Я тоже не смогу без тебя.

– Я согласна, – откликнулась Дайна. О чем тут еще спрашивать? Она и подумать не могла, что всего один день способен сделать ее такой несчастной и такой счастливой. – Валентин, я согласна.

Кажется, потом они поцеловались – для Дайны все поплыло в каком-то счастливом тумане. Она опомнилась, когда они подошли к окну и встали, обнявшись. Вечер был теплым и светлым, во внутреннем дворе гуляли студенты, сердце Валентина билось спокойно и ровно, и Дайна увидела, как далеко-далеко, на фоне закатного неба вдруг появился золотой росчерк драконьего силуэта.

– Он далеко, – сказал Валентин. – Сейчас будет ловить себе козу на ужин.

Дайна улыбнулась, вспомнив, с каким аппетитом дракон уплет курятину и как подставлял живот для чесания.

– Пригласим его на нашу свадьбу? – спросила она.

– Конечно, – ответил Валентин. – Пусть нас катает. Но он пригодится еще до этого. Есть тут у меня одна идея.

Сладкое марево развеялось. Дайна подумала, что, возможно, именно в эту минуту тот, кто хотел

убить участниц отбора и почти отнял у нее Валентина, готовит очередное преступление, а они даже не знают, где его искать.

– Я думаю, что наш злоумышленник уже «украсил» ваши рубашки на свой вкус, – продолжал Валентин. – Завтра Эжен должен будет их примерять, и это, возможно, убьет или ранит его. А если об этом узнает мой отец, то несчастной участнице не поздоровится, он припишет ей покушение на королевскую кровь, и никого не станет слушать.

Дайна испуганно ахнула. Прижала ко рту ладонь.

– Но я сделаю обманку – морок, который и наденет эти несчастные рубашки. А до этого... – Он прищурился, глядя на дракона. – Позови его, Дайна.

Принцесса удивленно посмотрела в окно – дракон был почти неразличим, он то спускался к скалам, то поднимался в небо и вряд ли собирался сегодня заглядывать к ней в гости.

– А как? – спросила Дайна. – И зачем?

– Для того чтобы меня убить, наш злоумышленник использовал слепок своей ауры, – ответил Валентин. – Если драконью чешую прокалить в королевском огне, то можно будет считать информацию с остатков. Кристиан, умница, собрал их. Это очень старый метод, свежей драконьей чешуи давно ни у кого нет, и я надеюсь, что *он* не знает, как мы можем его выцепить.

– Понятно, – кивнула Дайна. – Как мне его позвать?

– Сейчас я дам знак Александру, – сказал Валентин. – Он выведет тебя из замка, не хватало еще, чтобы кто-то увидел, как мы режем драконью чешую. Врагов лучше не наталкивать на ненужные мысли. Когда вы выйдете, просто подними руку вверх и представь, как к тебе летит дракон. А твой куратор сделает все остальное.

– Хорошо, – кивнула Дайна. – Я готова.

Валентин улыбнулся и, легко поцеловав ее в губы, негромко сказал:

– Я тебя люблю.

И Дайна подумала, что никогда не слышала ничего лучше.

– Гам!

Дракон опустился на камни и тотчас же перевернулся и подставил брюхо: давайте, чешите и ласкайте меня, раз уж пригласили! Александр с искренним, почти детским восторгом вынул из сумки кусок мяса, бросил рядом с драконом и дотронулся до него волшебной палочкой.

– Колоссальное существо! – потрясенно произнес куратор. Когда дракон прилетал в академию, он видел его, но, конечно, не так близко. Кусок мяса принялся расти и вскоре стал размером с хорошо откормленного барана. – Просто невероятное! Я никогда не видел драконов. Говорили, что они уже вымерли. А тут вот, надо же, кормлю его.

– Гам! – довольно сказал дракон и одним махом заглотал все мясо.

Дайна почесывала его живот, представляя, как ее куратор сейчас будет срезать чешуйку.

– Это больно? – встревоженно спросила она.

Александр улыбнулся, и на кончике его палочки вспыхнул сиреневый огонек.

– Совсем не больно, – заверил он. – Он даже ничего не почувствует, обещаю. Не волнуйтесь, Дайна.

Дракон подозрительно посмотрел на него, и над его ноздрями закрутились струйки пара. Волшебная палочка с огоньком не внушала ему доверия. Дайна испугалась, что сейчас дракон разинет пасть и проглотит Александра, но ничего такого не случилось. Видимо, поняв, что с ним собираются делать, дракон с привычным изяществом перевернулся, поднялся на лапы и принялся чесаться, энергично смахивая старые чешуйки, под которыми уже сверкали новые, яркие.

– Да чтоб тебя! – воскликнул Александр, отмахиваясь. В его сторону летело столько мелких чешуек, что Дайне показалось, будто над скалами поднялась золотисто-зеленая метель. – Хватит! Перестань!

Он выхватил из сумки второй кусок и швырнул дракону: тот поймал угощение на лету и довольно

заурчал. Александр махнул в его сторону палочкой, и дракон удивленно уставился на мага. Должно быть, мясо никогда не росло прямо у него в животе, и это ему пришлось по душе. Дракон прикрыл глаза, замурлыкал и боднул Александра лбом в плечо.

– Гам! Гам-гам!

Александр не удержался на ногах, плюхнулся на кучу чешуек и вдруг рассмеялся.

– Ну ты и тип! – воскликнул он. – Нет, Дайна, ваш питомец мне категорически нравится. И аппетит у него хороший. Люблю таких ребят!

Дракон довольно закурлыкал. Дайна погладила его сложенное теплое крыло и вдруг подумала, что в мире ничего не происходит просто так.

Кендрик выкинул ее из семьи, и после этого в Дайне проснулась магия. На нее прилетел дракон, и теперь его чешуя будет использоваться для того, чтобы найти человека, который хочет втянуть в кровавую бойню весь материк. Никогда не знаешь, какие дороги приведут тебя туда, где ты найдешь свое счастье: тихий вечер, дракон, Валентин, с которым они скоро поженятся.

Дайна вспомнила, как к ней пришли посланники Кендрика с традиционными подарками: янтарными бусами – знаком чистоты помыслов, и белыми туфельками, которые жених должен был преподнести невесте. Какие искренние, светлые чувства нахлынули на нее, когда она узнала о будущей свадьбе! Тогда Дайна надеялась на любовь и исполнение желаний со всем пылом одинокой и никому не нужной девочки, которая мечтает о счастье.

А теперь уже не надо было мечтать. Все ее мечты сбылись. И жизнь, Дайна точно знала, обязательно будет хорошей и светлой.

– Задумались? – Александр, который старательно сгребал драконьи чешуйки в сумку, улыбнулся.

Дракон заинтересованно наблюдал за ним, периодически гамкая и пуская пар из ноздрей. Счесывание старой чешуи пошло ему на пользу, сейчас дракон выглядел холемым и сверкающим.

– Немного. – Дайна улыбнулась в ответ. – Это ведь ценная вещь, драконья чешуя?

– Невероятно ценная! – довольно воскликнул Александр. – Теперь мы сможем улучшить защиту замка и отработать старинные заклинания. Еще с помощью их можно вернуть первоначальный облик какой-то вещи. Мало ли, вдруг сломается нужная. И я уж не говорю о том, что найдем эту сволочь по ауре! Нам всем очень повезло, что у нас есть вы и ваш дракон. Наш враг этого, конечно, не ожидал.

– А как это будет? – спросила Дайна. – Мы увидим его лицо?

Александр кивнул. Застегнул сумку, осторожно погладил дракона по голове, почесал чувствительные надбровья. Дракон довольно фыркнул. Раньше у него не было друзей среди людей, и теперь он искренне радовался общению с ними, особенно на сытый желудок.

– Да, – кивнул Александр. – Но это нам мало что даст, если он носит личину. Мы увидим его настоящий облик, но какой вид он принял сейчас – поди знай!

Девушка поежилась. Почти стемнело, громада замка сверкала огоньками окон, и где-то там был человек, который убил Валентина и собирался убить Эжена.

– Чего он хочет? – задумчиво спросила Дайна. – Такое ощущение, что он ненавидит именно саалийскую династию. Чем хуже Валентину и Эжену, тем ему лучше.

Александр пожал плечами.

– Саалийцев многие недолюбливают, честно говоря, – ответил он. – Хотя бы за то, что король Леон сделал с Аранвеном.

Дайна вопросительно подняла левую бровь.

– Аранвен? Кто это... или что это?

Дракон повел головой и с любопытством уставился на Александра, словно ему тоже была интересна эта история.

– Давнее дело, – сказал куратор. – Княжна Аранвена погибла на охоте – несчастный случай, трагический. Ее отец не пережил такого горя, и государство осталось без владыки. А король Леон, добрый сосед, своего не упустил. Молниеносно ввел войска, и утром люди проснулись уже с новым государем. Шанно всегда было нашим союзником, но тут они не отважились ввязываться в драку.

Саалийцы, конечно, были рады, а мы...

Александр вздохнул, улыбнулся, и в этой улыбке не было ничего, кроме горечи.

– Вы аранвенец, да? – спросила Дайна. Ей вдруг стало жалко Александра чуть ли не до слез.

Даже дракон, который вряд ли что-то понял в этой истории, придал своей морде сочувствующее выражение.

– Да, – кивнул Александр. – Мои родители уехали почти сразу же, так что я учился в Абсолоне. Уже плохо помню родину. Но у нас был дом в приморском городке. Большой, с красной дверью и апельсиновым садом, отцу удалось его выгодно продать. Иногда я хочу поехать туда, но потом понимаю, что там давно чужие люди. Может, и дома уже нет.

Несколько минут они молчали, и Дайне почему-то было так неловко, словно это она лишила Александра дома и родины.

– Может, он хочет отомстить за Аранвен? – спросила Дайна. Над их головами проступила звездная россыпь – Собака побежала за Охотником. Дракон заворчал, намекая, что всем уже пора отправляться по кроватям, и вытянул лапу, предлагая забираться ему на спину.

– Нет, конечно, – махнув рукой, ответил Александр. – Все это давным-давно забылось. Аранвенцы живут, как саалийцы, и их все устраивает. Так что придется нам подбираться к мотивам нашего врага с какой-нибудь другой стороны.

Он погладил дракона по лапе и спросил:

– Ну что, Дайна? Подвезет нас ваш питомец?

– Гам! – ответил дракон, что означало: «Конечно, подвезу», и Дайна с Александром забрались на его спину.

– Давай-ка я сам, – спокойно, но твердо произнес Кристиан и забрал у Валентина серебряную чашу, в которой кружились голубые завитки королевского огня. Тоненькие и слабые поначалу, они постепенно набирали силу, и над чашей поднимался едва уловимый звон – работали сдерживающие заклинания, которые не позволяли пламени вырваться и оставить от кабинета горстку пепла.

Валентин вздохнул с облегчением. Вроде бы он почти оправился от удара, а стоило взять в руки чашу, как пальцы начали дрожать и в ногах появилась омерзительная слабость. Он сел рядом с Дайной и Александром, девушка взяла его за руку и ободряюще улыбнулась.

От ее улыбки Валентину сразу стало легче. Слабость отступила – не ушла окончательно, но сделала шаг назад.

Когда Дайна и Александр покинули академию, чтобы призвать дракона и собрать чешую, Валентин понял, что давно так ни о ком не волновался. А если их общий враг подслушал разговор и отправился за ними? Мрачный Валентин ходил по комнате, периодически выглядывая в окно и выбрасывая серебристые сгустки защитных заклинаний, но пока они были слишком слабы.

А потом над академией появился дракон с двумя седоками, и Валентин наконец-то смог вздохнуть.

Прижать бы к себе Дайну и никогда не отпускать. Чтобы никакая тварь не посмела прикоснуться к ней.

Их враг знает, насколько Дайна ему дорога – да теперь вся академия об этом знает. Следующий удар он может нанести не по Эжену, а по юной некромантке. Почему он не напал до сих пор, если Дайна уже два раза сорвала его планы?

Об этом тоже следовало подумать.

– И теперь бросаем чешуйку в огонь. – Госпожа Эмилия, которую пригласили ассистировать, сейчас была так взволнована, что казалась студенткой на экзамене. Когда Александр аккуратно высыпал на поднос драконью чешую, редчайшую драгоценность магического мира, она ахнула, приложила руку к груди и едва не лишилась чувств.

И вот, словно по собственной воле, чешуйка вспорхнула и из ее пальцев неторопливо поплыла туда, где королевский огонь – сплетение дюжины заклинаний и редчайших зелий – уже обрел гудящую мощь. Валентин и правда не удержал бы чашу – голубой столб поднялся почти к потолку.

– Ассенде! – со звонкой торжественностью воскликнула госпожа Эмилия, плавно провела по воздуху

палочкой, и чешуйка рухнула в огонь.

Голубое сияние ударило в потолок, расширилось, выплескиваясь за края чаши, и Кристиан покачнулся, но все же смог устоять.

– Ассенде! – требовательно повторила госпожа Эмилия, и королевский огонь смирился, выровнялся, и в нем начал медленно проступать человеческий силуэт.

По спине Валентина мазнуло морозом. Вот из голубого сияния показалась голова – безглазая, безногая, жуткая. Палочка госпожи Эмилии скользнула по воздуху, и из дымящейся болванки стали проявляться черты.

– Ассенде, – сказала преподавательница в последний раз, опустила палочку и, всмотревшись в лицо в сиянии голубого пламени, с горечью призналась: – Нет, я его не знаю. В замке нет такого человека.

Молодой мужчина, который вышел из огня, был незнаком Валентину. Он смотрел, не в силах оторвать взгляд: открытое благородное лицо, аккуратные черты, выражение спокойного достоинства – люди с такими лицами всегда честны, люди с такими лицами не подкладывают бомбы в девичьи постели. Цель оправдывает средства – это не их девиз.

Это мог быть ученый, врач или подвижник, а не жестокий убийца.

– Маг, – твердо заявил Кристиан. – Вон видите нити?

Дайна испуганно вздохнула. Над головой незнакомца проступили золотые нити – Валентин посмотрел на них и признал: да, этот человек сильнее, чем он. Вот тот могущественный маг, который способен стереть в пыль всю академию одним движением пальца.

Бывший ректор не думал, что встретит нового мага именно в таких обстоятельствах.

И откуда он взялся? В магическом поле не было ни единого упоминания о новом волшебнике с такой силой. Значит, маскировался и прятался, значит, не учился в академии и развивал свои таланты самостоятельно.

И поднялся так высоко, что с легкостью обманул Валентина и Кристиана – самых сильных магов своего времени. И продолжал их обманывать.

– Я никогда бы не поверила, что он способен на зло, – с искренним огорчением призналась госпожа Эмилия. – У него лицо порядочного человека. Достойного. Это джентльмен, а не бандит, уж я-то в этом понимаю.

На какое-то время Валентину стало смешно и грустно. Госпожа Эмилия, умевшая читать характер человека по чертам лица, была права. Люди с таким светлым взглядом сидят в библиотеках, конструируют новые механизмы или пишут книги, но не убивают.

– Да, верно, – кивнул Валентин. – Если такие люди берутся за оружие, то у них есть на это веские причины. – Он задумчиво посмотрел в лицо своего врага, и от голубого столба королевского огня отделился лист бумаги с портретом. Теперь можно будет передать его Леону, чтобы он объявил международный розыск.

«Чего же ты хочешь? – в очередной раз задался вопросом Валентин. – Зачем тебе нужна эта война?»

– Он под личиной, – произнес Кристиан. – Значит, подозреваются все, даже мы с вами.

В кабинете воцарилось молчание. Потом Дайна нахмурилась и сказала:

– Господин Александр, вы говорили, что драконья чешуя способна вернуть вещи ее первоначальный облик. Может, она снимет с него эту личину?

Валентин посмотрел на нее с искренним одобрением. Дайне надо будет учиться по индивидуальному усиленному курсу – соображает она хорошо, и из нее обязательно выйдет толк. Девушка почувствовала его взгляд и посмотрела на Валентина смущенно и мягко.

– К сожалению, нет, – вздохнул Александр. – Ведь люди не вещи. Я читал – раньше драконью чешую использовали в археологии, чтобы восстановить облик древних людей. Но это не то, что нам нужно.

Королевский огонь угасал. Лицо человека в голубом пламени постепенно теряло черты, растворялось, уходило. Он словно показался, махнул рукой и произнес: «Ну вот он я. Ты все равно меня не поймает. Тебе меня не победить».

Ощущение бессилия накатило на Валентина ледяной водой. Он мог вступить в схватку с этим

магом, но победить его сумел бы только, найдя его слабое место. Когда понял бы, что именно движет этим человеком с честным и светлым лицом.

- Я передам его портрет королю Леону, - сказал Валентин. - Пусть объявляет международный розыск. Не может быть, чтобы никто в мире его не видел.

- Позвольте-ка. - Госпожа Эмилия забрала у него листок с портретом, всмотрелась и заметила: - Мне кажется, я все-таки видела его. Очень давно, - она прищурилась и снова посмотрела на портрет. - Даже не его самого, кого-то на него очень похожего.

Все встrepенулись и уставились на нее с удивлением и ужасом.

- Попробуйте вспомнить, госпожа Эмилия, - попросил Валентин. - Давно - это примерно когда?

Пожилая дама вздохнула, развела руками.

- Даже не могу вам сказать. Но у Бундо вызрели свежие коробочки златницы, попрошу его заварить мне зелье Свежей памяти. Надеюсь, что тогда вспомню.

- Может, вы знали его родителей? - спросила Дайна.

Госпожа Эмилия улыбнулась.

- Возможно, дорогая. Надеюсь, завтра я буду знать точно.

Глава 8

Хлебная жаба

Морок, созданный Валентином, ничем не отличался от настоящего принца Эжена. Сидя рядом с Иви и Карин, Дайна смотрела, как крысы несут к фальшивому Эжену стопку рубашек. Лжепринц улыбался так же искренне и светло, как настоящий, и девушки, глядя на него, млели, не чувствуя подвоха.

Хотелось надеяться, что их общий враг тоже ничего не заподозрит.

Дайна обернулась, с надеждой посмотрела на Валентина, который стоял в проходе. Он успел полностью прийти в себя после вчерашних приключений, и, когда все участницы отбора шли в малый зал вместе с бывшим ректором, то студенты, столпившиеся на лестнице, приветствовали его радостными возгласами. Валентина искренне любила в академии, и Дайна знала, что все вчера переживали за него.

«Никому нельзя доверять, – хмуро думала принцесса, стараясь сохранять спокойный вид. – Один из них враг».

– Ой, смотри! – Карин легонько толкнула Дайну. – Моя рубашка! Первая! Господи, помоги...

Рубашка действительно была хороша: Дайне даже показалось, что березовые листочки, вышитые по вороту, зашевелились, словно по ним прогулялся ветер. Морок Эжена улыбнулся, взглянул на Валентина и спросил:

– Ну что, время для заклинаний?

Настоящий Эжен в это время стоял в своей комнате и смотрел в большое зеркало, наблюдая за происходящим на отборе. Морок лишь повторял его слова и движения.

Валентин кивнул и негромко хлопнул в ладоши. Тело лжепринца окутал туман, и через несколько мгновений на нем уже красовалась рубашка Карин.

Дайна невольно отметила, что рубашка пришлась ему к лицу. Березовые листочки действительно трепетали; лжепринц дотронулся до них кончиком пальца и улыбнулся.

– Замечательная рубашка, – сказал он. – Карин, вы проходите в следующий этап отбора невест.

Девушки зааплодировали. Карин смогла прошептать «Спасибо», уткнулась раскрасневшимся от волнения лицом в ладони, и над ее головой закрутилась золотая монета. Дайна невольно подумала, что все радуются за Карин совершенно искренне – хотя девушкам следовало бы относиться к соперницам с холодом.

Свою рубашку принцесса так и не украсила вышивкой или рисунками, оставив ткань белой и чистой. Морок взял ее в руки, рассмотрел и сказал, чуть ли не извиняясь:

– Дайна. Вы не обидитесь, если я отложу ее?

Обидится? Дайне захотелось рассмеяться.

– Я принимаю ваш выбор, ваше высочество, – с улыбкой ответила она, и малый зал наполнил легкий перезвон.

– Ее высочество Дайна Девлет покинула отбор, – сообщил мелодичный голос, и над головой принцессы вспыхнул и погас язычок огня.

Вот и все. Дайна улыбнулась – ей не было грустно, но что-то кольнуло в груди. За эти несколько дней она привыкла к девушкам и впервые в жизни поняла, что может с кем-то подружиться по-настоящему.

Следующей была рубашка Вильмы – когда морок надел ее, то все ахнули. Узоры пришли в движение: по саванне бежали слоны, вздымая хоботы, пестрые птицы летели за ними, выкрикивая хриплые заклинания, и далеко-далеко трубила большая охота.

– Невероятно! – воскликнул лжепринц с детским, совершенно искренним восторгом. – Я словно и правда в Заюжье попал! Вы видели слонов? Потрясающие!

Вильма, которая до этого сидела прямо, словно черная ветка, вздрогнула и смущенно закрыла лицо ладонями, как и Карин. Кажется, она не ожидала такой радостной похвалы.

– Прекрасная рубашка, – довольно произнес морок. – Вильма, вы проходите в следующий этап отбора невест.

– Спасибо, ваше высочество, – промолвила Вильма, и над ее смоляными кудрями вспыхнула золотая монета.

Рубашки Марьен и Хэстеры оказались малы – Валентин при всем старании не смог их натянуть на брата. Рубашка Клеры, наоборот, была велика, и морок мог закутаться в нее, как в чехол для мебели. Зато журавли и карпы Шин Ю привели лжепринца в искренний восторг, несмотря на то что были просто вышивкой без следа магии.

Дайна прислушалась к себе: тишина. Никаких неприятных предчувствий, и она не знала, радоваться этому или нет. Девушка снова обернулась к Валентину, но он пристально смотрел на морок, словно проверял, все ли идет так, как нужно.

Рубашка Иви была расшита алыми рунами по вороту. Когда морок взял ее, то девушка с неожиданной робостью сказала:

– Это обережные. У нас их вышивают, когда мужчины в море идут. Там ведь всякое может случиться, море шуток не шутит.

Она была напряженна и взволнованна – даже рыжие косы поблекли.

Морок улыбнулся, и Валентин хлопнул в ладоши. Рубашка села как влитая, и на мгновение руны налились золотом, и в воздухе повеяло свежим морским ветром.

– Прекрасная рубашка, Иви! – Лжепринц заулыбался и осторожно дотронулся до ворота. – И я знаю эту руну. Хвенин, так она называется?

Иви кивнула.

– Хвенин. Да, ваше высочество. Хвенин.

«Может, ничего не случится? – подумала Дайна с горячей надеждой, что все еще обойдется. – Может, он не испортил рубашки?»

Морок взял в руки предпоследнюю рубашку: Летиция расстаралась, расшив ее тончайшими серебряными кружевами по шаннийской моде. Валентин хлопнул в ладоши, рубашка окутала лжепринца, и тут морок содрогнулся всем телом и вцепился ладонями в плечи.

Девушки испуганно вскочили со скамеек. Над рубашкой поднимался зеленоватый дымок – последняя, которую сшила Донна, тоже задымилась. Лжепринц рванул рубашку, Дайна услышала вязкий треск и с каким-то отстраненным спокойствием поняла, что с таким звуком мясо отходит от костей.

Ей стало так жутко, что зал пополз куда-то в сторону, в дымное марево обморока. «Держись!» – рывкнула на себя Дайна и вцепилась в скамью так, что едва не сломала ногти.

Зато мир снова обрел устойчивость.

– Я ничего не делала! – прокричала Летиция, обернувшись к Валентину с ужасом и надеждой. – Это не я!

Валентин вскинул руки, и его ладони окутала сиреневая дымка. Послышался хлопок, и морок рухнул на пол и растаял. Над дымящимися рубашками закружились алые искры, и вскоре от них остались лишь горстки пепла.

В зале стало так тихо, что Дайна, кажется, слышала, как колотятся сердца девушек. Или это у нее шумело в ушах? Иви схватила Вильму за руку, Карин прижалась к Шин Ю, по щекам Донны струились слезы. Летиция по-прежнему стояла, не сводя взгляда с того места, где несколько минут назад принц надел ее рубашку, и губы девушки шевелились, беззвучно повторяя: «Это не я, это не я...»

– А где же... – прошептала Иви. – А где же принц?

– Девушки, сядьте, пожалуйста, – произнес Валентин тем тоном, которому нельзя было не подчиниться.

Участницы отбора послушно опустили на скамьи. Донна потянула Летицию за руку, и та рухнула на скамью так, словно ее ударили по ногам.

– С принцем все в порядке, не волнуйтесь, – уверенно сказал Валентин. – То, что вы видели, было

его мороком, но Эжену действительно понравились рубашки тех девушек, которые прошли на следующий этап.

Иви прижала руку к груди, словно старалась унять громко стучащее сердце.

– Это не я, – повторила Летиция.

Валентин понимающе кивнул.

– Я знаю, знаю. Вы не делали ничего плохого, Летиция. Часть рубашек испортил человек, который подложил бомбы в ваши кровати. С их помощью он хотел изувечить моего брата. – Валентин помолчал, потом посмотрел на Дайну, и в его взгляде мелькнули знакомые огни. – Но с Эженом все в порядке, и эта часть отбора завершена. Поздравляю тех, кто прошел на новый этап. В нем вы должны будете испечь хлебную жабу, традиционное саалийское блюдо.

Клера улыбнулась – Дайна подумала, что стряпня явно не ее конек.

Когда девушки вышли из малого зала, то среди тех, кто подслушивал под дверью, Дайна увидела Аделарда и Гровира. Они подошли к ней, и Аделард с улыбкой произнес:

– Даже не знаю, стоит ли тебе посочувствовать! От такого отбора невест лучше держаться подальше.

Дайна только рукой махнула. Ей казалось, что с нее сняли очень тяжелую и неудобную ношу.

– Лучше меня поздравить, – сказала Дайна и вместе с остальными обернулась на удивленные возгласы.

Базиль, который успел принарядиться, сейчас стоял перед Клерой, держа в руках простенький цветок осенника. Он волновался и радовался, Дайна вдруг подумала, что ему, наглецу и задире, сейчас не по себе.

– Клера, – услышала принцесса. Базиль провел ладонью по лбу и решительно выпалил: – Клера, я очень рад, что ты не прошла этот этап. Ты теперь не выйдешь замуж за принца, ну и вообще... Я все это время думал о разных вещах и понял...

Губы Клеры дрогнули в улыбке. Ее взгляд был спокоен и холоден – а ведь несколько дней назад она смотрела на Базиля по-другому, ловила каждое его слово и хотела быть рядом с ним.

«Да, – подумала Дайна. – Отбор невест меняет тебя, даже если ты в нем не побеждаешь».

– И что же ты понял? – спросила Клера, и в ее голосе прозвучала далекая грусть.

Студенты замерли, боясь что-то пропустить – это ведь будет признание в любви, которого Клера добивалась так долго. Это может быть только оно. Базиль протянул девушке цветок и ответил:

– Ты мне очень нравишься. Давай сегодня сходим погулять? Без нашей компании, только ты и я. Пойдем?

Он, конечно, думал, что Клера согласится. Еще бы ей не согласиться, когда она всегда была рядом и смотрела на него преданной собачонкой? Но Клера взяла цветок, улыбнулась и ответила:

– Как жаль, что ты не предложил это в начале учебного года, Базиль. А сейчас уже поздно.

Кто-то из девушек ахнул. Петер, который стоял чуть поодаль, нахмурился. Он не понимал, как это девушка смеет отказывать тому, кто дарит ей цветы, признается в чувствах и зовет гулять.

«Ветреница!» – было написано у него на лице.

Базиль побледнел. Потом к его щекам прилил румянец, придав ему такой растерянный вид, что Дайне невольно стало жаль его.

– То есть... – пробормотал Базиль. – Ты мне отказываешь?

Это не укладывалось в его голове. Девушка же всегда была рядом, и теперь ей просто полагалось прыгнуть в его объятия – раз принца не получилось, так бери того, кто рядом, особенно если он тебя зовет. И сейчас эта девушка говорила ему: «Поздно».

Это было невероятно.

– Да, – кивнула Клера. – Я тебе отказываю, Базиль, ты опоздал.

Аделард усмехнулся и стал выбираться из толпы. Дайна с Гровиром потянулись за ним: впереди

была пара по истории магии.

– Он теперь влюбится по уши, – заметил Аделард, когда они пошли по лестнице. – Таких отказ только раззадоривает и толкает на подвиги. Скоро будем слушать серенады под окнами!

Гровир усмехнулся.

– Только этого нам и не хватало!

После занятий Дайна хотела пойти в библиотеку – надо было готовиться к семинару по созданиям тьмы. Господин Марно, желчный и неприятный тип, славился тем, что никому из студентов не давал поблажек и готов был затравить незадачливого ученика за малейшую ошибку. Но на лестнице ее остановили Карин и Вильма.

– А ты куда? А хлебные жабы?

Дайна рассмеялась.

– Вы забыли? Я же не прошла на следующий этап!

Карин нахмурилась.

– Ты разве не слышала? – И, подойдя поближе, шепнула на ухо: – Господин Валентин сказал, что тебе нужно быть с участницами.

Дайна с недоумением посмотрела на Вильму, но та лишь кивнула.

– Да, все так. Он сказал, что после взрыва ты для нас система безопасности. Даже если не участвуешь.

Дайне не захотелось с этим спорить. Девушки стали ее подругами, и она была бы рада провести с ними время, даже если придется просто сидеть на стуле и смотреть, как они выпекают смешных хлебных жаб.

– У меня завтра семинар у Марно, – на всякий случай сообщила она.

Вильма махнула рукой.

– По созданиям тьмы? Водяницы и лесовики?

Дайна кивнула. От названий монстров тянуло болотной тьмой, и ей не хотелось думать о том, что эти чудовища испокон веков обитали рядом с людьми. Она подумала, что Марьен и Хэстера, например, были бы им только рады – жительницы Гнилых Болотищ, исконного магического края, наверняка успели свести с ними близкое знакомство.

– Пустяки, у меня остались записи, – ответила Вильма. – Марно тогда поставил высший балл. Я их тебе отдам.

– Отлично! – обрадовалась Дайна. – Тогда пойдем.

Для выпечки хлебных жаб крысы приготовили на большой кухне отдельный стол и печь. Огонь горел спокойно и ровно, и Дайна подумала: Валентин был прав, когда решил, что она должна быть здесь. За спокойствием пламени чувствовалось что-то давящее и хищное, словно откуда-то внезапно появилось первобытное чудовище и оскалило клыкастую пасть.

Но девушки были спокойны. Мин Ю смотрела хмуро и стояла так напряженно, словно ее длинную косу приколоты к пояснице, не давая расслабиться. Дайна подумала, что она, должно быть, никогда ничего не пекла и поэтому волнуется.

– Ну что, – сказала Иви, – давайте печь? Вы когда-нибудь видели жабу? Я ее только по картинкам знаю, у нас такого добра не водится.

– У нас водятся. – Мин Ю задумчиво взвесила на ладони бумажный пакетик с дрожжами. – Хорошее существо, очень полезное. Приносит здоровье и долголетие.

– И у нас! – Карин проворно повязала передник, и Дайна подумала, что сейчас она в своей стихии и будет делать то, что ей нравится. – У нас озерцо есть небольшое, так они там орут – ужас! На всю округу грохочут. Они нам ничего не приносят, просто так живут.

Вильма вздохнула и, признавая главенство Карин, спросила:

– Покажешь, как их печь?

– Конечно! – весело ответила Карин и приказала: – Берите-ка миски!

Девушки послушно взяли с полка большие глиняные миски и, повинаясь указаниям Карин, высыпали в них полтора стакана муки, дрожжи, сахар и немного соли. Дайна смотрела, как Карин осторожно разливает по мискам нагретую воду, молоко и масло, и вспоминала, как в детстве сидела вот так на кухне одного из своих родственников с юга и с восторгом смотрела, как смуглые руки поварахи месят тесто для пирожков с абрикосами.

Для родственника она была помехой в доме, но на счету Дайны тогда еще были какие-то жалкие крохи, и родственник милостиво терпел ее присутствие. Надо же, Дайна сейчас не могла вспомнить его имени! А поварику звали Женеьев, она искренне любила и жалела девочку, оставшуюся без родителей, и всегда рассказывала что-нибудь интересное, спрашивала, как Дайна себя чувствует, и учила отгонять дурные сны сухой куриной лапкой с красной нитью. А однажды принцесса готовила с ней пиклиз – острую маринованную капусту с перцем и луком, и Женеьев, попробовав то, что получилось у Дайны, с гордостью сказала:

– Девочка моя, из тебя выйдет отличная повариха!

И тогда для маленькой принцессы не было похвалы выше.

– А теперь что? – спросила Вильма, и Дайна словно очнулась ото сна.

Карин указала на яйца:

– Добавляем по одному. И перемешиваем. Слушайте, а ведь эта жаба должна будет ожить!

Все девушки посмотрели на нее так, словно Карин сказала какую-то невероятную гадость.

– Ожить? – Мин Ю заглянула в свою миску и скорчила брезгливую гримаску. – Еще скажи, что она должна запрыгать!

– Конечно! – воскликнула Карин. – В жабу ведь надо вложить что-то важное. Оживишь жабу – значит, ты великая волшебница.

Девушки лишь глаза завели. Вильма задумчиво почесала кончик носа, оставив белый мазок муки.

– Ладно, – сказала она. – А пока-то что с этим делать?

Оставшуюся муку высыпали в миски. Около четверти часа девушки старательно вымешивали тесто, и Дайна вспоминала, как однажды сказала Кендрику, что умеет печь пироги. Лицо принца обрело странное непонимающее выражение, потом он, справившись с удивлением, посоветовал никогда и никому не говорить об этом. Благородным дамам не следует стряпать, это какой-то... позор.

Да, тогда Кендрик так и сказал: позор. Интересно, что скажет Валентин, когда Дайна что-нибудь приготовит?

– Ну вот! – Карин выглядела довольной. – Теперь полчасика посидим, отдохнем, дадим тесту отстояться и подойти. А потом будем лепить лягушек. С ногами, с глазами.

На одной из полок Дайна увидела корзину с фруктами. Как, интересно, Валентин отнесется к пирогу с манго? Дайна взяла одну из мисок, вооружилась ножом и принялась чистить манго.

– Ловко! – одобрила Карин, глядя, как Дайна режет золотистую мякоть на аккуратные полоски. – Вот честно не думала, что ты умеешь готовить.

Остальные девушки кивнули.

– Барышням готовить не полагается, – сообщила Иви и уважительно заметила: – А ты вон как... Молодец!

Вильма какое-то время внимательно смотрела, как принцесса сбивает масло с белым сахаром и яйцами, а потом спросила:

– А мята будет?

– Будет, – кивнула Дайна. – Я когда-то давно знала одну поварику, Женеьев. И она всегда говорила, что мятой ни одно блюдо не испортишь.

– Послушай, Вильма, – вдруг сказала Мин Ю, – а ведь ты была не права, когда говорила про ровню для принца. Никто из нас ему не ровня – а мы вот готовим хлебных жаб.

Дайна аккуратно выложила дольки манго на дно формы для пирога. Всыпала дробленый миндаль, вылила тесто.

– Все правильно, – уверенно заявила Иви. – Королева, она кто? Она народу мать. А значит, должна не ногти полировать в саду, а понимать, что нужно людям. Недаром мы рубашки шили и хлеб печем, а не всякие политесы разводим.

– Политесы дело наживное, – поддакнула Карин. – Не сложнее стряпни и шитья.

Дайна усмехнулась. Ее свекровь хватил бы удар, если бы Кендрик, допустим, объявил отбор невест и в нем победила бы дочь рыбака Иви. А если бы она узнала, что Дайна умеет готовить, то и второй удар получила.

Принцесса вдруг поняла, что думает о бывшем муже и его матери так, как думают о героях давно прочитанной книги. Да, это было, но какое отношение оно имеет к ее нынешней жизни?

Никакого. Мысль о том, что когда-то Дайна хотела отомстить им, теперь вызывала лишь усмешку.

Девушки разделили свое тесто на две части. Одна, большая, стала телом для жабы, и Иви предложила смазать его яйцом, чтобы аппетитно блестел, и украсить маком и кунжутом. От второго, маленького, куска отделили два шарика для глаз, а из оставшегося теста вылепили ноги. Мин Ю прошла мимо всех жаб и осторожными движениями ножа прорезала пальцы на лапках.

Вскоре жабы и манговый пирог отправились в печь. Дайна посмотрела на огонь сквозь стеклянную дверцу и спросила:

– Вы не обидитесь, если я не угощу вас? Я обязательно испеку еще один такой пирог... просто этот для особенного человека.

К щекам снова прилил румянец, и Дайна удивленно обнаружила, что девушки ободряюще улыбаются, глядя на нее. Карин погладила подругу по плечу и сказала, выразив общее мнение:

– Пустяки! Главное, чтобы ему понравилось!

– А сладкий пирог самое лучшее после таких ударов, – улыбнувшись, заметила Вильма. – Думаю, господин ректор обрадуется. Такого пирога и королю не подадут!

– Как! – Дайна поразилась и растерялась. – Вы знаете, что...

– Знаем, – ответила Мин Ю. – Вы так друг на друга смотрите, что сложно было не заметить. И все мы очень за вас рады, Дайна. Это редкость – найти такую любовь.

«Мне повезло, подумала принцесса. – Мне очень-очень повезло».

– Значит, сначала ты, потом Эжен.

Валентин кивнул. Леон издал низкий ворчащий звук – знак крайнего раздражения.

– Все так, – сказал Валентин. – Две рубашки были пропитаны соком млечника. Мучительная, но быстрая смерть. Причем без всякой возможности спастись.

Он подумал, что уже много лет ничего не слышал о млечнике и знал о его действии только из книг. Растение с красивыми алыми бутонами и соком, уничтожающим человека за три минуты, росло в южных горах и считалось исчезнувшим.

«Удивительные времена, – подумал Валентин. – Сперва дракон, потом млечник. Старые сказки поднимаются нам навстречу из травы».

Леон посмотрел куда-то в сторону и заметил:

– Да, интересный тип.

Король был осунувшимся и мрачным, словно Саалия готовилась не к скорой свадьбе принца, а к всеобщему трауру. Валентин отправил отцу копию портрета, а сам нет-нет да и бросал взгляд на оставленный у себя экземпляр. Госпожа Эмилия так и не смогла рассказать, почему молодой мужчина показался ей знакомым.

– Кстати, он аранвенец, – заметил Леон. – Это в их краях встречаются такие волосы, с рыжиной.

Валентин усмехнулся. Прикрыл глаза. Аранвенец, вот оно что. Южанин – да, потому что откуда бы

еще ему взять млечник, как не в родных местах, и знать все подробности о его свойствах? Но не аранвенец, это с гарантией.

– В аранвенцах нет магии, – поучительно произнес Валентин. – И никогда не было. Они нанимали магов по всему матерiku. А этот просто глыба. Сильнее меня.

Валентин вдруг понял, что в нем зарождается ярость. На Леона, который что-то знал и недоговаривал, на незнакомца с таким светлым и обаятельным лицом, который готов был бросить материк в пучину войны. Валентин сжал и разжал правый кулак, сбрасывая напряжение. Помогло.

Лицо Леона дрогнуло в ухмылке.

– Тебя это задевает, – сказал он. То ли задал вопрос, то ли констатировал факт. Валентин кивнул.

– Я всегда знал, что придет тот, кто сильнее. Но не думал, что мы будем врагами. Я бы хотел подружиться с ними, а не сражаться.

– У тебя несколько идеалистический взгляд на мир. – Тон Леона стал по-отечески заботливым и снисходительным. – Если кто-то имеет силу, то он обязательно будет воевать. Иного не дано.

Валентин снова взглянул в сторону портрета. Незнакомец смотрел так, словно загадывал загадку. И от того, как быстро Валентин разгадает ее, зависела судьба очень многих.

– Пусть так, – сказал он. – Объявляй международный розыск. И еще, Леон. Если ты что-то о нем знаешь, скажи.

Он смотрел так, чтобы уловить малейшее движение в отцовском лице, но ничего не изменилось. Король лишь кивнул.

– Хорошо, – ответил он. – Розыск будет.

И грозовая туча, из которой смотрел король, раскатилась громом и стала таять. Разговор был закончен.

Валентин откинулся на спинку кресла и устало прикрыл глаза. В нем крепло убеждение, что следующей жертвой Южанина – назовем его так, надо же его как-то звать – станет Дайна. Некромантка, которая несколько раз сорвала его планы.

Допустим, в случае с бомбой под матрасами ее могло поднять обостренное магическое чутье, а остальное сделала совесть. Но Южанин прекрасно знал, что убил Валентина, отразив его заклинания, и то, как ловко бывший ректор восстал из мертвых, уже было заслугой некроманта.

Они обманули всех, сказав, что Валентин просто оказался тяжело ранен, а не убит. Но они не обманули Южанина, который видел смерть своего врага и торжествовал.

В дверь постучали, и Валентин услышал голос крысы-слуги:

– Господин ректор, к вам Дайна Девлет.

Надо же, он ушел со своего поста, а его все еще называют «господин ректор». Валентин поднялся, убрал портрет Южанина под папку с бумагами. Дайна здесь, с ней ничего не случилось, незачем портить ей настроение.

В руках Дайны был поднос с фарфоровым блюдом, аккуратно прикрытым салфеткой. Запах разносился просто умопомрачительный: нежный, свежий – и словно бы сами по себе пришли мысли о далеком юге, теплом ласковом море, маленьком трактире прямо на пляже, где готовят рыбу, выловленную с причала, и такие вот десерты, тающие во рту.

– Что это? – поинтересовался Валентин, хотя и так знал ответ. Манговый пирог – такой, как готовили у его родителей, когда во дворце была повариха с Банколийского архипелага. Дайна смущенно улыбнулась и подняла салфетку.

– Пирог, – ответила она. – Только... обещай, что не будешь смеяться.

– Обещаю, – сказал Валентин. Взяв поднос из рук девушки, он поставил его на стол и нырнул в один из шкафов за посудой. Можно было бы, конечно, позвать крыс, чтобы они все сервировали, но Валентину не хотелось никого лишнего. – Никакого смеха. Что случилось?

Нож мягко вошел в пирог. Валентин отрезал кусок, положил на тарелку, потянул носом тонкую ленту аромата. Да, все как в детстве.

– Я сама его испекла, – призналась Дайна.

Валентин не сразу понял, что здесь не так. Ах да! Благородная дама, принцесса крови не должна и близко подходить к кухне. Для этого у нее есть отряд верных слуг. Муженек Дайны сейчас стоял бы с открытым от удивления ртом и выпученными глазами.

Пирог был нежным и сладким. Валентин закрыл глаза, блаженно улыбнулся. В детстве, наевшись такого вот пирога, они с Эженом убегали в сад и, лежа под деревьями, смотрели в небо и мечтали, как однажды вырастут и станут великими героями.

Они выросли. Насчет героизма судить было пока еще рано.

– Прекрасный пирог, – признался Валентин. – Такие пекла наша повариха, когда я еще был маленьким. Кто тебя научил?

– Женеvьев, – ответила Дайна. Валентин отрезал ей пирога, и принцесса осторожно отломил кусочек. – Она была кухаркой в доме одного из моих родственников. Я тогда была маленькая, все время толкалась на кухне. Женеvьев меня очень любила и жалела.

На мгновение Валентину показалось, что от лица и по-детски смущенной улыбки Дайны сейчас веет теплым светом. Девушка, как и он несколько минут назад, тоже унеслась в свое прошлое, где добрая женщина относилась к ней с той заботой и нежностью, что была для Дайны подлинным сокровищем.

Он знал, что мать Дайны умерла при родах. Возможно, та Женеvьев дарила тепло, ставшее для Дайны чем-то вроде материнской любви. Щита, который закрывает человека от бед и горя.

– Если хочешь, я найду ее, – сказал Валентин, понимая, что говорит не то и не так. Но что еще тут можно сказать?

– Она умерла, – ответила Дайна, и ее лицо дрогнуло. – Я хотела выкупить ее из рабства, когда вышла замуж за Кендрика.

Валентин обнял девушку – так крепко, как только мог. Бывают минуты, когда человеку нельзя оставаться одному: они быстро проходят, но надо, чтобы рядом был кто-то любящий, кто-то, способный обнять.

Так они и стояли в обнимку. Пирог остывал, за окнами медленно сгущался вечер. Лето уходило – впереди были долгие дожди, золото и медь осенних листьев, тепло очага. А потом минута томительной тоски миновала, и Валентин, подхватив Дайну на руки, понес к кровати.

То, что остается после тоски, лучше всего заполнить любовью.

Когда он проснулся ранним утром, Дайна уже успела уйти. Она выскользнула отсюда несколько минут назад – в воздухе еще остался тихий след ее дыхания.

Валентин вздохнул и стал одеваться.

Четыре хлебные жабы торжественно разлеглись на серебряных подносах. Глядя, как Эжен пробует выпечку, отламывая лапку, Валентин подумал, что Южанин мог отравить этих жаб, несмотря на то что они провели ночь под личной охраной Кристиана и Александра. Но защитные артефакты, которые невозможно было обмануть, горели тихо и ровно, а Эжен принял столько лекарств на всякий случай, что сейчас мог бы выпить все зелья господина Бундо и даже не ахнуть.

Дегустацию решили провести в саду. Зеваки столпились на балконах, высовывались из окон, и Валентин заметил Дайну среди первокурсников – она стояла рядом с шанныйским принцем и, поймав взгляд Валентина, улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ.

Девушка выглядела спокойной. Значит, все в порядке – смерти рядом нет.

– Хорошая жаба! – весело заметил Эжен, и сквозь слой пудры на щеках Мин Ю проступил румянец.

– А что с ними будет потом, с этими жабами? – поинтересовалась она.

– Традиционно их раздают бедным вместе с деньгами, – ответил Эжен. – А я хочу отдать на кухню, нашим крысам-поварам, если вы не против.

– Мы не против! – хором воскликнули девушки, и принц пошел к следующей жабе. С трудом сдерживая волнение, Иви протянула ему поднос, и над садом вдруг раздалось возмущенное:

– Ква-а! Ква!

Жаба содрогнулась всем телом, стряхивая с себя муку. Теперь это был не забавный пирожок, а, как мог судить Валентин, кто-то вроде лягушки-быка, которая выглядела настолько сердито, словно собиралась пойти и задать кому-нибудь знатную взбучку. Жаба посмотрела на Эжена с таким забавным удивлением, что он расхохотался на весь сад. Иви побледнела, ее рыжие волосы сделались еще ярче.

– Святые мученики, – прошептала девушка, едва не выронив поднос. – Она живая!

Жаба посмотрела на участницу отбора так, словно хотела ответить: «Да, живая, а ты что думала?» В следующий миг она снова разразилась громогласным кваканьем и, спрыгнув с подноса, проворно поскакала к деревьям. Эжен машинально попытался ухватить ее, но не успел.

– Невероятно! – воскликнул он. – Вы обладаете огромными силами, Иви!

Иви смущенно наклонила голову. Всем было ясно, что она прошла в новый этап отбора невест.

Хлебная жаба Вильмы оказалась самой обычной белой булкой. Эжен отломил лапку, съел и от души похвалил:

– Очень вкусно, Вильма! Я так рад, что она не квакает и не бежит.

– Спасибо, ваше высочество, – ответила Вильма, и принц пошел к подносу Карин.

Хлебная жаба встрепелась, рассыпая муку, и заголосила так, что разнеслось по всей академии. Она была чуть меньше и светлее лягушки Иви, и Валентин подумал, что это, должно быть, самка.

Он обернулся и увидел, что Дайна смеется, глядя, с каким деловым видом Карин держит на подносе свою жабу. А из кустов тем временем раздалось переливистое кваканье, и к участницам отбора важно попрыгала жаба Иви.

– Надо же! – воскликнула Карин. – Парочка!

Ее земноводное спрыгнуло с подноса на землю и издало низкий звук, похожий на мурлыканье огромного кота. Вторая жаба запела: кажется, они понравились друг другу. Валентин не сдержал улыбки – скоро в академии появится жабыя семья.

– Надо будет их устроить где-нибудь в тепле, – проявил заботу бывший ректор. – У господина Бундо, например.

Над головами Карин и Иви закружились золотые кругляши монет, и сад наполнил мелодичный голос:

– Карин Шу и Иви Гудмундсдоттир прошли в последний этап отбора невест!

Через несколько мгновений к девушкам уже спешили однокурсники и друзья – обнять и поздравить. Сад наполнился смехом, восторженными возгласами и возмущенным кваканьем жаб – они хотели остаться наедине, а не в компании этих шумных двуногих.

Валентин пошел в сторону замка – мимо него торопливо спешили первокурсники. Летиция, которая демонстративно облачилась в черное платье после того, как сшитая ею рубашка отравила морок, шла в компании Аделарда, Дайны и Гровира. На мгновение Валентину даже стало жаль девушку – у нее было такое же выражение лица, как у Кристиана после взрыва.

Дайна улыбнулась ему светло и ободряюще, студенты хором поздоровались и пошли дальше.

– ...вы раньше избегали сабель, ваше высочество, – услышал Валентин слова Летиции.

Аделард усмехнулся.

– Пришлось научиться, потратил все лето на тренировки...

Ну конечно. Шаннийцы впервые за много лет провели маневры – готовятся к войне. Они всегда были щеголями, смешными в своей манерности, но много веков назад Шанно держало в кулаке весь юго-запад материка, и тяжкая поступь когорт с золотым орлом на красных щитах заставляла дрожать от страха и Саалию, и Абсолон.

И все кончилось. Сидят теперь шаннийцы, губы красят.

Валентин вошел в замок, быстрым шагом двинулся по лестнице. Щиты с объявлениями на стенах уже украшали цветные полотна с портретом Южанина и надписью: «Внимание, розыск! Вы видели этого человека?» Бывшему ректору казалось, что Южанин сейчас видит его и смеется, повторяя: ты меня не поймал, тебе меня не остановить.

Во рту сделалось горько.

– Господин ректор! – вдруг робко окликнули со второго этажа, и к Валентину подошла Эсме – худенькая второкурсница-южанка.

Очень сильная волшебница, она была родом из такой бедной семьи, что приехала в академию в платье из мешка: Валентин до сих пор помнил грубую мешковину, запах картофеля и испуганные глаза девушки, которая спускалась с телеги, боясь, что ее выкинут отсюда. Сейчас, конечно, все изменилось, Эсме была одета по абсолонской моде, но глаза у нее по-прежнему были, как у косули: большие, блестящие, с паникой на дне.

– Я уже не ректор, Эсме. – Валентин ободряюще улыбнулся. – Как твои дела?

– Вроде бы ничего, – ответила девушка и указала на полотно с лицом Южанина. – Господин Валентин, простите, а можно его немного развернуть? Чтобы было видно ухо?

Валентин мягко провел рукой по воздуху, и голова Южанина медленно повернулась, открыв ухо, в котором теперь поблескивало что-то металлическое.

– Вот! – воскликнула Эсме и, забыв о вежливости, ткнула пальцем в сторону полотна. – Видите серьгу в завитке? Она раньше за волосами была.

– Да, вижу, – кивнул Валентин. – И что она означает?

– Он аранвенец, – твердо заявила Эсме, напомнив Валентину слова Леона. – Пять лет назад я была в Аранвене у тетки, так там все парни пробивали уши. Такая мода. Причем страшно лупили иностранцев, если они пытались вставить серьгу. Это, мол, только наш знак, и ничей больше. В аранвенцах нет магии, я знаю, – продолжала она, предупредив замечание Валентина. – Но родители-то у него могли быть не из Аранвена.

Неужели действительно Аранвен? Маленькая страна с огромными природными ресурсами, на которые Леон очень быстро наложил лапу. Сейчас Аранвен был провинциальной областью Саалии, и Валентин знал из газет, что жизнь там была ленивой и тихой.

Болото. Самое настоящее болото. Народный мститель просто не мог появиться там, где люди предпочитают спать на берегу моря с кувшином сангрии в руке. Да и слишком много лет прошло.

Но если он все это время собирал силы? Искал сторонников, учился магии, причем так, чтобы никто об этом не узнал, и копил деньги, без денег не реализуешь грандиозные планы.

Валентин обернулся к полотну и посмотрел на Южанина. Ему вдруг показалось, что нарисованное лицо подмигнуло ему и улыбнулось.

«Ты меня знаешь, – услышал он далекий голос. – Ты меня знаешь».

– Гам! Га-ам!

Голос дракона звучал издали так тоскливо, словно он кого-то оплакивал. Что за странный сон ей снится? Дайна попыталась открыть глаза и не смогла. Кругом было холодно. Спина болела – девушка лежала на чем-то твердом и неудобном.

Пирог они с Валентином, конечно, доели, а потом лежали рядом и разговаривали о пустяках – сейчас Дайна даже не вспомнила бы, о каких, но тогда ее наполняло невесомое счастье. Она никогда не была так счастлива.

А потом они заснули, и Дайне приснилось, что она встает с ложа и куда-то идет коридорами академии. И коридоры все не кончаются, и со стен смотрят портреты двухголовых людей с оскаленными ртами, и невидимые решетки шуршат под ногами, дотрагиваясь до лодыжек прохладными чешуйчатыми телами и злобно шипя.

А потом вдруг стало больно и горячо. В груди расцвел огненный цветок, и Дайна полетела куда-то вниз. Но смерть сжала ее руку, как старая подруга, и боль ушла.

– Гам!

«Ну, вставай же! Вставай!»

Так собака толкает носом лежащего хозяина, еще не понимая, что он умер.

«Я умерла?!»

Эта мысль обдала Дайну таким ужасом, что она содрогнулась всем телом и открыла глаза.

Кругом была каменная тьма. Высоко-высоко золотился солнечный свет, и принцесса увидела драконью голову, которая испуганно заглядывала вниз. Дракон поймал ее взгляд, и его морду озарило радостью – глаза засветились, пасть сложилась в некое подобие довольной улыбки.

– Гам! – заголосил он и, опустив лапу, попытался подцепить свою хозяйку.

Не получилось.

Грудь наливалась болью. Дайне казалось, что она не сможет пошевелиться – смогла. Медленно, преодолевая огонь, начинавший пульсировать в ней при каждом движении, она подняла руку и дотронулась до груди.

Пальцы запачкало кровью.

– Меня... – прошептала Дайна. – Меня убили.

«Верно, – откликнулась смерть. Сейчас она стояла не за плечом, а дальше. Она уходила. – Тебя убили и сбросили в эту расщелину. Но с некромантом так просто не расправишься. Хорошо, что он этого не знал, правда?»

Кажется, дракон всхлипнул.

Принцессу начало знобить. Осознание собственной смерти было таким жестоким и холодным, что на какое-то время она потеряла связь с миром: смотрела на драконью морду и лапу, которая бесполезно пыталась ее вытащить из расщелины, но не понимала, что видит.

Но вскоре это прошло.

Дайна шевельнулась. Надо было не валяться здесь, а попробовать встать. Возможно, если она сможет забраться на один из выступов, дракону все же удастся ее подхватить.

– Ничего... – пробормотала девушка. Каждое движение причиняло боль: казалось, что все ее тело горит. Наверное, это и был ад. – У тебя ведь нет имени, да? Я буду... звать тебя Гам. Ты не против, мой хороший?

– Гам! – восторженно воскликнул дракон. Он был рад, что хозяйка пришла в себя, заговорила с ним и пытается спастись. – Гам!

Дайна села и поняла, что не одна в расщелине.

Ее сбросили на мертвеца.

Поняв, что все это время она лежала на трупе, принцесса взвизгнула и шарахнулась в сторону. Дракон заворчал, выпустив клубы пара. Сумев-таки усмирить отчаянно стучащее сердце, Дайна отважилась посмотреть на мертвеца.

Среди камней лежала мумия – принцесса однажды видела их в музее и настолько испугалась, что потом они снились ей несколько дней, таскаясь за ней по дорогам и коридорам. Иссушенное лицо, запрокинутое к небу, смотрело зажмуренными глазами так, словно загадывало загадку. Чувствуя, что ее снова начинает знобить, Дайна закусил костяшку указательного пальца и приказала себе успокоиться.

Ее истерика не приведет к добру. Надо не рыдать и трястись от страха, а понять, как отсюда выбраться.

Девушка открыла глаза и поняла, что ее сильнее всего напугала не мумия, а то, во что она была одета. Изящный сюртук цвета пыльной розы, белоснежная рубашка с пышными кружевами, жемчужно-серые штаны – мертвец был наряжен по последней шаннийской моде.

Наряд портила лишь дыра в груди.

Дайна всхлипнула, провела ладонями по лицу. Вспомнила, как Александр рассказывал о том, что ученые восстанавливали облик мертвецов на раскопках – воспоминание озарило каменный сумрак, и Дайна поняла, что ей нужно сделать.

Она поднялась на ноги, и дракон снова сунул лапу в расщелину – не достал.

– Гам, послушай! – крикнула девушка. – Сбрось мне свою чешуйку! Одну! Мне надо вернуть облик этому человеку!

«Правда, я понятия не имею, как буду это делать», – растерянно подумала она.

Дракон фыркнул и принялся чесаться.

Вскоре вокруг Дайны и мертвеца кружилось целое облако мелких чешуек: дракон благоразумно решил, что чем больше, тем лучше. Принцесса поймала одну, покрутила в пальцах и, преодолевая брезгливый страх, который сейчас пробирал до костей и холодил живот, приложила ее к сухому лбу мертвеца.

Ничего не случилось. Мумия оставалась мумией.

– Гам? – спросил дракон.

Дайна пожала плечами.

– Я не знаю, – призналась она. – Хотя...

Направление магической энергии – явление, что студенты изучали на самом первом занятии. Дайна прикрыла глаза, сжала зубы и почувствовала, как в ее руке начинает пульсировать тепло, собираясь в кончиках пальцев.

– Вставай, – сказала она, и ее ударило снова, да так, что отбросило к стене.

Драконья чешуйка медленно начала наливаться золотым, и Дайна увидела, как меняется мумия. Черты ее лица сгладились, просветлели, наполнились светом и красками. Каштановые волосы мягко заструились, прикрывая череп. Костлявые руки сделались изящными, ухоженными – руками джентльмена, незнакомого с работой.

Золотое сияние угасло. Чешуйка соскользнула со лба мертвеца, и Дайна вскрикнула, но тотчас же зажала себе рот, чтобы не завопить во весь голос.

Перед ней лежал Аделард, принц Шанно. Аделард, который вчера снова подтрунивал над Карин, спорил с Гровиром о методах закаливания клинка и выругался, когда тушь попала ему в глаз.

– Господи... – прошептала девушка. Дотронулась было до Аделарда и тотчас же отдернула руку. Сколько же времени он тут провел? И кто это вообще?

– Гам, – негромко окликнул ее дракон. Дайна всхлипнула и сказала:

– Да, да, маленький. Ты прав.

Она зажмурилась – чтобы прикоснуться к мертвецу, ей надо было пересилить себя. Закусив губу, принцесса положила правую ладонь на ледяную грудь мертвеца, снова не понимая, что надо сделать.

Она оживила Гровира и Валентина сразу же после их смерти. Сколько времени Аделард провел в этой расщелине? Что с ним будет, если он оживет?

Дайна представила, как воскресший мертвец, в котором больше нет ничего человеческого, ни единого проблеска разума и чувств, поднимается на камнях, чтобы в следующий миг броситься на нее и вцепиться зубами в горло.

Страх был таким сильным, что Дайна едва не потеряла сознание. И вдруг нахлынуло: зеленые луга до самого горизонта с небрежно брошенными гребнями лесов, мягкая поступь породистой лошади, ветер, беспечно играющий с волосами. Солнце плескалось в летнем небе, и смотреть на него было совсем не больно. А за спиной оставался город – изящный, причудливый, такой родной – и как больно было его оставлять!

Ее оттолкнули. Дайна ударилась головой о камень, но боли почти не было. Аделард сел резким движением, выброшенная вперед рука схватила воздух, изо рта вырвался мучительный стон. Наверху Гам перевалился с лапы на лапу, и вокруг его морды закружились искры: дракон готов был выплюнуть огонь.

– Нет! – воскликнула девушка. – Нет, Гам, не надо!

Она подобралась к принцу, который с ужасом смотрел по сторонам, поймала его за руку и позвала:

– Аделард! Ты меня слышишь?

Чужой голос привел парня в чувство – он прижал ладонь ко лбу и едва слышно проговорил:

– Слышу. Кто вы? И как... – Принц осмотрелся по сторонам. – Как я сюда попал?

«Он меня не узнает, – подумала Дайна. – Как Валентин. Или все дело в том, что его убили и бросили сюда до того, как мы познакомились».

От понимания, что их враг все время был настолько близко, Дайну снова обдало холодом.

– Ты меня не узнаешь? – на всякий случай спросила девушка.

Принц нахмурился и вдруг дотронулся до ее лица. Пальцы были теплыми, и страх, который стиснул начинающую некромантку, медленно разжал руки.

– Нет, – уверенно произнес Аделард. – Я впервые вижу вас. Стойте... мы на «ты»? Почему?

Дайна не знала, как на это ответить. Потому что мы однокурсники в академии магии? Но принц перевел взгляд вниз, увидел кроваво-черную дыру на сюртуке и устало прошептал:

– Вот оно что... Он меня убил.

– Кто? – Дайна схватила его за руку, сжала. – Кто это был? Ты его помнишь?

Лицо Аделарда свело мучительной гримасой, словно воспоминания причиняли ему боль.

– Это случилось после праздника Светлячков, – глухо проговорил принц. «Первый день лета», – напредила себе Дайна. – Я возвращался во дворец через сад, а он вдруг вышел мне навстречу. И выстрелил. Высокий такой, молодой. Лицо джентльмена, а не вора.

Аделард посмотрел наверх и, увидев дракона, отпрянул, прижавшись к камню. Дайна ободряюще погладила его по плечу.

– Не бойся. Это мой дракон, он тебя не тронет.

– Ваш? – удивился принц и поправился: – Хорошо, давай на «ты», – Он снова посмотрел на дыру в одежде и с горечью сказал: – Все-таки мертв. Где мы? Это ад?

Теперь Дайна поняла, почему некромантия всегда считалась запретным искусством. Одно дело вернуть матери умершего ребенка, и совсем другое – поднимать войска на поле битвы. А если некромант безумен? Если он будет убивать свою жертву, и поднимать ее из мертвых, и убивать снова?

В расщелине стало еще холоднее.

– Это горы неподалеку от академии магии, – ответила Дайна. – Послушай, Аделард, тебя на самом деле убили, и убийца занял твоё место. Меня зовут Дайна Девлет, мы с тобой учимся в академии.

Аделард даже рассмеялся, печально и горько.

– Академия магии? И я там учусь? Невозможно! Во мне нет ни капли волшебства. Впрочем, если он занял мое место... – Принц устало привалился к стене и запустил обе руки в волосы. – Я ему кишки выпущу, когда мы отсюда выберемся.

Дайна подумала, что они никогда бы отсюда не выбрались. Так и лежали бы два мертвеца. А вместо Дайны, допустим, их враг запустил бы в академию морок вроде того, что примерял рубашки на отборе невест, и Валентин... Нет, о Валентине лучше сейчас не думать. Мысли о нем делали девушку слабой, и страх, который она сумела подавить, снова поднимал голову и заглядывал ей в лицо.

– Ты видел раньше этого человека? – спросила она.

Аделард неопределенно пожал плечами.

– Нет. Но когда он вышел, то его лицо почему-то мне показалось знакомым. – Принц снова посмотрел на дракона, теперь уже со спокойным любопытством. – А какой сейчас день?

– Начало осени, – ответила Дайна, и Аделард даже присвистнул.

– Надо же, сколько я тут провалялся...

– Что там было? – спросила Дайна, не уточняя, какое именно «там» она имеет в виду. Аделард улыбнулся, поняв ее без объяснений.

– Зеленые луга. И я ехал на лошади, и было так хорошо, спокойно. Только жаль стало уезжать из дома, и мне казалось, будто мы не очень-то двигаемся с места.

«Вот оно как, – подумала принцесса. – Возможно, я могу воскрешать их, и они возвращаются

разумными, потому что не хотят уходить окончательно». Дайна не хотела верить в то, что способна оживить кого-то, кто умер много лет назад. Это было слишком жутко.

– Мы побудем здесь еще немного, – ободряюще сказала она и, запрокинув голову, махнула рукой дракону. – Гам! Приведи сюда Валентина!

– Гам! – с готовностью откликнулся дракон и развернул крылья.

Глава 9

Имя южанина

Кабинет попечителя академии находился в южной башне замка, летом здесь всегда царила удушающая жара, а зимой стены звенели от мороза. Но Валентин любил южную башню и, войдя в просторный зал, где ему теперь предстояло работать, ощутил нечто похожее на возвращение домой.

Валентин любил жару. А холод – ну что ж, есть и сеть отопления, и обогревающие заклинания.

Его комнаты в саалийском дворце тоже выходили окнами на юг – войдя в кабинет, Валентин словно вернулся в детство и юность. Прежде здесь была одна из запасных лабораторий, которую поспешно расчистили и меблировали для попечителя академии. Валентин прошел к высоким книжным шкафам, в которых крысы уже расставили его книги, и вспомнил, как предложил Кристиану занять его помещения в западной части замка.

Кристиан даже возмутился.

– Они твои. Слушай, – сказал боевой маг, машинально дотронувшись до кончика носа. – Ты можешь отказаться от должности. Но ты не перестанешь быть ректором академии. Настоящим, а не назначенным. – Кристиан замялся и добавил: – Духом этого места, а не человеком на должности.

Это прозвучало настолько искренне, что Валентин ощутил мгновенное внутреннее неудобство.

Скрипнула дверь, и в кабинет вошла Дайна. Обернувшись к ней, Валентин заметил, что девушка в чем-то неуловимо изменилась. Вроде бы все было как всегда – и улыбка, и теплый взгляд, и тот огонек, который теперь загорался в нем, когда они оставались наедине. Но теперь в Дайне таилось что-то еще, делаая ее невероятно, до звона в ушах влекущей.

– Привет! – Девушка подошла к нему, улыбнулась. – У вас тут очень уютно, господин попечитель.

Валентин улыбнулся в ответ, обнял ее, чувствуя, как откуда-то из далеких темных глубин сердца поднимается властный и давящий зов. В голове зашумело, как после нескольких бокалов южного вина.

– Уютно, – ответил Валентин. От Дайны веяло таким теплом, что сердце пропускало удар, а потом начинало колотиться быстрее. Она снова улыбнулась, и к ее щекам прилил румянец. – Почему ты ушла так рано?

– Вспомнила, что забыла про семинар по созданиям тьмы. На первой паре. Вильма обещала дать мне свои записи, но у меня совсем все вылетело из головы, – с очаровательным смущением призналась Дайна. – Представляешь, проснулась от этой мысли и сразу же бросилась готовиться, пока было время. А сейчас услышала, как крысы говорили про твой новый кабинет, и решила заглянуть, провести тебя. Тут есть боковая лестница, почти от наших комнат. – Дайна осеклась и тотчас же добавила: – Прости, я тебе не помешала? Ты, должно быть, занят, а я влетела вот так.

– Ну как ты можешь мне помешать. – Валентин рассмеялся. Девушка была настолько трогательной и хрупкой в эту минуту, что даже ее рассказ о том, как она не подготовилась к семинару, казался Валентину невероятно милым. – Я очень рад, что ты пришла. И волновался, все ли у тебя в порядке.

Он вспомнил, как замер утром, уже выходя из спальни в оранжерею, будто налетел на невидимое препятствие: а что, если Дайну похитили? А если ее забрал Южанин? Это же элементарно – надо отнять у врага то, что ему дорого, надо ударить его по больному, а девушка как раз и была слабым местом Валентина, человеком, которым он сейчас дорожил сильнее всего. Но потом он прощупал магические нити, которые пронизывали академию, нашел следы Дайны, с которой не случилось ничего плохого, и смог вздохнуть с облегчением.

– Все хорошо, – негромко откликнулась Дайна и потянулась к нему.

Поцелуй сначала был спокойным и целомудренным, но потом Валентин почувствовал, как их обоих наполняет пламя. В нем запульсировала та жажда, которую можно было утолить лишь в объятиях Дайны – бескрайне, бесконечно любимой и желанной.

Он сам не понял, как они оказались возле его письменного стола, но вот полетели на пол какие-то блокноты, перья, книги – и Дайна уже сидит на столешнице, обхватывая Валентина ногами и целуя его с жадностью, которой он и не подозревал в ней. Казалось, девушка сбросила с себя все оковы привычек и манер и наконец-то отважилась стать собой – открытой, страстной, огненной. Валентин на мгновение оторвался от Дайны, заглянул в ее глаза – потемневшие, затянутые туманом желания, и звон в его ушах усилился.

– Нас могут увидеть, господин попечитель, – рассмеялась Дайна, и Валентин рассмеялся в ответ.

– Не могут, – сказал он и неожиданно грубым движением стянул верх платья, освобождая ее грудь и сминая в ладони. Дайна сдавленно застонала, запрокинула голову, изогнулась всем телом, прижимаясь к Валентину. Ее сердце колотилось под его ладонью, и это сводило с ума. – Не могут, дверь закрыта на заклинание.

Смех Дайны прозвучал неожиданно хрипло, как у видавшей виды куртизанки.

– Тогда... – шепот обжег ухо Валентина, бедра девушки качнулись ему навстречу. – Тогда иди ко мне. Иди ко мне.

Она казалась медом – и Валентин тонул в нем, каким-то краем сознания понимая, что никогда не испытывал ничего даже близко похожего на то, что сейчас бурлило в нем. Не страсть, не похоть, не любовь – то, что швырнуло его в объятия Дайны, не имело названия. Оно было жестоким, темным и властным, оно сминало и тянуло к себе, не давая опомниться. Дайна с голодной жадностью откликалась на его поцелуи, подавалась навстречу, изнемогая от желания, и в какой-то момент Валентин понял, что горит.

Пламени не было: испепеляющий огонь кружился в его душе, выжигая чувства и мысли. Валентин попытался отстраниться от Дайны и не смог – она обхватила его за плечи, прильнула всем телом, и сквозь знакомые черты проступило что-то жестокое и холодное.

«Иди ко мне», – услышал Валентин чужой голос в своей голове. Это была не Дайна, его обманули: бессилие болезненно запульсировало в висках. Южанин ударил Валентина его же оружием, создал морок и выпустил его, чтобы уничтожить своего врага. В самой глубине огня дымилась стужа – Валентин смотрел в глаза морока, в темный студеной водоворот, и беспомощно осознавал, что ничего не сможет с ним сделать.

Все заклинания словно стерлись из его разума. Силы, которые прежде пульсировали в каждой клетке тела, испарились.

– Иди ко мне, – шепнул морок, наконец-то став самим собой: рваным клоком одушевленной тьмы, которую приручил хозяин и бросил врагу. – Иди ко мне.

«Дайна, – только и смог подумать Валентин, балансируя на краю мрака. – Он похитил Дайну».

А потом все заполнил огонь и рев, и тьмы не стало.

Наваждение схлынуло – отлетев в сторону и едва не сбив собой кресло, Валентин увидел, как горит морок. Снаружи завис дракон: вцепившись когтями в каменную стену, он просунул голову в окно и плюнул в лже-Дайну ступком пламени.

Пламя было ослепительно-белым.

Дракон взревел, и горящий морок рухнул на пол. Пальцы Валентина снова наполнило силой, и он швырнул в огонь заклинание усмирения. Через несколько мгновений на полу осталось лишь несколько капель воды.

Эта мерзость осмелилась принять облик Дайны. Когда Валентин думал об этом, у него начинали болеть глаза от ненависти и желания отомстить.

– Драконье пламя убивает порождения мрака, – проговорил он и удивился тому, насколько хрипло и болезненно прозвучал его голос. Пол еще плыл под ногами, но постепенно Валентину становилось все легче и легче. – Спасибо, что помог мне. Ты видел Дайну?

Почему-то он точно знал, что девушки нет в замке. Южанин забрал ее, чтобы морок без проблем выполнил свою работу.

Валентин дотронулся до сверкающей сети магического поля. Да, Дайны нет в академии, но она жива, хоть и находится далеко отсюда.

– Гам! – довольно ответил дракон.

– Отнеси меня к ней, пожалуйста, – попросил Валентин и шагнул к окну.

Дракон опустился в горах. К этому времени солнце уже коснулось горизонта красным животом, и горы стремительно наполняли сиреневые сумерки. Валентин надеялся, что успеет найти Дайну до темноты.

Должно быть, когда-то давно, еще до появления людей, здесь воевали великаны. Выхватывали валуны, швыряли друг в друга, но теперь место старой битвы заросло мелкими цветочками камнежорки и скудной травой. Дракон присел, позволяя Валентину осторожно соскользнуть со спины, и пророкотал:

– Гам!

Камни выше по склону содрогнулись, но камнепад не начался. Зато Валентин услышал:

– Мы здесь!

Он машинально дотронулся до лба, прикрыл глаза. Дайна была жива, ее голос звучал ясно и бодро. Но «мы»? Кто там с ней?

– Дайна! – прокричал Валентин, и дракон аккуратно подтолкнул его мордой в спину. Чуть поодаль Валентин заметил расщелину и бросился туда.

Дайна была там, внизу – сидела на камнях в ночной сорочке и куртке цвета пыльной розы, наброшенной на плечи. Вглядевшись в молодого человека, который стоял рядом с ней, Валентин удивленно воскликнул:

– Аделард? А вы как там оказались?

Шаннийский принц развел руками.

– Я уже не удивляюсь, что мы знакомы, – произнес он, и от этих слов повеяло холодом.

– Валентин! – Дайна вскочила, замахала ему рукой. – Валентин, вытащи нас!

Валентин сделал шаг назад и бросил в расщелину заклинания: одно укрывающее и защищающее, а второе позволяющее летать. Горы наполнились низким гулом, и вскоре Дайну и Аделарда вынесло из расщелины и мягко опустило на камни.

– Слава богу, – выдохнула Дайна. Валентин обнял ее, она уткнулась лицом ему в грудь: живая, настоящая. – Я так испугалась...

Он мягко отстранил Дайну, заглянул ей в лицо.

– Все хорошо. Я здесь, – произнес маг. – Что случилось?

– Он похитил меня, – промолвила Дайна, глядя ему в глаза так, словно Валентин мог бесследно исчезнуть в любую минуту. – Похитил и убил.

В подтверждение своих слов Дайна дотронулась до груди. Валентин всмотрелся и увидел темное пятно на коже, там, где ударило заклинание. На мгновение у него все дрогнуло перед глазами, ненависть забила в висках так, что заболела голова. Эта сволочь ударила Дайну заклинанием Подземного молота, надеясь, что оно способно уничтожить некромантку.

Слава богу, это оказалось не так просто. Некромантов окончательно уничтожает только чистый огонь инквизиции.

– Но я очнулась в той расщелине, – продолжала девушка и обернулась на дракона: тот с любопытством рассматривал Аделарда, а шаннийский принц оторопело замер, не в силах пошевелиться. – Аделард тоже был там... Его убили в начале лета. Я его вернула.

Валентин посмотрел на Аделарда. Вот, значит, чей облик принял Южанин. Молодец, ничего не скажешь. Изначально в шаннийском принце не было магии, но Южанин занял его место, и государь отправил сына в академию. И без Южанина не обошлось, когда шаннийцы начали маневры.

«Если мы вернемся в академию, то его там уже не будет, – подумал Валентин. – Ну не дурак же он оставаться там после того, как его морок сгорел, а я улетел на драконе на виду у всех». Южанин уйдет, сбросит чужой облик, как змея сбрасывает кожу, а потом вернется уже с новым лицом.

Возможно, за его спиной будут шаннийские когорты. Или летучие отряды оркувенов.

– А потом я отправила Гама за тобой, – сказала Дайна и вдруг провела рукой по плечу Валентина и с дрожью в голосе спросила: – Что с тобой? Ты горел?

Маг покосился на мантию – да, действительно, на ткани красовалось прожженное пятно, словно погон.

– Да, разбирался с подарочком от этой сволочи, – ответил Валентин. – Если бы не твой дракон, я бы не разобрался.

Глаза Дайны удивленно вспыхнули. Валентин увидел, как дракон легонько толкнул Аделарда в плечо и подставил голову для чесания. Принц медленно провел ладонью по надбровьям, и дракон довольно зафырчал.

- Что же он сделал? - спросила Дайна.

- Драконье пламя убивает порождения тьмы, - ответил Валентин. - Он испепелил ту тварь, которая приняла твой облик.

И тут же пожалел о сказанном: лицо девушки дрогнуло, и Валентин испугался, что она заплачет. Сколько бед за один день - сначала ее убили и сбросили в расщелину в компании к трупу, а в довершение всего выяснилось, что кто-то позаимствовал ее внешность.

- Ты знаешь, я думала об этом, - призналась Дайна. - Если я тут, в горах, значит, в академии есть кто-то вместо меня.

Валентин прикрыл глаза и мысленно перенесся в академию. Вот замок, вот серебристые пряди магической сети - он нахмурился, пытаясь выцепить лже-Аделарда среди обитателей академии.

- Он в замке, - произнес Валентин. Головная боль усилилась, он провел ладонью по лбу и сказал, что сейчас не надо делать резких движений. Южанина нельзя спугнуть - маг такой силы просто может взять и испепелить академию вместе с ее обитателями, если что-то пойдет не по его плану.

- И что же нам делать? - шепотом спросила Дайна. - Возвращаться? Всем троим?

Аделард обернулся, и усмешка, которая заплескала на его губах, не обещала Южанину ничего хорошего.

- Я не боец и не маг, - произнес он. - Но я готов рвать эту дрянь голыми руками. Распоряжайтесь мной, как сочтете нужным, господин ректор.

Валентин улыбнулся - ему понравилась эта решительность.

- В седле хорошо держитесь? - спросил он. Аделард кивнул.

- Смею надеяться, что да.

- Тогда станете драконьим всадником, если понадобится, - сказал Валентин и объяснил: - Сейчас я уйду отсюда. А перед этим попытаюсь достучаться до Южанина и выманить его из академии.

Видение, которое на мгновение всплыло перед его глазами, было настолько ярким и сильным, что Валентину захотелось зажмуриться. Он увидел огонь, вырывавшийся из окон и жадно пожиравший башни, сад, обхваченный пламенем, мертвецов, лежавших во внутреннем дворике. Он увидел свой мир разоренным и погубленным и понял, что спасет его. Погибнет сам - но академия выстоит.

- А мы? - испуганно спросила Дайна. Валентин вдруг понял, что она сжимает его руку так сильно, что кости начинают хрустеть. - А что будем делать мы? Ты же не пойдешь к нему один?

- Пойду, - твердо сказал Валентин и, сумев-таки освободить руку, погладил Дайну по плечу. - Я предложу ему дуэль. Здесь.

Девушка побледнела так, что маг испугался, не упала бы она в обморок. Аделард вопросительно поднял левую бровь.

- А мы прикроем вас на драконе, зайдя с тыла, - произнес он и поинтересовался: - Вы уверены, что он придет?

- Придет, - кивнул Валентин. - Ему нельзя не прийти.

Он подумал и добавил:

- Я знаю его. Я его вспомнил.

Дайна подумала, что никогда не видела ничего более красивого.

Они с Аделардом и драконом устроились среди камней так, чтобы их не было видно с места дуэли, хотя принцесса понимала, что Южанин все равно почувствует их присутствие и можно не прятаться. Валентин спустился ниже по склону, где как раз был широкий уступ, словно специально созданный для дуэли, и поднял руки к вечернему синему небу.

Вокруг него поплыли голубые искры. Их становилось все больше и больше, и вскоре над горами уже мела сверкающая метель, в центре которой искрились молнии, взлетая с ладоней Валентина. Глядя на это удивительное по красоте зрелище, Дайна невольно вспомнила, как один из родственников, в доме которого она встречала Рождество, подарил ей стеклянный шарик на подставке. Там, внутри,

был домик с садом, и стоило качнуть шарик, как вокруг домика принималась кружиться метель.

Дайна закусила губу. Страх, с которым она боролась с самого утра, снова поднимал голову. Аделард накрыл ее руку своей и негромко произнес:

– Я с тобой. Мы победим мерзавца.

– Гам, – так же негромко произнес дракон и толкнул принцессу лбом в плечо: дескать, я тоже здесь, не забывай об этом.

«Приди, – услышала Дайна призрачные слова, зазвучавшие в ее голове. – Приди на мой зов. Я узнал тебя».

Слова повторялись и повторялись, и на какой-то момент пугающе красивая синяя метель сгустилась так, что фигура Валентина почти исчезла.

– Как думаешь, он придет? – спросила Дайна.

Аделард кивнул.

– Придет. Он именно этого и добивался.

Постепенно метель стала униматься: искры поднялись над горами, озарив их таинственным сиянием, и вскоре Дайна увидела Валентина, который стоял, спокойно опустив руки, и смотрел, как по почти незаметной тропинке к нему поднимается человек. Всмотревшись в его лицо, Аделард выругался, негромко, но очень нецензурно, и принцесса вполне разделяла его гнев.

Будешь тут ругаться, когда увидишь человека с украденным у тебя лицом.

Дайну начало знобить. Вот тот, с кем она сидела рядом на занятиях, с кем смеялась и шутила в столовой, кому верила, как своему другу. Вспомнилась шутовская дуэль с Гровиром и то, как лже-Аделард потом заступился за него перед Базилем. Все они считали его другом, все ему верили, а он лишь играл с ними, преследуя собственные цели.

Они были для него кем-то вроде насекомых под стеклом натуралиста.

И Валентин вспомнил его. Почему-то это пугало Дайну сильнее всего.

– Добрый вечер! – произнес Валентин, когда Южанин остановился, не доходя до него. – Может быть, снимешь эту дрянь?

Так его отец, король Леон, говорил, когда видел сына в маске. Дайна не знала, откуда к ней пришло это понимание. Южанин усмехнулся.

– Как пожелаешь, – ответил он, и Аделард снова выругался.

Южанин провел ладонью по воздуху, и черты его лица дрогнули и поплыли, словно кто-то бросил камешек в озеро, и по воде пошли круги. Через несколько мгновений морок развеялся, и Южанин обрел то лицо, которое Дайна впервые увидела в гудящем пламени королевского огня.

– Аранвенец, – произнес Валентин. – Аранвенская правящая династия. Бастард покойного князя Генриха, а мать – иностранка. Только так я могу объяснить твою магию. И то, почему ты заварил эту кашу.

Губы Южанина дрогнули в тонкой улыбке, но в глазах не было ничего, кроме спокойной, рассудочной ненависти.

– Все верно, – подтвердил он. Голос был глубоким, бархатным – приятный голос хорошего человека. Дайна обхватила себя руками за плечи, пытаясь унять озноб. – Моя мать шанныйка. Умерла при родах, и ее смерть сделала меня магом.

Валентин помолчал, всматриваясь в Южанина.

– Ты похож на Авриль, – сказал он, и в его голосе прозвучала такая боль потери, что Дайне захотелось закричать. – Как тебя зовут?

– Данир, – ответил Южанин. – Знаешь, отец проклинал себя за то, что позволил ей уехать в Саалию. Но как же, добрые отношения с хорошим соседом... А твой отец застрелил ее, когда понял, что сможет просто захватить несчастный Аранвен, а не объединяться с ним через твой брак. Ему не нужно было независимое княжество.

Так вот о чем говорил Александр, когда они собирали драконью чешую! Дайна невольно зажала рот

ладонью.

– Это был несчастный случай, – глухо произнес Валентин, и горе, смявшее его лицо, было глубоким и неутолимым. Он носил его в себе и надеялся, что смирился с ним и забыл о нем. А оно все это время тлело торфяным пожаром и теперь вышло на поверхность. – Леон не хотел убивать Авриль.

Данир прикрыл глаза. Усмехнулся. Дайна с ужасом подумала, что его боль была не меньше.

– Хотел, – устало откликнулся Данир. – Хотел и убил. Саалии выгоднее было получить не союзника, а собственность. Хорошую такую собственность с выходом к морю, железом и драконьими кладками на островах. И он застрелил мою сестру и этим убил моего отца. А я бастард и не мог ни взять его корону, ни поднять его меч.

Валентин провел ладонями по лицу, будто слова Данира были липкой паутиной и он пытался стряхнуть ее и не мог.

– И теперь ты мстишь саалийской династии, – глухо проговорил он. – Ты хочешь развязать войну, шаннийцы победят, и ты сядешь на трон единых королевств. Шанно, Саалия и Аранвен, может, еще и Застепье, если все удачно сложится... правильно?

Вот почему он подружился с Гровиром – искал очередного могущественного союзника. Валентин вспомнил ту нелепую дуэль, которая так всех насмешила перед проявлением Мировой нити. Сейчас она казалась ему грамотной инсценировкой. Данир усмехнулся – так усмехается отец, когда его ребенок уверенно говорит какие-нибудь трогательные глупости.

– Мне не нужен трон, – признался он. – И никогда не был нужен. Я лишь хочу, чтобы саалийская династия исчезла. Чтобы от вас не осталось ничего. Ни следов, ни памяти.

Валентин нахмурился.

– Бесплодие моей невестки – это не твоя ли работа? – спросил он.

Данир улыбнулся той светлой обезоруживающей улыбкой, которая показалась Дайне дикой и неуместной.

Чудовища не смеют улыбаться так. А Данир как раз и был чудовищем. Девушка сочувствовала той потере, что он перенес, она знала, как это – потерять семью и родных, утратить опору в жизни.

Но она не оправдывала его. Он искал не справедливости, а мести.

– Нет! – с усмешкой ответил он. – Судьба тут справилась лучше, чем я. Интересная вещь судьба, правда? Авриль думала, что ты ее любишь. Что спасешь. А ты взял и смылся. Не попытался искать правосудия, не призвал папашу к ответу – просто сбежал. Спрятался за маской, таким трагическим героем. – Данир горько рассмеялся и добавил: – Чего стоила твоя любовь на самом деле?

Дайна закусила костяшку указательного пальца, чтобы не закричать. Вот, значит, что случилось в прошлом Валентина. Леон Саалийский убил его любимую, и Валентин не смог ее спасти. А потом спасал Дайну – от дракона, от инквизиции, от всех.

– Это был несчастный случай, – повторил Валентин. Сейчас он был раздавлен скорбью.

Аделард почувствовал это и прошептал:

– Ему надо держаться. Так он не выстоит.

Губы Данира снова скривились в улыбке.

– Твой папаша все предусмотрел. Его разведка сообщила о моей работе в Шанно, и он зашевелился. Тебе очень повезло с некроманткой... тоже воля судьбы! Хорошо, что ты смог затащить ее в постель и закрепить этим ее магию. Дайна! – Он обернулся к скалам, махнул рукой. – Я знаю, что вы там! Еще одна игрушка саалийской династии! Мне вас искренне жаль, хоть вы и не верите.

Дайна хотела было подняться, но Аделард тотчас же обхватил ее за плечи и практически вдавил в землю.

– Тихо! – прошипел он. – Не шевелись, он нарочно тебя провоцирует. Хочет, чтобы ты вышла, Валентин не станет сражаться, если ты будешь под ударом.

В тот же миг Валентин ударил – там, где секунду назад стоял Данир, распахнулась пасть еще одной расщелины. Над горами раскатился смех, и в грудь Валентина врезался невидимый кулак: отбросил, протащил по камням. Дайна взвизгнула от ужаса: Валентин поднялся и, покачиваясь,

выбросил вперед правую руку.

Данира подняло в воздух, в темно-синее небо, и швырнуло на землю. Он удержался почти у самых камней, вывернулся из захвата чужого заклинания и скользнул в сторону, вспыхнув огненной звездой. Аделард дотронулся до лица и произнес:

– Кажется, мне пора.

Он легко запрыгнул на спину дракона, и Гам, развернув крылья, стал подниматься над горами. Полыхающий шар полетел к Валентину, ударил его и смял. Они покатались по земле, и Дайна вдруг почувствовала: Данир выпил все силы Валентина и не дает ему сопротивляться.

Она закричала.

В огне забилося синее пламя – Валентин выбрасывал последние крохи своих заклинаний. И в ту же минуту дракон завис над Валентином и Даниром и с торжествующим ревом исторг огонь. Дайна бежала к огненной буре, падала, поднималась и снова бежала. Крик бился в ее горле, и, кажется, душа вырывалась вместе с ним. Пламя ревело и грохотало, и, наконец остановившись и обливаясь слезами, Дайна подумала, что все кончено. В таком огне никто не уцелеет.

Валентин пожертвовал собой ради мира. Ради академии, ради всех.

Кажется, прошло несколько веков, прежде чем она снова смогла видеть – и увидела, как на камнях лежат два человеческих тела.

– Живы! – прокричал Аделард с драконьей спины. – Точно, живы!

Девушка бросилась к Валентину, почти теряя сознание от страха, любви и надежды. Он шевельнулся, сел – Дайна обняла его, уткнулась лбом в плечо, чувствуя, что Валентин действительно жив, он тут, он дышит, и его сердце бьется.

Ей казалось, что нахлынувшее счастье сейчас задушит ее.

– Валентин... – только и смогла прошептать Дайна.

Валентин медленно поднял руки, обнял ее и прошептал:

– Я успел набросить на него сеть. А драконий огонь... он выпил из него всю магию.

Данир дернул головой, что-то простонал и снова замер. Дракон опустил голову чуть поодаль: он выглядел невероятно довольным, понимая, что сделал очень важное и нужное дело. Аделард спрыгнул на землю, подошел к Даниру, заглянул в его лицо.

– Знаете, – произнес он. – Я думал, что пну его как следует, когда мы победим. А сейчас мне почему-то не хочется этого делать.

Валентин хрипло рассмеялся и ответил:

– Это потому, что вы действительно благородный молодой человек, Аделард.

Шаннийский принц пожал плечами.

– Может быть! Когда оклемается, я все-таки его ударю за все хорошее. Что вы собираетесь с ним делать, господин ректор?

Валентин усмехнулся. Дайна помогла ему подняться, он подошел к Даниру и несколько минут стоял просто так, глядя на него. Принцесса замерла, даже дракон перестал ворчать и пыхтеть. Валентин смотрел так, словно на камнях перед ним лежал не его враг, а его жизнь.

– Это тяжело. – Аделард понимающе усмехнулся, и это словно сняло со всех заклятие. Дракон снова заурчал и выпустил струйки пара, Валентин присел на корточки перед Даниром, и Дайна поняла, что снова может дышать. – Знать, что твой отец убил твою невесту...

– Это был несчастный случай. – Магу даже удалось улыбнуться. – Если бы Леон действительно хотел ее убить, то нанял бы человека. Королю не надо было подставляться самому.

Голос Валентина угас. Он каким-то мучительным жестом поднес ладонь ко рту, словно пытался сдержать слова и слезы, и закрыл глаза. Дайна дотронулась было до его плеча, но опустила руку.

– Что с ним будет? – не унимался Аделард.

И принцесса подумала, что он прав. Надо было говорить. Надо заставить Валентина думать,

отвечать, двигаться – нельзя дать ему снова утонуть в своем горе.

Он был не один, и Валентин должен это понять.

– Думаю, он заслужил казнь, – добавил Аделард, и бывший ректор усмехнулся.

– А вы кровожадны, друг мой! – сказал он. – Нет, я не буду его казнить. Запечатая его в своей картине Необратимым заклинанием. У него будет море и покой.

– Удивительно! – воскликнул Аделард. – Вы исключительно добры, господин ректор.

– Я не добр, – ответил Валентин. – Просто если я казню его, то стану таким же, как мой отец. – Он помолчал и добавил: – А этого я хочу меньше всего.

Море на картине изменилось. Теперь там был берег, скалы, поросшие лесом, ослепительно-белый песок – Дайна невольно подумала, что это неплохое место для того, чтобы скоротать вечность.

И пейзаж был хорош. Море, молодой человек, который сидел на песке и задумчиво смотрел, как волны все бегут и бегут. В какой-то момент он повернул голову к Дайне, и она вздрогнула от его взгляда.

В нем не было ни страдания, ни тоски. В нем не было ничего, кроме печальной пустоты.

«Возможно, смерть была бы для него лучше этого заточения, – подумала принцесса. – Возможно, он однажды наберется сил, поднимется и уйдет. Куда-то же убегает эта дорожка песка туда, где виднеются горы».

– Задумалась? – спросил Валентин.

Дайна с улыбкой обернулась, и он улыбнулся в ответ.

– Немного, – ответила девушка. – Знаешь, когда мы были в горах, я ненавидела Данира. А теперь смотрю, как он сидит, и мне становится жаль его, правда.

Валентин подошел, обнял ее за плечи, и это объятие успокоило и согрело Дайну.

– Вот почему ты тогда разделил со мной ложе, – сказала она. – Тебе нужно было, чтобы я окончательно стала некроманткой.

Дайна почувствовала, как все тело Валентина на мгновение окаменело, словно он сделал что-то очень плохое и его разоблачили. Со стороны это, конечно, выглядело предосудительным: взял и затащил невинную девушку в постель, чтобы добиться своих целей.

– Да, – ответил он. – Тебя сделали некроманткой обида, боль и жажда мести. И твою новую суть надо было закрепить противоположными чувствами. Любовью. Защитой. Нежностью.

Данир на картине снова посмотрел на них, усмехнулся и кивнул.

– Да! – сказал он. – Все так и есть. Если бы твои способности пробудились от нежных чувств, он заставил бы тебя зарезать кролика, например.

Валентин плавно провел ладонью по воздуху, и Данир отвернулся. Снова стал смотреть на море.

Дайна вдруг представила мертвого Гровира, лежавшего лицом в траве с обугленной спиной. Увидела, как взрыв разметывает по саду тела спящих девушек. Услышала звуки боевых труб, стрельбу, грохот и крики раненых.

Потом девушка увидела себя в объятиях Валентина. Увидела, что находится рядом с человеком, который полюбил ее по-настоящему. И это было больше и дороже всех сокровищ мира.

– Ты все правильно сделал, – сказала она. – Нас бы уже не было, если бы я не стала некроманткой. И знаешь, – Дайна придержала Валентина за руку и смущенно сказала то, что все эти дни зрело в ее душе. – До встречи с тобой я была никем. Принцессой-попрошайкой. Родственники, у которых я жила, сделали меня нищей, растратив мои деньги. У меня ничего не было, совсем ничего.

Она осеклась, понимая, что вот-вот расплачется. Валентин погладил ее по плечу, и это простое дружеское прикосновение придало ей сил.

– Даже меня самой словно бы и не было, – продолжала Дайна, собравшись с духом и понимая, что она еще никому не открывалась настолько глубоко. – Так, милая девочка, которая вроде бы есть,

а вроде бы и нет. Красивая вещь в гостиной, и никому нет дела до этой вещи. А потом пришел ты. И сделал меня тем, кем я никогда не была.

Горло сдавило спазмом, но Дайна все же смогла сказать:

– Человеком. Героем. Любимой. – И, подняв глаза на Валентина, она добавила: – Мне не в чем тебя упрекнуть. Ты всегда поступал правильно и в моих интересах.

Со стороны окна донесся грохот идущей грозы, и Дайна увидела, как в центре зала закипает варево темных туч, в глубине которого медленно проступает человеческое лицо. Валентин нахмурился, мягко отстранил Дайну и произнес:

– Личная королевская связь. Я должен поговорить с отцом.

Дайна понимающе кивнула и выскользнула за дверь, но не пошла дальше – остановилась и замерла, ловя каждый звук. Конечно, она знала, что подслушивать плохо, но почему-то оставалась на месте и не шевелилась, надеясь – никому не придет в голову навестить попечителя академии.

– Ты жив, – донеслось до девушки.

Послышались шаги – Валентин подходил ближе к грозе.

– Жив, – ответил он.

– Наше министерство магии зафиксировало дуэль волшебников. Хорошо, что ты победил.

– Ты убил Авриль не случайно, – произнес Валентин, и Дайна содрогнулась всем телом. Таким голосом могла бы говорить смерть: пустым, каким-то нечеловеческим, лишенным всякого намека на чувства. – Ты спланировал ее смерть. Генрих умер через два дня после дочери, и ты присвоил Аранвен. – Он сделал паузу и добавил: – Ну давай, скажи мне, что это не так.

Какое-то время было очень тихо. Дайна даже дышать боялась.

– Тебе об этом сказал бастард Генриха, – утвердительно промолвил Леон. – Я знал о парне, но он никогда не сел бы на трон.

– Это правда? – спросил Валентин.

Король усмехнулся.

– Что еще ты хотел услышать от своего врага, – сказал он, и Дайна поняла – у него такая манера: задавать вопросы без вопросительной интонации. – Конечно, он сказал бы именно это, чтобы посеять раздор.

– Ты убил Авриль не случайно, – с нажимом процедил Валентин. – Ты все спланировал, Леон.

– Это был несчастный случай, – твердо ответил король, и Дайна подумала, что за сегодняшний вечер она слишком много слышала про несчастные случаи.

– Нет, – с той же твердостью сказал Валентин. – Ты захватил Аранвен одним ударом. Очень быстро, никто и опомниться не успел. А такие удары разрабатывают и готовят специально. И не два дня.

Дайна услышала шаги, отпрянула от двери и увидела Аделарда. Они вернулись в замок за полночь, и Дайна надеялась, что до утра Валентин решит, как поступить с шаннийским принцем. Аделард успел переодеться, и теперь ничто не напоминало о том, что еще утром это был мертвец на дне расщелины.

– Что случилось? – едва слышно прошептал он.

Дайна прижала палец к губам, призывая его к тишине. Аделард понимающе кивнул и подошел к ней.

– Это был несчастный случай, – с нажимом повторил Леон.

Аделард выразительно завел глаза и дотронулся до груди там, где совсем недавно была дыра.

– Отбор невест почти закончен, – сказал Валентин, и Дайна вдруг всем сердцем почувствовала, насколько он устал. Он сейчас едва держался на ногах, но нужно быть сильным и стойким, нельзя было показывать волнение. – Я сделал все, что обещал тебе. Но я больше не считаю тебя своим отцом, Леон. И больше не смей показываться мне на глаза. Никогда.

Над академией загрохотал такой гром, что на мгновение Дайна оглохла – и опомнилась, когда

открылась дверь и вышел Валентин. Аделард сразу же улыбнулся и придал лицу самое невинное выражение.

– Подслушивали, – произнес Валентин.

– Ни в коем случае! – откликнулся Аделард. – Я как раз шел к вам, встретил по пути Дайну, и мы пошли вместе. Ну, так получилось, что да, мы невольно стали свидетелями вашей семейной драмы. А если серьезно, то мне не стоит возвращаться домой. Отец меня убьет, если узнает, что я не только оживший мертвец, так еще и без магии.

Валентин усмехнулся. Дайна подумала, что Аделард специально так болтает, чтобы отвлечь его и от тяжелых мыслей после разговора с отцом, и от того, что у этого разговора были свидетели.

– И как же вы собираетесь поступить, ваше высочество? – поинтересовался Валентин, и Дайна поняла, что ему становится легче. Прошлое окончательно ушло от него, и всех тех, кто мог причинить боль, больше нет в его жизни.

– Я хотел бы продолжить обучение, – признался Аделард. – Судя по тем книгам, что я нашел в своей комнате, для работы с растениями, необходимыми для зелий, магия не нужна. – Принц пожал плечами и сказал: – Знаете, вообще, конечно, это очень странное чувство. Там, в комнате, мои вещи – и ими пользовался мой убийца.

Валентин усмехнулся и одобрительно похлопал Аделарда по плечу.

– Я поговорю с Бундо. Он давно намекает, что ему нужен ассистент, который со временем займет его место. И знаете? Прикажите крысам просто почистить ваши вещи с дым-порошком. Он выбьет из них все следы этой сволочи.

Аделард рассмеялся.

– Я так и знал, что вы найдете нужный способ! – сказал он.

Саалийские мастера приехали ранним утром.

Сидя в столовой за чашкой крепчайшего кофе – вся остальная еда и напитки становились комом в горле, – Дайна видела, как благородные господа завтракают. Кьяра и Карин смотрели на них с каким-то суеверным ужасом.

– Зачем они тут? – спросила Карин, глядя, как один из саалийцев, высокий и изящный, намазывает апельсиновый джем на подсушенный ломтик хлеба. Точно такой же ломтик сейчас лежал на тарелке перед Карин, но ей тоже кусок в горло не лез, и Дайна ее прекрасно понимала.

Несколько недель назад девушка была крепостной крестьянкой. А теперь могла бы стать принцессой.

– Манерам нас учить, – сообщила Иви. Вот ее аппетит не покинул: девушка за обе щеки уплетала яичницу с грибами и беконом. Аделард, сидевший рядом, смотрел на нее с веселым интересом. Видимо, ему никогда не приходилось общаться с девушками из северных рыбацких поселков. – Госпожа Эмилия давеча говорила, что свадьбу будут весной играть. А они станут учить победительницу манерам, этикету, всему такому. Она так и сказала: приедут мастера, чтобы будущая принцесса не опозорилась.

Дайна невольно подумала, как это хорошо, что королевой сможет стать, в общем-то, любая девушка. Магия поднимает гораздо выше всех сословий, а королева, вышедшая из народа, сможет принести пользу людям, так как знает их радости, горести и нужды не понаслышке.

– Ты почему-то сегодня молчаливый, – заметил Гровир, посмотрев на Аделарда.

Тот уже знал, что у него здесь есть лучший друг – оркувен, но все равно в его взгляде порой проскальзывало искреннее удивление такому повороту дел.

– Даже и не знаю, что на это ответить. – Принц улыбнулся и добавил самым загадочным тоном: – Наверное, с меня спало чье-то заклятие.

– Дайна, а где ты была вчера? – поинтересовался Петер. – Мы тут, честно говоря, не знали, что и думать! Ты весь день была какая-то смурная. Потом твой дракон прилетел, плюнул огнем в кабинет господина попечителя, и улетел вместе с ним. И Аделард куда-то сбежал под вечер.

Дайна улыбнулась и, решив, что тайны Южанина все-таки должны остаться тайнами, сказала:

– В общем, самое важное то, что теперь у нас все будет хорошо. Южанина нашли и уничтожили.

Ей вдруг стало грустно, когда она представила, как Южанин будет коротать вечность на морском берегу. И все из-за того, что королю Леону захотелось новых земель! Валентин прав: с таким человеком, как его отец, лучше не иметь ничего общего. Именно он создал чудовище, и как хорошо, что Дайна смогла разрушить все его планы!

– Слава богу! – хором воскликнули Кьяра и Карин. – Так ему и надо!

– А что будет на последнем этапе отбора? – поинтересовался Аделард, желая вернуть беседу в прежнее русло.

Иви, которая сидела напротив, задумчиво уперлась подбородком в ладонь и мечтательно проговорила, глядя куда-то в потолок:

– А ты рассказывал, что у вас в Шанно испытывают только страстью...

Щеки Аделарда вспыхнули румянцем.

– Я не мог сказать такую глупость! – звенящим от гнева шепотом произнес он. – Шанно – достойное государство, где такие мерзости недопустимы!

Дайна толкнула его ногой под столом и сказала:

– Да мы сразу поняли, что ты тогда шутил. Будь иначе, у вас отбою бы не было от невест.

Когда завтрак закончился и студенты отправились в аудитории, Гровир осторожно придержал шаннийского принца за руку и спросил:

– С тобой что-то случилось?

Дайна тоже решила задержаться: вдруг потребуется помощь. Аделард улыбнулся и ответил:

– Нет, все в порядке. С чего ты взял?

Гровир улыбнулся в ответ.

– Вчера ты был другим. Смотрел иначе, говорил по-другому, да и запах у тебя был не такой. Сейчас я чувствую твое недоумение и страх.

Мимо прошли второкурсники, бросили на Дайну заинтересованные взгляды.

– Тебя это тоже касается, – заметил Гровир, посмотрев на Дайну. – И ты вчера была другая, а сейчас настоящая. Что случилось, рассказывайте.

Дайна присела на край подоконника. Первой парой было занятие у господина Бундо, но у них еще оставалась четверть часа на рассказ.

– Ладно, слушай, – сказала принцесса, покосившись на Аделарда.

Тот кивнул: мол, рассказывай.

Гровир слушал так, как дети слушают сказки. Когда дело дошло до момента пробуждения Дайны от мертвого сна в расщелине скалы в компании трупа, он открыл рот.

– Тебя убили? – прошептал Гровир, и его рука машинально дотронулась до бедра там, где раньше висел один из ножей, словно он собирался бежать, искать Южанина и выпускать ему кишки.

– Нас обоих убили, – ответила Дайна и стала рассказывать, что было дальше.

Когда Гровир узнал о том, как Аделард налетел на драконе с тыла, то одобрительно улыбнулся, а услышав, что Данир теперь живет в картине Валентина, нахмурился.

– Я бы прикончил эту сволочь, – решительно произнес он.

Аделард согласно кивнул.

– Я бы тоже его прикончил, – заявил он, и Гровир с одобрением посмотрел на него. – Но у господина Валентина больше благородства, чем во всех нас.

– Это верно, – согласился Гровир. – Благородный муж способен на милосердие и не терзает поверженного врага. Ну что? – Он снова обернулся к Аделарду и сказал: – Я стал твоим другом, когда твой облик принадлежал другому человеку. Думаю, что мы сможем подружиться и сейчас,

заново.

Аделард улыбнулся и протянул ему руку.

– Я в этом уверен! – ответил он и добавил в тон: – Два благородных мужа всегда найдут общий язык.

– А раз так, тогда идем на урок, – позвала Дайна, когда они обменялись рукопожатием. – Господин Бундо не любит опозданий.

После обеда студенты академии собрались в саду. Теперь, когда опасность для всех была позади, Валентин разрешил провести финальный этап отбора на свежем воздухе. Стоя рядом с Гровиром и Аделардом, Дайна слышала, как Кьяра негромко говорит, глядя на сестру:

– Дом новый справим... младших в люди выведем...

– Ты так уверена, что твоя сестра победит? – поинтересовался Аделард.

Кьяра улыбнулась.

– Даже если и не победит, ничего страшного, – ответила она. – Мне госпожа Эмилия рассказала, сколько всего можно купить на те монеты, которые участницам давали. Этого нам на сто лет хватит.

– Вы бы ваших младших и так в люди вывели, – заметил Петер. – Вы же волшебницы, у вас денег будет – во! Немерено.

– Так это когда еще будет, – рассудительно сказала Кьяра. – А монеты уже сейчас есть.

Благородные саалийские господа рассматривали Карин и Иви, которые стояли возле кафедры, принесенной из одного из классов, и по их лицам было понятно – работа предстоит большая. Девушки принарядились: Дайна знала, что эти платья по саалийской моде крысы шили им всю ночь, и сейчас Карин и Иви чувствовали себя неловко и смущались... Им ведь не приходилось одеваться в плотный шелк, они никогда не тонули в серебристой дымке кружевной отделки и не носили мелких жемчужин, украшавших вырез платья.

– У блондинки лицо изящнее, – заметил один из саалийских мастеров другому. – Но до свадьбы ее придется подержать на диете. Немного сбавим эту плотность. И на солнце не пускать! Никакого загара!

Второй мастер кивнул.

– Руки красивые, – произнес он. – А у рыбачки волосы лучше. Хотя она кажется мне более строптивой и менее сговорчивой.

Первый усмехнулся.

– Хорошо, что наше дело лишь этикет и манеры. Мы ведь и не таких уродин в принцесс превращали, сам знаешь.

«Хорошо, что они говорят по-саалийски, – хмуро подумала Дайна. – Обсуждают девушек, как скотину на рынке».

Она вдруг вспомнила подготовку к свадьбе с Кендриком: а ведь в те времена ее обсуждали точно так же! Дайне ставили в вину ее худобу, слишком живой и блестящий взгляд, слишком быструю походку. А она тогда никого не слушала, она парила на крыльях надежды и любви и мечтала о том, что все будет хорошо.

В итоге все действительно стало хорошо – просто дорога к настоящему счастью пролегла мимо дракона, южного мстителя, отчаяния и запретных чувств.

Зрители зааплодировали: по дорожке быстрым шагом шел Эжен. Компания преподавателей во главе с попечителем следовала за ним в некотором отдалении. Валентин поймал взгляд Дайны и улыбнулся. Эжен вышел к кафедре, одарил всех яркой улыбкой и поклонился Карин и Иви.

Дайна вдруг поняла, что тоже улыбается. Теперь можно было жить спокойно и беззаботно: учиться, любить, гулять с друзьями. Та угроза, которую принес с собой Южанин, миновала.

– Приветствую всех! – сказал Эжен. – Ну что, последний этап отбора?

Карин и Иви смущенно опустили глаза.

– Даже не верится, что мы зашли так далеко, – промолвила Иви, и над садом зазвенел веселый смех.

– Да! – рассмеялся Эжен. – Мне самому не верится, что сегодня отбор закончится. – Он сделал паузу и заговорил уже серьезно: – Карин, Иви... Вы замечательные девушки. Отбор показал вашу доброту, честность, любовь к жизни и людям. Кто бы из вас ни победил, я обещаю, что буду хорошим мужем. И та, кто одержит победу, будет счастлива в браке со мной. Я сделаю для этого все.

«Вот и еще одно различие между Саалией и Абсолоном», – подумала Дайна. Перед свадьбой с Кендриком ей говорили, что она должна сделать мужа счастливым. О том, что Кендрик тоже должен поступать так, чтобы его жена радовалась семейной жизни, никто не упомянул. А Дайна тогда не обратила на это внимания.

Зрительницы издали дружное томное «Ах!». Карин и Иви выглядели невероятно смущенными и счастливыми. Все это было похоже на сказку: пусть принц не испытывал неземной любви к своей избраннице, он готов был сделать ее счастливой.

Дайна знала, что это желание важнее для семейной жизни, чем пылкие чувства, которые не подкреплены делом.

– Итак! – Эжен вынул из кармана бархатный мешочек и вытряхнул на ладонь две монеты – тускло блеснуло темное золото, рубины в центре поймали солнечные лучи и сверкнули тревожными темными глазами. – Это золотые саалийские дублоны. Возьмите их.

Девушки послушно подошли к кафедре и забрали монеты из рук принца.

– Это ваше, – сказал Эжен. – Подумайте и расскажите, как вы потратите ваши дублоны.

Иви открыла было рот, но Эжен предупредительно вскинул руку. На кафедре перед ним появились песочные часы, он перевернул их быстрым движением, и песок потек тонкой белой струйкой.

– Четверть часа на размышления! – заявил Эжен. – Думайте!

Время шло медленно-медленно. Карин села на один из валунов под яблонями, и Дайна невольно отметила, что ее задумчивое лицо сейчас выглядит спокойным и благородным. Эжен был прав: настоящее благородство заключается в доброте и честности, а не в королевской крови. Иви бродила по траве, иногда принималась что-то считать на пальцах. Она волновалась: Дайне показалось, что ее рыжие косы снова поблекли, утратив насыщенно-морковный цвет.

Последняя песчинка упала из верхней чаши часов, и Эжен воскликнул:

– Итак! Как же вы потратите этот дублон? Иви?

Иви остановилась. Нервным движением сжала шелк платья у бедра. Зрители, кажется, перестали дышать.

– Я... – начала она и осеклась. Эжен ободряюще улыбнулся, и девушка, справившись с волнением, продолжала: – Я куплю себе платье. Красивое такое, темно-синего бархата. Я такое в книжке видела однажды, на принцессе Лалин. У нас в поселке нищета одна живет, в домотканом ходим. Оно мне по ночам снится, с самого детства.

Голос Иви сел, и последнюю фразу Дайна прочла по ее губам:

– Я только о нем и мечтаю.

Сначала было очень тихо, а потом зрители взорвались аплодисментами, и Иви расплакалась. Дайна прекрасно понимала ее. Бархатное платье принцессы Лалин было для нее не просто одеждой, а мечтой, знаком того, что она сможет вырваться из нищеты рыбацкого поселка, знаком того, что она не будет голодать и заниматься изнуряющим трудом. Эжен ободряюще обнял Иви и вопросительно посмотрел на брата – Валентин кивнул.

– Спасибо, Иви, – сказал Эжен. – Ты искренняя и честная девушка. Я рад, что мы познакомились. Как бы ни сложилось с отбором, я надеюсь, что мы будем друзьями.

Иви всхлипнула, и провела ладонью по лицу, смахивая слезы. Когда она успокоилась и перестала плакать, Эжен обернулся к Карин и спросил:

– Карин, а ты? Как ты потратишь свой дублон?

Сейчас Карин выглядела решительной и строгой: в ней действительно появилось что-то, на мгновение поднявшее эту девушку выше всех.

– Это ведь огромные деньги, – проговорила она так, словно сейчас открывала душу перед всеми. – Я бы весь наш поселок выкупила у барина. Тут бы хватило. Были мы крепостные, а стали бы вольные люди. И барин был бы не в обиде, и жили бы все хорошо и дружно. А так я бы тоже платье

хотела, как у принцессы, но это уже так, потом. Стану волшебницей – куплю.

Она умолкла и опустила голову, будто ей сделалось невероятно стыдно. Над садом воцарилась звенящая тишина.

Эжен должен был принять решение. Выбрать ту девушку, с которой проживет до конца жизни, которая родит ему детей и всегда будет рядом: поддерживать, помогать, любить. Несколько пронзительно долгих минут Эжен молчал, и Дайне казалось, что она видит молнии, сверкающие над его головой.

– Это очень достойно, – наконец, произнес он. – Когда ты думаешь не о себе, а о других людях, то действительно поднимаешься высоко.

Эжен вышел из-за кафедры, подошел к Карин и, опустившись на одно колено, промолвил:

– Карин Шу, я прошу тебя оказать мне честь и стать моей женой.

Карин ахнула, зажала рот ладонью и взглянула на принца так, будто ее сердце готово было разорваться от ужаса в эту минуту. Эжен смотрел на нее с теплом и тем искренним светлым чувством, из которого потом сможет родиться настоящая любовь. Не буря, порыв и потрясение всей души, а доброе солнце истинного понимания – вот что однажды у них будет.

– Соглашайся! – звонко прошептала Иви и улыбнулась. В ее глазах засверкали слезы, но Дайна видела, что она не расстроена по-настоящему. Карин растерянно провела пальцами по лицу и едва слышно прошептала:

– Да, я согласна!

Сад взорвался аплодисментами. Студенты хлопали в ладоши, кричали, некоторые девушки даже заплакали. Дайне на миг показалось, что земля уходит у нее из-под ног, и она взлетает к облакам: таким острым было чувство общего счастья. Валентин вышел к брату, с улыбкой пожал ему руку, а потом порывисто обнял, и Дайна услышала:

– Как же я рад за тебя!

Но на этом финал отбора невест не закончился. Повинуясь жесту Валентина, к Иви подбежали крысы, таща огромную картонную коробку. Валентин поднял руку, призывая всех к тишине, и, когда взволнованные студенты умолкли, произнес:

– Иви Гудмундсдоттир дошла до финала, я от всей души поздравляю ее и хочу вручить этот подарок. Мы с его высочеством Эженом решили, что он ее обрадует. Мечты ведь должны сбываться, правда?

Крысы с поклоном опустили коробку на траву. Иви оторопело посмотрела сначала на Валентина, потом на Эжена, и Дайна поняла, что ей никто и никогда не делал подарков.

– Открывай! – Эжен улыбнулся.

Иви присела на корточки рядом с коробкой, сдвинула крышку, и Дайна увидела тонкий широкий лист жатой бумаги, а под ним – темно-синее платье с жемчужной отделкой. Судя по тому, как изменилось лицо Иви, это было именно то платье, о котором она мечтала.

Иви вернула крышку на место. Открыла коробку снова.

Платье никуда не делось. Валентин принес его сюда своей магией: Дайна заметила, как заискрились кончики его пальцев, творя заклинание, когда Иви говорила о своей мечте.

– Спасибо, – прошептала Иви и добавила уже звонче: – Спасибо!

Вместе с остальными студентами Дайна аплодировала ей и думала, что для Иви это платье гораздо важнее и дороже короны. Не сможет эта вольная дочь рыбака жить по дворцовым ритуалам. Ее всегда будут звать к себе море и свобода.

На отборе невест каждый получил то, что должен был получить. Глядя, как в небо летят бумажные воздушные шары с золотыми огоньками внутри, Дайна знала, что это самое главное.

Эпилог

Учебный год промелькнул перед Дайной разноцветным куполом ярмарочной карусели. Вроде бы только закончился отбор невест и листва сверкала рыжим золотом – и вот уже первые дни лета, и в саду цветет жасмин, наполняя коридоры и залы академии едва уловимым ароматом нежности и тоски, и Дайна сдает экзамены.

– Ну что ж, я могу поставить только отличную оценку, – одобрительно улыбнулся Александр, выслушав ее ответ по билету. – Вы прекрасно подготовились, Дайна.

Девушка улыбнулась в ответ. Расписавшись в тонкой книжке с оценками, Александр протянул ее Дайне и спросил:

– Последний экзамен?

– Да, – ответила она. – Теперь каникулы. И второй курс.

Зельеделание, рунознание, история магии, боевые заклинания и практическая работа – Дайна справилась с экзаменами лучше всех на курсе. Сейчас ей не верилось, что учебный год остался позади.

– Тогда желаю хорошего лета, – сказал Александр и с искренним теплом добавил: – И крепкого семейного счастья.

Дайна вышла из класса и неторопливо пошла по коридору. Ей предстояло много дел: через два дня должна была состояться свадьба саалийских принцев, и надо было еще раз примерить платье, окончательно договориться с куаферами о прическе, а с садовниками о букете и цветах в прическу, не говоря уже о том, чтобы поболтать с подругами: считалось, что разговор с невестой перед свадьбой приносит счастье.

Но спешить не хотелось.

На подоконнике сидели Гровир и Аделард, рассматривали свои книжки с оценками. Гровир выглядел довольным, Аделард хмурился. Увидев Дайну, он поинтересовался:

– Отлично, как всегда?

– Да, – кивнула девушка, сев рядом. – Отлично.

Аделард протянул ей свою книжку, и Дайна увидела оценки: все «неудовлетворительно», кроме зельеделания: там изящным почерком господина Бундо было написано: «Отлично».

– Что же делать? – озадаченно спросила Дайна.

Аделард пожал плечами.

– Я не маг, ты и сама знаешь. Господин Бундо сказал, что я не буду учиться в академии.

Гровир, который нашел в Аделарде лучшего друга, нахмурился.

– Как не будешь учиться в академии? Тебя отчислят? А как же...

Аделард ослепительно улыбнулся.

– Я не буду учиться в академии, потому что я буду в ней работать. Вот, – он перевернул несколько страниц своей книжки, и Дайна увидела запись: «Принять на работу в должности ассистента на кафедре зельеделания» – и размашистую подпись Валентина. – Вот так! – довольно заявил Аделард. – Следующий экзамен по зельеделанию вы будете сдавать мне.

– Неудивительно! – довольно произнес Гровир, похлопав его по плечу. – Господин Бундо говорил, что у тебя талант к зельям.

Улыбка, которая скользнула по губам Аделарда, была тонкой и лукавой.

– Знаешь, как иногда называют Шанно? – спросил он. – Королевство ядов. Так что всякие смеси мы знаем с детства.

«Неудивительно, – подумала Дайна. – Видимо, именно в Шанно Данир узнал о свойствах отравляющих смесей и млечнике. А потом искал его в родных краях и нашел».

– Ты не хочешь вернуться домой? – поинтересовалась Дайна. Аделард посмотрел по сторонам в поисках тех, кто может их подслушать, не увидел никого подозрительного и ответил:

– Нет. Та сволочь жила в моем доме, в моем облике. Я пока не хочу там показываться.

Южанин сидел на берегу моря до самой зимы. Когда на горы лег первый снег, Дайна посмотрела на картину и увидела, что берег пуст. Цепочка следов уходила к горам, и море медленно слизывало ее, стирая всякую память о человеке.

– Куда он ушел? – спросила принцесса.

Валентин повернул раму, и Дайна увидела горы, заснеженный лес и серое зимнее небо.

– Ему есть куда пойти, – ответил Валентин. – Главное, что он никогда не вернется в наш мир.

Дайна обняла его и сказала:

– Ты все сделал правильно. И ты никогда не станешь таким, как твой отец.

Валентин устало усмехнулся, поцеловал волосы Дайны и ответил:

– Это и есть счастье: не быть таким, как он.

...На свадьбу сыновей Леон не приехал: все газеты писали о том, что его величество страдает от жестоких приступов подагры, хотя Дайна прекрасно понимала, что он просто не хочет смотреть в глаза сыновьям. Отбор невест закончен, а свадьба вполне может пройти и без участия отца женихов. Зато в академию приехала королева Мия: улыбчивая, добрая, стройная, несмотря на многочисленные роды. Карин оробела – усиленные занятия с саалийскими мастерами манер и этикета лишь сгладили ее неловкость и смущение, но не убрали до конца. Но королева лишь ободряюще улыбнулась и сказала:

– Не надо меня бояться, моя дорогая. Знаешь, откуда родом я сама?

Карин только руками развела.

– Я родилась в крошечном поселке у южного моря, – ответила Мия. – Мой отец был плотником, а мать ткачихой. А потом во мне проснулась магия – и вот я здесь.

Она обняла будущую невестку и добавила:

– Просто будь собой. В этом и есть твое счастье.

Будущая свекровь понравилась Дайне, и на какое-то мгновение она даже пожалела, что они будут редко видеться. Мия жила в Саалии, туда уедут Эжен и Карин, когда она закончит учебу. А Дайна с Валентином останутся в академии, и, когда минута сожаления миновала, девушка подумала, что это правильно.

Лучше держаться подальше от королей, их дворцов, интриг и злобы. Им с Валентином уже хватило этого. И Эжен, который давно заявил, что останется в академии, придерживался такой же точки зрения. Ему даже должность нашли – принц стал мастером по международным контактам и теперь бегал по академии то со словарями, то со счетами.

Почти одновременно с Мией приехало посольство Застепья во главе с князем Шураном. Рядом с академией встали алые походные юрты, и молодые воины на вороных конях начали соревноваться в скачках и стрельбе. Студентки толпились на безопасном расстоянии и отчаянно строили глазки красавцам в черно-красных шелковых халатах. А Гровир рассказывал всем, кто готов был его слушать, о том, что свадьба оркувен-ани немыслима без соревнований, бараньего шашлыка и танцев.

– Ну что это за свадьба без скачек? – спрашивал он у Аделарда. – Так, скукота.

Аделард доедал третью порцию шашлыка и был с ним полностью согласен.

Князь Шуран, смуглый, круглолицый, похожий на древнего бронзового божка, церемонно дотронулся до локтя Дайны, и она почувствовала мгновенный шок, будто внезапно заглянула в пропасть. А Валентин, стоявший рядом с ней, удивленно взглянул на князя и спросил:

– Вы тоже маг? Я чувствую вашу силу.

Князь церемонно кивнул. Колокольчик, украшавший его косу, издал мелодичный звон.

– Мне было некогда учиться, – ответил он. – Пусть теперь дети идут по хорошей дороге. – Он пристально посмотрел на Валентина и произнес: – Я вижу, что она хорошая девочка. Будь ей достойным мужем.

– Я буду им, – с торжественной искренностью сказал Валентин. – Ничего другого я не хочу.

...День свадьбы выдался солнечным и ясным, словно кто-то смыл из него все плохое. Вместе с Карин и подружками невест Дайна шла в сад, где должна была состояться церемония, и чувствовала себя настолько легко и свободно, что казалось, будто душа летит куда-то вперед, к яблоням, где уже стояли Эжен и Валентин, и помощники священника разворачивали полосы ритуальной ткани, которыми накроют жениха и невесту.

Древний обычай – скрыть влюбленную пару от случайных глаз, чтобы молодые принесли свои клятвы лишь любимому человеку и Богу.

«Я стану его женой, – думала Дайна, не сводя глаз с будущего супруга. – Господи, я стану его женой!»

В памяти мелькнул тот тихий осенний день, когда Валентин отбил Дайну у дракона – тогда она была изгнанницей и думала, что ее жизнь закончена. У нее ничего не осталось, кроме отчаяния и надежды. А человек в маске пугал ее, и у принцессы немели ноги, когда он прикасался к ней.

Если бы кто-то тогда сказал девушке, что уже через несколько дней она выкинет из головы и Кендрика, и свой неудачный брак, и желание отомстить, она бы не поверила.

Дайна подошла к Валентину, он улыбнулся и ободряюще сжал ее руку.

– Ты как-то странно на меня смотришь, – негромко заметил он.

Принцесса улыбнулась.

– Просто подумала о том, что тебе никогда больше не придется надевать маску, – сказала она, и Валентин улыбнулся в ответ.

Эжен тоже улыбался. Карин выглядела настоящей принцессой в шелке и кружеве свадебного платья. Ее многочисленная родня в пышных народных костюмах – Карин исполнила свое желание, выкупив поселок на следующий же день после финала отбора невест, – смотрела на девушку с искренней гордостью и любовью, настолько глубокой, что сердце невольно замирало.

Дайна в очередной раз заметила: как хорошо, что у Карин и Эжена был этот год, чтобы лучше узнать друг друга. Стоило только увидеть, как принц смотрит на свою будущую жену, и становилось ясно: их брак не просто результат отбора невест. Они нашли общий язык, подружились, и из этой дружбы родилась любовь – та самая, настоящая.

Дайна вспомнила, как под Новый год встретила Карин – раскрасневшуюся, полную странного восторга, будто бы захмелевшую. Она посмотрела на Дайну и, словно не видя ее, проговорила, прижав ладони к пунцовым от смущения щекам:

– Господи, неужели это вот так бывает?

– Да, – ответила Дайна. Не надо было объяснений, чтобы понять, что случилось между Карин и Эженом. – Да, так оно и бывает, когда ты любишь.

– Возлюбленные чада мои! – произнес священник. – Мы собрались сегодня для того, чтобы соединить священными узами брака Эжена и Карин и Валентина и Дайну. Встаньте на колени.

Дайна послушно опустилась на колени рядом с Валентином, и помощники священника проворно накрыли их белым полотном, расшитым золотыми строками из Святого Писания.

Как там говорят о том, что две души становятся едиными?

Сейчас Дайна с трудом могла дышать – ее переполняла надежда и любовь.

– Я люблю тебя, слышишь? – негромко произнес Валентин, и Дайна смогла лишь откликнуться:

– И я люблю тебя. Сильно-сильно.

Она не запомнила слов священника: просто поняла, что церемония закончена, и свидетели бросают в них цветочные лепестки и рисовые зернышки. Валентин улыбался – так, словно теперь по-настоящему вернулся к себе, словно именно сейчас закончился его долгий путь.

И душа Дайны летела высоко-высоко, к синему куполу неба, туда, где на драконьих крыльях кружило ее счастье.